

Флот крестоносцев.

Миниатюра из средневековой рукописи.
Парижская национальная библиотека.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ROBERT DE CLARI

LA CONQUETE
DE CONSTANTINOPLE

РОБЕР ДЕ КЛАРИ

ЗАВОЕВАНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Перевод, статья и комментарии
М. А. ЗАБОРОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА · 1986

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ «ПАМЯТНИКИ ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ»

*К. Э. Ашрафян, Г. М. Бонгард-Левин, В. И. Буганов (зам. председателя),
Е. С. Голубцова, С. С. Дмитриев, В. А. Дунаевский, В. А. Дьяков,
М. П. Ирошников, Г. С. Кучеренко, Г. Г. Литаврин, М. В. Нечкина,
А. П. Новосельцев, А. В. Подосинов (ученый секретарь), Л. Н. Пушкарев,
В. И. Рутенбург, А. М. Самсонов (председатель), В. А. Тишков,
Э. В. Удальцова (зам. председателя)*

Ответственный редактор

Э. В. УДАЛЬЦОВА

ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ

Здесь начинается пролог о том, как был завоеван Константинополь. Потом вы услышите, почему туда отправились.

I

Здесь начинается история тех, которые завоевали Константинополь; потом мы расскажем вам, кто они были и по каким причинам туда направились. Случилось так, что как раз в то время папа Иннокентий был апостоликом римским¹, а Филипп — королем Франции²; был еще другой Филипп, который являлся императором Германии³, и от воплощения прошло тысяча двести три или четыре года⁴. Был тогда некий священник по имени мэтр Фульк из Нейи⁵, прихода, что в Парижской епархии. Этот священник был человеком весьма благочестивым и превосходным церковнослужителем, и он обходил страну⁶, проповедуя крест⁷, и многие следовали за ним⁸, ибо он был столь праведен, что господь творил через него много великих чудес; и этот священник собрал много денег, чтобы отвезти их в Святую землю за морем⁹. Крест взяли¹⁰ тогда граф Тибо Шампанский и Бодуэн, граф Фландрский, и Анри, его брат, и граф Луи Блуаский, и Гюг, граф де Сен-Поль, и Симон, граф де Монфор¹¹, и его брат Гюи. Мы назовем далее священнослужителей, которые там были. Там были епископ Нивелон Суассонский¹², очень мудрый и доблестный как в решениях, так и, коли в том имелась необходимость, в действиях, и епископ Варнье де Труа¹³, и епископ Ганетест из Германии¹⁴, и мэтр Жан Нуайонский, которому суждено было стать епископом Акры. Там были также аббат из Лооса, что во Фландрии, из некоей обители ордена цистерцианцев¹⁵ (этот аббат был весьма мудрым и праведным человеком), и иные аббаты, и столько других клириков, что мы не смогли бы вам всех назвать. Не смогли бы мы перечислить вам и всех баронов, которые там были, но упомянем некоторых из них. Из Амьенуа там был мессир Пьер Амьенский¹⁶, отменный рыцарь, смелый и доблестный, и мессир Ангерран де Бов¹⁷, четвертый из братьев: одного звали Робер¹⁸, другого — Гюг¹⁹, а один из их братьев был клириком; Бодуэн де Бореуар²⁰, Майе де Валинкур²¹, защитник Бетюна²² и его брат Конон²³, Юсташ де Кантелз²⁴, Ансо де Кайо²⁵, Ренье де Трит²⁶, Валес де Фриуз, Жирар де Маншикур и Николая де Майн, Бодуэн Каварон, Гюг де Бовэ²⁷ и мно-

гие другие знатные рыцари из Фландрии и других земель, и мы не смогли бы вам всех назвать. И там был мессир Жак д'Авень²⁸. И из Бургундии были Эд де Шанлитт и его брат Гийом²⁹, которые имели много вассалов в войске; немало было там и других рыцарей из Бургундии, которых мы не смогли бы вам назвать полностью. А из Шампани там были маршал³⁰ и Ожье де Сен-Шерон, и Макэр де Сен-Менэу, и Кларембо де Шапп³¹, и Милон де Бребан³², все они были из Шампани. Затем там был шатэлен де Куси³³, Робер де Ронсуа, Майе де Монморанси, весьма доблестный рыцарь³⁴, Рауль д'Онуа и его сыновья Готье и Жиль д'Онуа, Пьер де Брасье³⁵, отважный, пылкий и доблестный рыцарь, и его брат Гюг. Все они, которых я здесь называю, были из Франции³⁶ и из Бовези³⁷. А из Шартрэна³⁸ там были Жервэ де Кастель и его сын Эрвэ, и Оливье де Рошфор, и Пьер д'Ало³⁹, и Пэян из Орлеана, и Пьер Амьенский, добрый и отважный рыцарь, который совершил много подвигов, и клирик Фома, его брат — каноник из Амьена, Манессье из Лилля во Фландрии⁴⁰, Майе де Монморанси, шатэлен де Корби. А вообще там было столько всяких рыцарей из Франции, и из Фландрии, и из Шампани, и из Бургундии, и из прочих земель, что мы не сумели бы назвать вам всех рыцарей, смелых и доблестных; те же, которых мы здесь назвали, были самыми могущественными, они носили знамя⁴¹, и мы еще не назвали всех, кто носил знамя. А из тех, кто совершил более всего ратных подвигов — будь то богатые или бедные, мы можем вам назвать только часть: это были Пьер де Брасье, один из богатых и бедных, из тех, кто совершили более всего ратных подвигов, и его брат Гюг, и Андрэ д'Юрбуаз⁴², и мессир Пьер Амьенский, доблестный и прекрасный собой рыцарь⁴³, и Майе де Монморанси, и Майе де Валинкур, и Бодуэн де Бореувар, и Анри, брат графа Фландрского, и Жак д'Авень; все они были из тех могущественных людей, кто совершили более всего ратных подвигов. А из бедных там были Бернар д'Эр и Бернар де Субренжбен, Юсташ де Юмон и его брат Жильбер де Вим, Валес Фриузский, Гюг де Бовэ, Робер де Ронсуа, Алар Макэро, Николая де Майи, Гюи де Маншикур, Бодуэн де Амелэнкур, Гийом д'Амбревиль, Альом де Клари, что в Амьенуа⁴⁴, клирик, который выказал себя весьма отважным и совершил много доблестных деяний; Альом Сансский, Гийом де Фонтэн. И те, которых мы здесь упомянули, совершили более всего ратных подвигов и проявили более всего храбрости; но много было и других добрых воинов, конных и пеших, столько тысяч, что числа их мы не ведаем.

II

Так собрались все графы и знатные бароны, которые взяли крест⁴⁵. Потом они повелели созвать всех других знатных людей, которые взяли крест, и когда все собрались вместе⁴⁶,

то держали совет между собой, чтобы определить, кого они поставят своим предводителем и сеньором. И они избрали графа Тибо Шампанского⁴⁷ и поставили его своим сеньором; потом они разъехались, и каждый отправился в свои владения. А затем прошло совсем немного времени и граф Тибо скончался⁴⁸; и он оставил 50 тыс. ливров крестоносцам и тому, кто после него станет их предводителем и сеньором, дабы деньги были употреблены так, как того пожелают крестоносцы⁴⁹. А потом скончался также мэтр Фульк⁵⁰ — это была великая утрата для всех крестоносцев.

III

Когда крестоносцы узнали, что граф Шампанский, их сеньор, умер и мэтр Фульк тоже, они были этим очень опечалены и взволнованы; и вот собрались они как-то раз в Суассоне⁵¹ и держали совет между собой, что им делать и кого поставить своим предводителем и сеньором, пока не согласились в том, что пошлют к маркизу Бонифацию Монферратскому⁵² в Ломбардию. Они направили к нему весьма добрых послов. Послы снарядились и поехали к маркизу. Когда они туда прибыли, то обратились к маркизу и сказали ему, что бароны Франции приветствуют его и что они просят и умоляют его во имя бога явиться переговорить с ними в тот день, который они ему назначили. Когда маркиз услышал эти слова, он очень изумился, что бароны Франции позвали именно его; и он ответил послам, что посоветуется об этом⁵³ и завтра даст им знать, как он намерен поступить. И он устроил послам пышное празднество. Когда настал следующий день, маркиз сказал им, что он поедет переговорить с баронами в Суассон в тот день, какой они ему назначили. Послы распрощались и вернулись восвояси. И маркиз пожаловал им коней и драгоценности⁵⁴. Но они ничего не захотели принять. И когда они воротились, то известили баронов, что сделали. Тогда маркиз приготовился в путь и, пройдя горами Мон Жу⁵⁵, прибыл в Суассон во Франции. Он заблаговременно дал знать баронам о том, что придет, и бароны встретили его и оказали ему великие почести.

IV

Когда маркиз прибыл в Суассон, он спросил у баронов, для чего они его позвали. И бароны посоветовались и сказали ему: «Сеньор, мы позвали вас потому, что граф Шампанский, наш сеньор, который был нашим предводителем, скончался; и тогда мы позвали вас как самого умудренного и доблестного человека, какого мы только знаем, который, видит бог, мог бы подать наилучший совет в нашем деле. И все мы просим вас, бога ради, чтобы вы стали нашим сеньором и из любви к богу взяли крест». И при этих словах бароны преклонили перед ним колени и сказали ему, чтобы он не опасался, что ему придется израсходовать

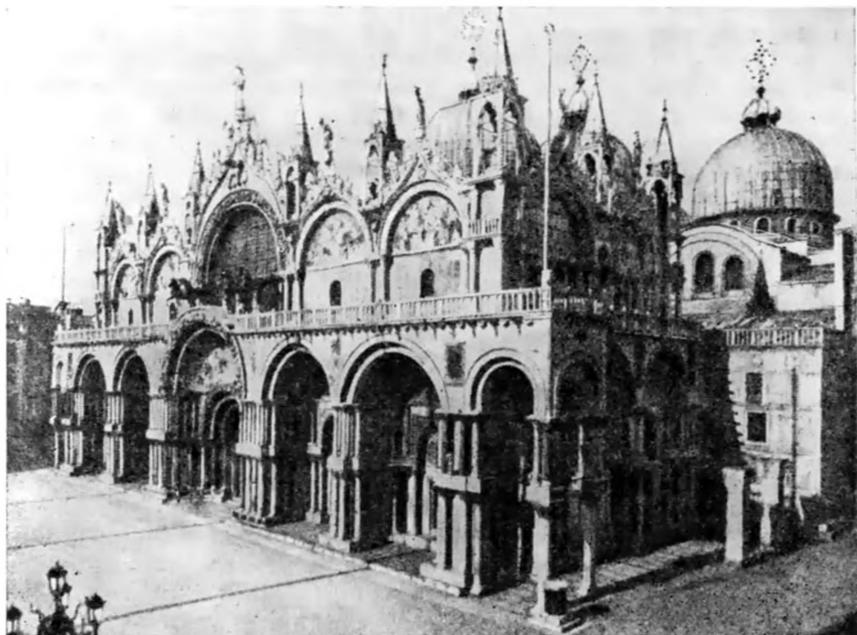
собственное состояние, потому что они отдадут ему большую часть денег, которые оставил взявшим крест граф Шампанский. Маркиз сказал, что он поразмыслит об этом; а когда он поразмыслил, то ответил, что из любви к богу и ради того, чтобы помочь Заморской земле, возьмет крест. А епископ Суассонский тотчас облачился и дал ему крест⁵⁶. И когда он взял его, тогда ему вручили 25 тыс. ливров из тех денег, которые граф Шампанский оставил крестоносцам⁵⁷.

V

После того как маркиз взял крест, он обратился к баронам: «Сеньоры,— сказал маркиз,— куда бы вы хотели направиться и в какую именно землю сарацин⁵⁸ хотели бы пойти?». Бароны отвечали, что они не хотят идти в Сирию, ибо не смогут там добиться никакого толка⁵⁹, но они полагают отправиться в Вавилон⁶⁰ или Александрию, в глубь страны сарацин, где могли бы причинить им наибольшее зло; и они имеют намерение нанять флот, который перевез бы их туда. Тогда маркиз сказал, что это хороший замысел и он охотно присоединяется к нему; и пусть они направят для этого добрых послов из числа своих самых лучших рыцарей в Пизу, или в Геную, или в Венецию⁶¹; с этим замыслом согласились все бароны.

VI

Тогда они выбрали послов; все решили, что туда отправятся мессир Конон Бетюнский и маршал Шампанский⁶²; потом, когда послы были выбраны, бароны разъехались; и маркиз уехал в свои владения⁶³, и каждый из остальных тоже. А послам поручили нанять корабли для перевозки 4 тыс. рыцарей и их снаряжения и 100 тыс. пеших воинов⁶⁴. Послы приготовились к поездке и отправились без промедления. Они прибыли в Геную, поведали генуэзцам о своем деле и сказали, чего они добиваются, а генуэзцы сказали, что ничем не могут им помочь. Затем послы отправились в Пизу и обратились к пизанцам, и те ответили им, что у них нет столько судов и ничего не могут сделать⁶⁵. Уже потом послы отправились в Венецию⁶⁶, и обратились к дожу Венеции⁶⁷, и поведали ему о своем деле, и сказали, что они хотят нанять суда для перевозки 4 тыс. рыцарей и их снаряжения и 100 тыс. пеших воинов. Когда дож это услышал, он сказал, что поразмыслит об этом деле, ибо такое крупное дело должно хорошенько обдумать. Тогда дож созвал всех именитых советников города, и переговаривал с ними, и поведал им о том, что у него просили. И когда они хорошенько поразмыслили, дож ответил послам и сказал им: «Сеньоры, мы охотно заключим с вами сделку и найдем для вас достаточно судов за 100 тыс. марок⁶⁸, коли вам угодно, на том условии, что вместе с вами отправлюсь я и половина тех, кто во всей Венеции способен носить оружие, причем мы полу-

Собор св. Марка в Венеции

чим половину всего, что будет завоевано и добыто; а сверх того мы поставим вам 50 галер за наш счет и в течение года с того дня, который мы назовем, перевезем вас в любую землю, какую вы пожелаете, будь то Вавилон или Александрия». Когда послы услышали это, они ответили, что 100 тыс. марок это чересчур дорого; и они поторговались так успешно, что сошлись на 87 тыс. марок⁶⁹; и дож, и венецианцы, и послы поклялись исполнить этот договор. Затем дож сказал, что он хотел бы получить задаток в 25 тыс. марок⁷⁰, чтобы начать постройку кораблей; и послы ответили, чтобы он направил вместе с ними во Францию послов и им охотно уплатят 25 тыс. марок. После чего послы распрощались и отбыли; дож же направил с ними знатного мужа из Венеции, чтобы получить задаток.

VII

После того дож приказал возглашать по всей Венеции свое повеление: ни один венецианец не смеет отныне вступать ни в какие торговые сделки — пусть все помогают строить флот; так они и сделали⁷¹. И они начали сооружать самый богатый флот, какой когда-либо можно было увидеть.

VIII

Когда послы приехали во Францию, они дали знать, что воротились. Тогда велено было сказать всем баронам, взявшим крест, чтобы они явились в Корби. И когда все они там собрались ⁷², послы рассказали, что они получили. Когда бароны слышали их, они были этим очень обрадованы и полностью одобрили все, что послы совершили, и оказали большие почести посланцам ⁷³ дожа Венеции, и вручили им часть денег графа Шампанского и денег, которые собрал мэтр Фульк, а потом граф Фландрский добавил из своих денег, так что вышло 25 тыс. марок. И их вручили посланцу дожа Венеции, и дали ему добрую охрану сопровождать его в обратный путь.

IX

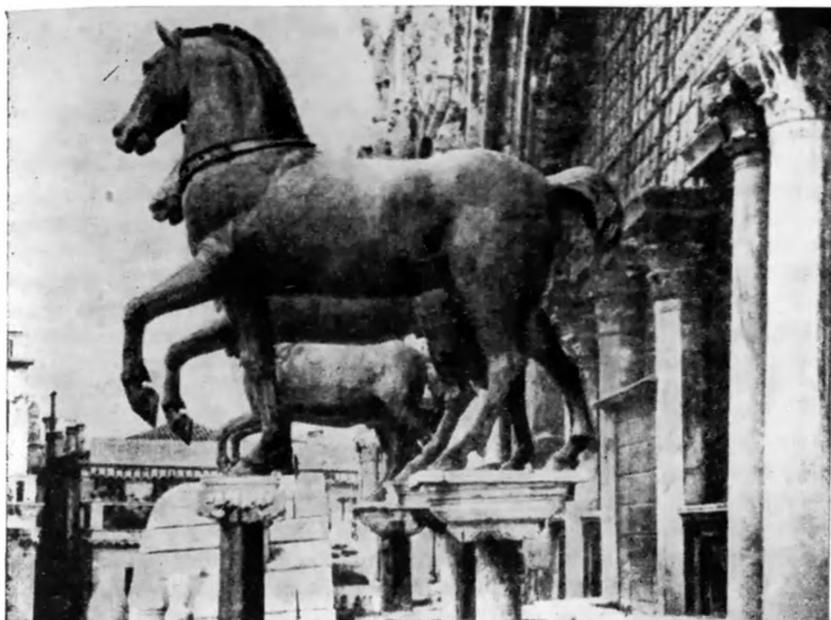
Потом велено было сказать всем крестоносцам во всех землях, чтобы на пасху все они двинулись в дорогу и между пятидесятиницей ⁷⁴ и августом непременно прибыли в Венецию. Так они и поступили. И когда пасха миновала, они прибыли туда все до единого ⁷⁵. И много было отцов и матерей, сестер и братьев, жен и детей, которые очень печалились из-за отъезда тех, кого они любили.

X

Когда все пилигримы ⁷⁶ собрались в Венеции и увидели великолепный флот, который был построен, великолепные нефы, большие дромоны и юиссые для перевозки коней, и галеры ⁷⁷, они сильно удивились всему этому и огромному богатству, что нашли в городе. Когда они увидели, что не могут все разместиться в городе, они посоветовались между собой и решили расположиться на острове Св. Николая ⁷⁸, который целиком был окружен морем и находился в одном лье от Венеции. Пилигримы отправились на остров и разбили там свои палатки, и устроились наилучшим образом, как только могли ⁷⁹.

XI

Когда дож Венеции увидел, что все пилигримы прибыли, он велел скликать всех жителей своей земли Венеции ⁸⁰. И когда они собрались ⁸¹, дож повелел, чтобы половина из них снарядилась и приготовилась погрузиться на корабли вместе с пилигримами. Когда венецианцы услышали это, то одни возрадовались, другие сказали, что не могут отправиться; и они не могли договориться, каким образом определить половину из тех, которые должны будут отправиться в поход. Наконец, стали тянуть жребий вот каким способом: на каждых двух человек изготовлялись два шарика из воска, потом к одному прикреплялся кусочек пергамента; и двое становились перед священником и отдавали их

*Квадрига собора св. Марка в Венеции,
вывезенная крестоносцами из Константинополя*

ему; и священник осеял их крестным знаменем и отдавал каждому из двоих по шарик, и тот, кто получал шарик с кусочком пергамента, должен был отправиться на корабль. Так они разделились. Когда пилигримы расположились на острове Св. Николая, дож Венеции и венецианцы явились переговорить с ними и потребовали у них уплаты денег за флот, который они снарядили, как было договорено. И дож сказал им тогда, что они дурно поступили, когда запрашивали через своих послов подготовить корабли на 4 тыс. рыцарей со снаряжением и на 100 тыс. пеших воинов, ибо из 4 тыс. рыцарей пришло не более тысячи, поскольку прочие отправились в другие гавани⁸², а из 100 тыс. пеших воинов явилось не более 50 или 60 тыс.⁸³ «Вот почему мы хотим,— сказал дож,— чтобы вы уплатили нам цену, о которой мы договорились». Когда крестоносцы это услышали, они стали совещаться и порешили между собой, что каждый рыцарь уплатит четыре марки за себя и четыре за каждого коня, а каждый конный оруженосец — две марки и что тот, кто даст самую малую сумму, даст одну марку. Когда они собрали эти деньги и уплатили их венецианцам, то осталось еще уплатить 50 тыс. марок. Когда дож и венецианцы увидели, что пилигримы не заплатили им

больше, они были сильно разгневаны, так что дож сказал пилигримам: «Сеньоры,— сказал он им,— вы худо обошлись с нами, ибо как только ваши послы заключили договор со мной и моим народом, я повелел по всей моей земле, чтобы ни один купец не вступал в рыночные сделки, но чтобы они помогали сооружать этот флот, и с тех пор они пребывают в ожидании и вот уже целых полтора года ничего не заработали. Мало того, они очень понатрапились на это дело, поэтому мои люди желают и я также, чтобы вы уплатили нам деньги, сколько вы нам должны. И если вы этого не сделаете, то знайте, что вы не двинетесь с этого острова, пока мы не получим свое, и вы не сыщете никого, кто принес бы вам пить и есть». Однако дож был очень великодушным человеком и не дозволил, чтобы им прекратили доставлять достаточно питья и еды⁸⁴.

XII

Когда графы и простые крестоносцы услышали то, что сказал дож, они сильно приуныли и почувствовали себя в весьма затруднительном положении. И тогда они учинили вторичный сбор денег и заняли, сколько смогли, у тех, у кого, как они считали, деньги имеются. Тогда они уплатили венецианцам; и когда уплатили, то остались должны еще 36 тыс. марок; тогда они сказали венецианцам, что их, крестоносцев, дела очень плохи, и что войско сильно обеднело из-за сбора денег, который они произвели, и что они не могут больше собрать, чтобы уплатить им; у них осталась лишь малая толика для содержания рати. И когда дож увидел, что пилигримы не могут выплатить все деньги и находятся в очень затруднительном положении, он переговорил со своими людьми и сказал им: «Сеньоры,— сказал он,— если мы отпустим это войско уйти восвояси, то навсегда прослыдем дурными людьми и обманщиками. Пойдемте-ка лучше к ним и скажем им, что если они не прочь вернуть нам эти 36 тыс. марок, которые они нам должны, из добычи от первых же завоеваний, которые они сделают и которые составят их долю, то мы перевезем их за море». Венецианцы согласились поступить так, как сказал дож. Они направились к пилигримам, туда, где те расположились. И когда они туда пришли, дож сказал пилигримам: «Сеньоры, сказал он, мы, я и мои люди, держали совет и рассудили таким образом, что если вы хотите законно гарантировать нам, что уплатите нам эти 36 тыс. марок, которые вы нам должны, из своей части первой же добычи, которую вы захватите, то мы перевезем вас за море». Когда крестоносцы услышали, что им сказал и что предложил им дож, то они весьма возрадовались, и припадали к его стопам от радости, и законно поклялись ему, что весьма охотно сделают то, что дож им предложил. После чего они устроили ночью столь большое веселье, что не было ни одного бедняка, который не возжег бы пышного факела, и они носили на остриях копий большие

восковые светильники вокруг своих палаток и вносили их внутрь, так что казалось, будто весь лагерь объят пламенем.

XIII

Потом дож явился к ним и сказал им так: «Сеньоры, сейчас идет зима, и мы не смогли бы плыть за море; правда, меня-то это не может удержать, потому что я уж взялся вас перевезти, лишь бы только: вас это обстоятельство не удержало». «Но давайте-ка сделаем доброе дело! — сказал дож. — Неподалеку отсюда есть город под названием Задар⁸⁵. Жители этого города причинили нам много зла, и мы — я и мои люди — хотим, если сумеем, отомстить. И коли доверяете мне, то мы пробудем там всю зиму, примерно до пасхи; а к тому времени мы приведем в порядок наш флот и тогда уже с божьей помощью поплывем за море. Город же Задар весьма хорош и весьма богат всяким добром!». Бароны и знатные рыцари-крестоносцы дали свое согласие на то, что предложил им дож; но все остальные в войске не знали об этом замысле, за исключением самых знатных людей⁸⁶. Тогда все они сообща приготовились к этому походу, приготовили свой флот и затем вышли в море⁸⁷. И каждый из знатных людей имел свой неф для себя и своих воинов и свой юисссе, чтобы везти коней, а у дожа Венеции было 50 галер, снаряженных целиком за его счет. Галера, на которой плыл он сам, вся была алой, и над ним был раскинут алый парчовый балдахин, впереди были четыре серебряные трубы, в которые трубили, и кимвалы⁸⁸, которые гремели по-праздничному. И все — знатные люди, клирики и миряне, малые и великие — выказывали при отплытии столь великую радость, какой никогда еще не бывало, да и флота такого никогда не видывали и о таком не слыхивали; а потом пилигримы требовали, чтобы на корабельные башни поднялись все священники и клирики, которые пели *Veni creator spiritus*⁸⁹. И все до единого, великие и малые, плакали от наплыва чувств и большой радости. И когда флот отплывал из гавани Венеции и⁹⁰ ...дромоны, и эти богатые нефы, и столько других судов, что это было со времени сотворения мира самое великолепное зрелище, ибо там было наверняка 100 пар труб, серебряных и медных, которые все трубили при отплытии, и столько барабанов, и кимвал, и других инструментов, что это было настоящее чудо⁹¹. Когда они вышли в открытое море, натянули паруса и подняли свои знамена и флажки⁹² на башни нефов, то казалось, что все море заполнилось кораблями⁹³, которые они направили сюда, и словно пламенело от великой радости, которую они чувствовали. Так плыли они, пока не достигли некоего города под названием Пола⁹⁴. Когда они причалили туда, то подкрепились и побыли там немного, пока не подкрепили хорошенько свои силы и не приобрели съестные припасы, которые погрузили на свои нефы. Затем они вышли в море. Если они уже до того ликовали и веселились великой радостью,

то теперь они тоже выказывали радость и даже еще большую, так что жители города весьма изумлялись такому их веселью и их огромному флоту и дивились великой знати, которую он вез; и они говорили, и то была сущая правда, что никогда и ни в какой стране не видывали и нигде не бывало собрано в одном месте такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот.

XIV

Венецианцы и пилигримы плыли с поднятыми парусами и в ночь на праздник св. Мартина подошли к Задару⁹⁵. Когда жители города Задара увидели подплывающими эти нефы и весь этот огромный флот, они затрепетали от великого страха; они заперли все городские ворота и вооружились как можно лучше, чтобы защищаться. Когда они вооружились, дож обратился ко всем знатным людям в войске и сказал им: «Сеньоры, сей город причинил много зла мне и моим людям; я бы охотно отомстил ему за это. И я прошу вас оказать мне помощь». И все бароны и знатные люди ответствовали ему, что охотно ему помогут. Ну а жители-то Задара хорошо знали, что венецианцы их ненавидели. И они, задарцы, получили также грамоту из Рима, где говорилось, что все те, кто пойдет на них войной или причинит им какой-то ущерб, будут подвергнуты отлучению⁹⁶. С добрыми послами они переслали эту грамоту дожу и пилигримам, которые прибыли туда. Когда послы явились в лагерь, грамоту прочитали дожу и пилигримам. Когда грамота была прочитана и дож услышал ее, он сказал, что не откажется от намерения отомстить жителям города даже под угрозой отлучения апостоликом. После этого послы удалились. Дож во второй раз обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, знайте, что я ни под каким видом не откажусь отомстить им, даже ради апостолика!». И он попросил баронов помочь ему. Все бароны, за исключением только графа Симона де Монфора и мессира Ангеррана де Бова, ответили, что они охотно поспособят ему. Эти же сказали, что не пойдут против воли апостолика, ибо не хотят быть отлученными; и тогда они собрались и на всю зиму уехали в Венгрию⁹⁷. Когда дож увидел, что бароны ему помогут, он приказал расставить свои орудия для осады города в таком количестве, что жители города увидели, что им не продержаться; и они сдались на милость крестоносцам и сдали им город⁹⁸. Тогда пилигримы и венецианцы вступили в него и поделили город на две половины, так что одну половину получили пилигримы, а другую — венецианцы⁹⁹.

XV

А потом случилось так, что вспыхнула большая распря между венецианцами и меньшим людом пилигримов, которая продолжалась целую ночь и полдня. И столь ожесточенной была эта распря

ря, что рыцари лишь с трудом смогли разнять дравшихся. Когда они их разняли, то восстановили столь добрый мир между ними, что с того времени они уже никогда не вступали в свару друг с другом¹⁰⁰. Потом знатные крестоносцы и венецианцы совещались по поводу отлучения, которому они подверглись из-за того, что взяли город; и порешили они между собой послать в Рим епископа Суассонского и мессира Робера де Бова¹⁰¹, чтобы испросить у апостолика грамоту, которая снимала бы отлучение со всех пилигримов и всех венецианцев. Когда они получили эту грамоту, епископ очень быстро вернулся; мессир же Робер де Бов не вернулся вместе с ним, а прямо из Рима отправился за море.

XVI

Между тем, пока крестоносцы и венецианцы оставались зимой в Задаре, они призадумались о том, что сильно поиздержались; и обсудили это и решили, что не могут двинуться ни в Вавилон, ни в Александрию, ни в Сирию, ибо у них нет ни съестных припасов, ни денег, чтобы отправиться туда. Потому что они почти все истратили как вследствие долгой задержки здесь, так и из-за большой суммы, которую пришлось уплатить за наем флота. И они сказали, что никак не могут двинуться дальше, а если и двинутся туда, то ничего там не достигнут, потому что у них нет ни съестных припасов, ни денег, которыми смогли бы продержаться.

XVII

Дожд Венеции хорошо видел, что крестоносцы находятся в стесненном положении; и вот он обратился к ним и сказал: «Сеньоры, в Греции¹⁰² имеется весьма богатая и полная всякого добра земля; если бы нам подвернулся какой-нибудь подходящий повод¹⁰³ отправиться туда и запастись в той земле съестным и всем прочим, пока мы не восстановили бы хорошенько наши силы¹⁰⁴, то это казалось бы мне неплохим выходом, и в таком случае мы сумели бы двинуться за море». Тогда встал маркиз и сказал: «Сеньоры, на рождество прошлого года я был в Германии, при дворе мессира императора¹⁰⁵. Там я видел одного молодого человека, брата жены германского императора¹⁰⁶. Этот молодой человек — сын императора Кирсака¹⁰⁷ из Константинополя, у которого один из его братьев¹⁰⁸ предательски отнял Константинопольскую империю¹⁰⁹». «Тот, кто смог бы залучить к себе этого молодого человека,— сказал маркиз,— легко бы сумел двинуться в землю Константинопольскую и взять там съестные припасы и прочее, ибо молодой человек является ее законным наследником»¹¹⁰.

XVIII

Теперь мы оставим здесь пилигримов и флот¹¹¹ и расскажем вам об этом юноше и императоре Кирсаке, его отце, и об ихключениях. Был в Константинополе император по имени Мануил¹¹². Этот император был поистине доблестным человеком и самым богатым из всех христианских государей, которые когда-либо были на свете, и самым щедрым; и никогда не случалось, чтобы кто-нибудь, живший по римскому закону¹¹³, обращаясь к нему за денежной помощью, уходил без того, чтобы тот не повелел выдать ему 100 марок; так, по крайней мере, как мы слышали, уверяли очевидцы. Этот император очень любил французов и питал к ним большое доверие. И вот случилось однажды, что народ его земли и его советники стали сильно хулить его — а они и раньше не раз хулили его — за то, что он был столь щедр и столь сильно возлюбил французов, и император отвечал им: «Есть только два существа, которые вправе давать: господь бог и я. Тем не менее, если вы хотите, я вышлю французов и всех тех, исповедующих веру по римскому закону, кто приближен ко мне и пребывает у меня на службе». И греки очень возрадовались и сказали: «Ах, государь, коли вы это сделаете, мы станем вам вернейшими слугами». И император повелел, чтобы все французы покинули империю, и греки были этому весьма рады. Затем император повелел сказать всем французам и остальным, которых он освободил от службы, чтобы они тайно явились к нему для переговоров; так они и поступили. И когда они пришли, император сказал им: «Сеньоры, мой народ не оставляет меня в покое, требуя, чтобы я перестал давать вам что-либо и выгнал бы вас из пределов моей земли; так вот: отправляйтесь-ка вы сейчас все вместе, а я с моими людьми последую за вами, и соберитесь-ка вы все в одном месте», которое он им определил, «и я вам прикажу через моих посланцев уходить прочь, а вы мне ответите, что не уйдете ни по моему повелению, ни по требованию моих людей: напротив, вы постарайтесь прикинуться, будто собираетесь напасть на меня, и тогда я погляжу, как мой народ поведет себя». Так они и поступили; и когда они удалились, император приказал всем своим людям собраться и пустился их преследовать. И когда подошел к ним близко, то повелел передать им, чтобы они немедленно убрались вон и очистили бы его землю; и те, кто советовали императору выгнать их из его земли, были очень довольны и сказали ему: «Государь, если они не желают немедленно уйти прочь, разрешите нам всех их уничтожить». Император ответил: «Охотно». Когда посланцы императора явились к французам, то с большим высокомерием передали им, как им было поручено, чтобы те незамедлительно убрались прочь. Французы же ответили послаам и сказали им, что они не уйдут ни по повелению императора, ни по требованию его людей. Послы вернулись

обратно и сообщили, что им ответили французы. Тогда император приказал своим вооружиться и помочь ему изгнать французов; и они все вооружились и выступили против французов. А французы двинулись им навстречу. Когда император увидел, что они подходят к нему и к его людям, чтобы дать им бой, он сказал своим: «Сеньоры, прикиньте-ка, что лучше всего сделать: ведь сейчас вы можете отмстить за себя». И когда он им это сказал, греки сильно испугались латинян, которые, как они увидели, приближаются к ним (а дальше латинянами называются все те, кто исповедовал веру по римскому закону), латиняне же сделали вид, будто собираются ударить по ним. Когда греки увидели это, они обратились в бегство и бросили императора. Когда император это увидел, он сказал французам: «Сеньоры, а теперь идите за мной, и я вам дам больше, чем давал когда-либо». Так он привел французов; и когда они вернулись, он велел скликать своих и сказал им так: «Сеньоры, вы можете теперь воочию видеть, кто заслуживает доверия: вы пустились в бегство, тогда как должны были бы мне помочь; и вы оставили меня совсем одного, так что если бы латиняне захотели, они могли бы изрубить меня в куски. Но теперь уж я приказываю, чтобы никто из вас не отваживался и не осмеливался более толковать о моей щедрости или о том, что я возлюбил французов, ибо я в самом деле люблю их и доверяю им больше, чем вам; и я дам им больше, чем давал когда-нибудь прежде». И греки никогда уже больше не отваживались заговаривать об этом и не смели этого делать.

XIX

Этот император Мануил имел от своей жены прекрасного сына¹¹⁴ и порешил про себя женить его на особе знатнейшего рода и, по совету французов, которые были при его дворе, он послал к Филиппу, королю Франции, просить, чтобы тот отдал в жены его сыну свою сестру. И император отправил во Францию своих послов, которые все были весьма знатными людьми¹¹⁵; и они поехали в сопровождении пышного кортежа; и никогда не видано было более богатых и благородных людей, чем те, которые отправились с посольством, так что король Франции и его люди сильно изумлялись великолепию свиты послов. Когда послы прибыли к королю, они передали ему то, что император им поручил. И король сказал, что ему надо созвать совет, и когда король созвал совет, то бароны весьма одобрили, чтобы он отослал свою сестру столь знатному и столь богатому человеку, каким был император. Тогда король отвечал послам, что охотно отошлет свою сестру императору.

XX

Итак, король снарядил весьма пышно свою сестру и отправил ее в Константинополь вместе с послами и множеством своих лю-

дей; и они поехали и продвигались мало-помалу вперед, пока не прибыли в Константинополь. Когда они прибыли, то император устроил пышное празднество в честь девицы и было великое веселье для нее и ее людей. В то же самое время, когда император отправлял послов за этой девицей, он послал в другую сторону заморских земель к королеве Феодоре Иерусалимской, которая была ему сестрой¹¹⁶, одного из своих родичей, которого очень любил, по имени Андром¹¹⁷, с поручением прибыть на коронацию своего сына и празднество по этому случаю. Королева поплыла морем вместе с Андромом, чтобы приехать в Константинополь. Когда они уже были далеко в море, случилось так, что Андром влюбился в королеву, которая была ему двоюродной сестрой, и овладел ею насильно. И когда он это содеял, то не рискнул вернуться в Константинополь, но взял королеву и силой увез ее в Конью¹¹⁸, к сарацинам. Там он и остался¹¹⁹.

XXI

Когда император Мануил узнал о том, как низко Андром поступил с его сестрой, королевой, он был сильно разгневан, но все же не отказался устроить пышное празднество и короновать своего сына и девицу¹²⁰, а немного времени спустя император скончался¹²¹. Когда предатель Андром прослышал, что император Мануил умер, он отправил послов к его сыну, который стал императором, и умолял его именем бога, чтобы тот простил ему его злодеяние; он сумел уверить императора в том, что это была всего лишь ложь, которую на него возвели, так что император, а он был еще ребенком, простил ему его злодеяние и велел позвать его ко двору. И этот Андром вернулся и вошел в окружение дитяти, и дитя сделало его бальи над всей землей, и он очень возгордился тем, что получил бальяж¹²². А после этого прошло совсем немного времени, как он схватил однажды ночью императора и убил его, а с ним и его мать¹²³. Когда он содеял это, то взял два огромных камня, повелел привязать им на шею и затем бросить их в море¹²⁴. Сразу после этого он силою заставил короновать себя императором. Когда Андром был коронован, то повелел незамедлительно схватить всех тех, кто, как ему было ведомо, считал худым делом, что он стал императором, и приказал выколоть им глаза, и замучить их и погубить их лютой смертью. И хватал всех красивых женщин, которых встречал, и насильничал над ними; и взял себе в жены императрицу, которая была сестрой короля Франции¹²⁵. И он совершил столько других великих беззаконий, сколько ни один предатель и ни один убийца никогда не совершали¹²⁶.

Когда он совершил все эти беззакония, он спросил у одного из своих бальи¹²⁷, который помогал ему творить все эти злодеяния, остался ли еще кто-нибудь, кому не нравится, что он стал импе-

ратором¹²⁸. И тот ответил ему, что он больше таких не знает, разве что, как говорили, в городе есть три юноши, которые принадлежат к роду, называемому Ангелами, и это знатные люди, но они не богаты, а, наоборот, бедны и не обладают большим могуществом. Когда император услышал об этих трех молодых людях упомянутого рода¹²⁹, он повелел своему бальи, который был очень злым и таким же предателем, как он сам, схватить их и повесить или погубить какой-нибудь другой лютой смертью. Бальи пошел, чтобы схватить этих трех братьев, но схватил только одного, а два других сумели бежать¹³⁰. У того, которого схватили, вырвали глаза, после этого он постригся в монахи. Двое других бежали; и один из них бежал в страну, называемую Валахией¹³¹. Это был тот, кого звали Кирсак; а другой бежал в Антиохию и был захвачен сарацинами в одном набеге, что совершили христиане¹³². Тот, который бежал в Валахию, был там столь беден, что не мог сам себя прокормить и из-за своей крайней бедности вернулся обратно в Константинополь; и он укрылся в городе в доме одной вдовы¹³³. И у него не было никакого имущества, кроме мула и слуги; и этот слуга зарабатывал на жизнь своему господину Кирсаку и себе с помощью мула, перевозя на нем вино и другие товары; в конце концов до императора Андрома, предателя, дошла весть о том, что Кирсак вернулся в город. И тогда он приказал своему бальи, которого ненавидел весь свет за злодеяния, каждодневно совершавшиеся им, схватить этого Кирсака и повесить его. И вот однажды этот бальи оседлал коня и, взяв с собою достаточно людей, поехал к дому доброй дамы, где укрылся Кирсак. Когда он сюда подъехал, то позвал ее, постучав в дверь, и добрая дама вышла и спросила у него с удивлением, что ему надобно, и он велел ей сказать укрывавшемуся у нее в доме, чтобы тот вышел. Добрая дама сказала в ответ: «Ах, сеньор, клянусь богом, там никого нет!». И бальи второй раз велел ей, чтобы она его вывела, а если она не выведет его, то он прикажет взять их обоих. Когда добрая дама услышала это, ее охватил сильный страх перед этим дьяволом, который содеял столько зла; она тотчас вошла в дом, подошла к юноше и сказала ему: «Ах! Прекрасный сеньор Кирсак, вы погибли: вот бальи императора и с ним множество людей, которые явились сыскать вас, чтобы уничтожить, убить!». Молодой человек был сильно встревожен, когда услышал эту весть, и тогда он решил выйти, ибо не было никакого способа избежать встречи с этим бальи. И тут он поступает не иначе, как хватает свой меч, прячет его под своей одеждой, потом выходит к бальи и говорит ему: «Сеньор, что вам угодно?». И тот подло бросает в ответ ему и говорит: «Паршивый негодяй, сейчас тебя вздернут!». Тогда Кирсак видит, что ему надобно вопреки его собственному желанию пойти с ними и что он сумеет, сделав это, отомстить за себя, выбрав кого-нибудь из них; и он подходит как можно ближе к

этому бальи, выхватывает свой меч и наносит ему удар по темени, так что целиком разрубает голову до самых зубов¹³⁴.

XXII

Когда оруженосцы и люди, которые были с бальи, увидели, что юноша прикончил бальи, они убежали. Когда молодой человек увидел, что они убегают, он схватил коня убитого бальи, и вскочил на него, держа в руке окровавленный меч. И он взял и направился к храму св. Софии¹³⁵. И по дороге он просил снисхождения у народа, теснившегося на улицах и взбаламученного молвой и разговорами о происшедшей стычке, которые слышались повсюду. И юноша говорил людям так: «Сеньоры, ради бога, не убивайте меня, ибо я прикончил дьявола и убийцу, который завлек всяческий позор на жителей этого города и других городов». И когда он подъехал к храму св. Софии, то поднялся на алтарь и обнял крест, ибо хотел спасти свою жизнь¹³⁶. Тогда крики и сумятица в городе сделались весьма велики; и крики разносились везде, так что во всем городе узнали, как Кирсак прикончил этого злодея и этого убийцу. Когда горожане узнали об этом, они сильно возрадовались и помчались к храму св. Софии, чтобы поглядеть на юношу, действовавшего столь отважно. И когда они все собрались там, то начали говорить один другому: «Да, он храбр и отважен, раз совершил столь доблестный поступок». И наконец, греки сказали себе: «Сотворим же доброе дело! Сделаем этого рыцаря императором!». И все они в конце концов согласились в этом друг с другом. Тогда они послали за патриархом, который пребывал в то время поблизости в своем дворце, чтобы он короновал нового императора, которого они избрали. Когда патриарх услышал это, он сказал, что ничего не будет делать, и начал говорить им: «Сеньоры, вы поступаете худо! Угомнитесь! Вы поступаете нехорошо, коль скоро предпринимаете такое дело! Если бы я короновал его, император Андром убил бы меня и изрубил бы на куски!». А греки ответили ему, что, если он не коронует его, они разобьют ему голову; и в конце концов патриарх, уступая силе, а равно и из страха, вышел из своего дворца. Потом он направился к храму, где находился этот Кирсак, одетый в весьма бедное платье и в весьма ветхую одежду, человек, к которому еще в тот самый день император послал своего бальи и своих людей схватить и убить его; и вот патриарх облачился в свои священнические одеяния и, хотел он того или нет, короновал его¹³⁷. Когда Кирсак был коронован, новости об этом разошлись повсюду. Так что и Андром проведал и об этом и о том, что тот убил его бальи; и он никак не хотел поверить этому, пока не направил своих соглядатаев. И когда соглядатаи явились туда, то увидели, что это была правда; тогда они тотчас возвратились к императору и сказали ему: «Государь, все это сущая правда»¹³⁸.

XXIII

Когда император узнал, что это была сущая правда, он встал, взял с собой много своих людей и направился к храму св. Софии по проходу, который вел от его дворца прямо к храму¹³⁹. Когда он подошел к храму, то сумел незаметно выйти на галерею под сводами собора и увидел того, кто был коронован. Когда он увидел его, то был сильно опечален этим и спросил у своих людей, нет ли у кого из них лука, и ему принесли лук и стрелу. И Андром взял этот лук и натянул его, думая поразить Кирсака, который был коронован, прямо в сердце. И как раз в то мгновение, когда он целился, тетива вдруг оборвалась, и он был этим сильно ошеломлен и, растерявшись, впал в отчаяние¹⁴⁰; и он вернулся назад во дворец и приказал своим людям, чтобы они заперли ворота дворца, вооружились и приготовились защищать дворец; и они это сделали. Между тем сам он вышел из дворца; и он проник в потайной ход, и ушел из города, и взошел на галеру, и с ним было несколько его людей; потом он отплыл в море, ибо не хотел, чтобы жители города схватили его¹⁴¹.

XXIV

Тогда жители города направились во дворец и понесли с собой нового императора. Потом они силой взяли дворец и ввели туда императора; а затем они посадили его на трон Константина¹⁴², и, после того как он сел на трон Константина, они славословили его как святого императора¹⁴³. Император был очень обрадован великими почестями, которыми бог удостоил его в такой день; и он сказал своим людям: «Сеньоры, взгляните теперь на великое чудо — на эти почести, которыми меня удостоил бог как раз в тот день, когда меня должны были схватить и умертвить. Ведь в этот самый день я коронован императором! А за великие почести, которые вы мне оказали, я отдаю вам все сокровища¹⁴⁴, которые есть в этом дворце и во дворце Влахерны»¹⁴⁵. Когда народ это услышал, все очень возрадовались великому дару, который дал им император; и они пошли и разбили врата сокровищницы и нашли там так много золота и серебра, что это было поистине чем-то чудесным, и разделили между собою этот дар.

XXV

В ту же ночь, когда Андром бежал, на море поднялась такая великая буря и разгулялся такой сильный ветер, ударил гром и засверкали молнии, что ни он ни его люди не знали, куда их несет; буря и шторм пригнали их обратно к Константинополю, а они этого и не заметили¹⁴⁶. Когда они увидели, что их прибило к берегу и они не могут больше плыть, Андром сказал своим людям: «Сеньоры, поглядите-ка, где мы находимся». Они взглянули и ясно увидели, что вернулись в Константинополь; и они сказали

тогда Андрому: «Государь, мы погибли, потому что мы вернулись обратно в Константинополь». Когда Андром услышал это, он был так поражен, что не знал, что и делать; и он сказал своим людям: «Сеньоры, ради бога, уведите нас отсюда куда-нибудь подальше». И они сказали, что никак не могут сделать этого, ибо им снимут головы. Когда они увидели, что не могут двигаться дальше и скрыться куда-нибудь, то, взяв императора Андрома, привели его в кабачок и спрятали за винными бочками. Хозяину кабачка и его жена долго разглядывали этих людей и им показалось, что это люди императора Андрома; наконец, жена кабатчика как бы случайно стала обходить свои бочки, чтобы поглядеть, хорошо ли они заперты; она смотрит направо, налево и видит императора Андрома, сидящего за бочками и еще облаченного в свои императорские одежды; и она прекрасно узнала его. И она возвращается к своему мужу и говорит ему: «Сеньор, там спрятан император Андром». Когда кабатчик услышал это, он отправил своего человека предупредить одного знатного вельможу, который пребывал неподалеку оттуда в некоем большом дворце. Андром убил отца этого человека и учинил насилие над его женой. Когда посланный явился туда, он сказал этому знатному вельможе, что Андром спрятан в доме такого-то кабатчика, и он назвал его имя. Когда знатный вельможа услышал, что Андром находится в доме этого кабатчика, он весьма обрадовался; и он взял с собой своих людей и отправился к дому кабатчика; и он схватил Андрома и увел его в свой дворец. Когда наступило утро, знатный человек взял Андрома и привел его во дворец к императору Кирсаку. Когда Кирсак его увидел, он спросил у него: «Андром, почему ты так подло предал своего сеньора, императора Мануила, и почему ты убил его жену и его сына, и почему ты столь охотно причинял зло тем, кому не нравилось, что ты стал императором, и почему ты хотел меня посадить в темницу?». А Андром ему сказал: «Замолчите, ибо я не удостою вас ответа!». Когда император Кирсак услышал, что он не желает удаивать его ответа, он повелел созвать жителей города, приказав им явиться к нему. И когда они пришли к нему, император сказал им: «Сеньоры, вот Андром, который содеял столько зла и вам, и другим. Мне кажется, что я не смогу творить над ним правосудие, чтобы удовлетворить желание каждого из вас; и я отдаю его вам, чтобы вы сделали с ним, что захотите». И жители города очень возрадовались этому и схватили его; и одни говорили, что его надо сжечь, другие — что его надо бросить в кипящий котел, чтобы он подольше жил в мучениях, третьи говорили, что его надо протаскать по улицам города; так они не могли достигнуть согласия между собой, какой смертью покарать его и какие мучения причинить ему. Наконец нашелся мудрый человек, который сказал: «Сеньоры, коли хотите послушаться моего совета, то я научу вас,

каким образом мы смогли бы достойно отомстить ему. У меня дома есть верблюд — это самое грязное и вонючее животное на свете. Возьмем Андромеда, разденем его догола, а потом привяжем к спине верблюда лицом к задку животного и потом поведем верблюда по городу, от одного конца до другого. Тогда-то все мужчины и женщины, кому Андромеда причинил зло, смогут отомстить ему». И все согласились с тем, что сказал этот мудрый человек; Андромеда схватили и привязали так, как тот советовал. И пока везли Андромеда от одного конца города до другого, подходили те, кому он причинил зло, и насмехались над ним, и били его, и кололи его: одни — ножами, другие — шилом, третьи — мечами; при этом они приговаривали: «Вы повесили моего отца», «вы силою овладели моей женой!». А женщины, дочерей которых он взял силой, дергали его за бороду¹⁴⁷ и так подвергали его постыдным мучениям, что, когда они прошли весь город из конца в конец, на его костях не осталось ни куска живого мяса, а потом они взяли его кости и бросили их на свалку. Вот как они отомстили этому предателю¹⁴⁸. Спустя день после того, как Кирсак стал императором, на портале храма изобразили¹⁴⁹, каким чудом Кирсак сделался императором, и как наш господь, с одной стороны, и богоматерь — с другой, возложили ему на голову корону, и как тетиву лука, из которого Андромеда хотел его убить, оборвал ангел, потому что, как говорили, род Кирсака назывался Ангелами.

XXVI

После этого его охватило сильное желание увидеть своего брата¹⁵⁰, который был в темнице у язычников; и он назначил нескольких посланцев и отправил их на поиски брата. И они искали его до тех пор, пока им не дали знать, что он в темнице, и они поехали в ту сторону. Когда они туда прибыли, то попросили сарацин отпустить его, а сарацины проведали, что молодой человек был братом императора Константинопольского, и они запросили очень высокую цену и сказали, что вернут его только за большой выкуп; и тогда послы дали им столько золота и серебра, сколько они запрашивали¹⁵¹. Когда они его выкупили, то возвратились вместе с ним в Константинополь.

XXVII

Когда император Кирсак увидел своего брата, он этому весьма обрадовался и устроил по этому случаю пышное празднество; и брат тоже очень обрадовался тому, что Кирсак стал императором и что добился он императорской власти собственной доблестью. Этому молодого человека звали Алексей. Прошло немного времени, и император сделал его бальи над всеми своими землями и главным военачальником¹⁵². И тогда Алексей настолько возгордился, получив должность бальи, что жители империи стали

выказывать ему чрезмерное почтение и бояться его, ибо он был братом императора, и потому, что император столь сильно его любил.

XXVIII

Однажды случилось так, что император поехал в свой лес поохотиться; и тогда Алексей, его брат, взял и отправился в тот же лес, где был его брат, и, предательски схватив его, вырвал у него глаза¹⁵³. Потом, когда он это содеял, он велел заключить его в темницу, чтобы об этом ничего не узнали. Когда он это сделал, он вернулся в Константинополь, а потом уверил, что император, его брат, погиб, и силой заставил короновать себя императором. Когда воспитатель сына императора Кирсака¹⁵⁴ увидел, что дядя мальчика предал его отца и предательским путем стал императором, он поступил не иначе, как взял дитя и отвез в Германию к его сестре¹⁵⁵, которая была женой германского императора, так как он не хотел, чтобы дядя загубил мальчика, более законного наследника, чем его дядя Алексей.

XXIX

Теперь вы слышали, как Кирсак возвысился, и как он стал императором, и как его сын бежал в Германию, и почему крестоносцы и венецианцы направили к нему послов по совету маркиза Монферратского, своего сеньора; также слышали вы в начале этой истории и о том, что они сделали это, чтобы получить добрый предлог для похода в константинопольскую землю¹⁵⁶. Теперь мы расскажем вам об этом дитяти и о крестоносцах и как крестоносцы послали к нему послов, и как потом они двинулись в Константинополь, и как они его завоевали.

XXX

Когда маркиз сказал пилигримам и венецианцам, что тот, кто залучит к себе это дитя, о котором мы вам уже говорили, тот будет иметь превосходный предлог, чтобы двинуться на Константинополь и обеспечить себя там припасами, то крестоносцы снарядили должным образом двух рыцарей и послали их в Германию к этому юноше сообщить, чтобы он прибыл к ним; и они поручили сказать, что помогут ему отвоевать то, что является его правом. Когда послы прибыли ко двору императора Германии, где находился молодой человек, то передали ему, что им было поручено. Когда молодой человек выслушал их и узнал, с каким предложением направили к нему послов знатные крестоносцы, он весьма обрадовался и устроил послам пышное празднество и выказал им полное расположение; и он сказал, что он посоветуется с императором, своим деверем¹⁵⁷. Император выслушал молодого человека и сказал, что ему представляется поистине прекрасный случай, и он посоветовал ему поскорее отправиться в путь

и сказал, что он никогда не получит и самой малой части своего наследства иначе как с помощью бога и крестоносцев.

XXXI

Молодой человек хорошо понял, что император дает ему добрый совет, и он снарядился великолепнейшим образом и поехал вместе с послами; а еще до того, как молодой человек и послы прибыли в Задар, флот крестоносцев отбыл к острову Корфу, потому что пасха уже прошла¹⁵⁸. Однако когда флот двинулся туда, две галеры все же были оставлены в Задаре, чтобы подождать послов и молодого человека¹⁵⁹. И пилигримы пребывали на острове Корфу, пока из Германии не приехали послы и молодой человек. Когда юноша и послы прибыли в Задар, они нашли там эти две галеры, которые для них оставили, и они вышли в море и плыли до тех пор, пока не прибыли на Корфу, туда, где был флот. Когда пилигримы увидели, что молодой человек прибыл, все они вышли ему навстречу, приветствовали его и устроили ему пышное торжество. Когда молодой человек увидел, что знатные люди оказывают ему такие почести, как и все, кто находились на кораблях, которые там были, он обрадовался, как никто другой до этого никогда не радовался. И тогда маркиз вышел вперед, взял молодого человека и увел его в свою палатку¹⁶⁰.

XXXII

В то время как юноша находился там, все знатные бароны и дож Венеции также собрались в палатке маркиза; и они судили и рядили о том, о сем и в конце концов спросили у юноши, что он сделает для них, если они поставят его императором и возложат на него в Константинополе корону; и он ответил им, что сделает все, чего бы они ни пожелали. Так они судили и рядили, пока он не сказал им, что выдаст войску 200 тыс. марок¹⁶¹ и будет на свой счет содержать флот в течение одного года, и сам отправится с ними за море со всеми своими силами, и до конца своих дней он будет содержать в Заморской земле за собственный счет 10 тыс. вооруженных ратников и что всем крестоносцам, кто уедут из Константинополя и отправятся за море, он доставит пропитание сроком на один год¹⁶².

XXXIII

И тогда созвали всех баронов войска¹⁶³ и всех венецианцев, и когда все они собрались, то дож Венеции встал и обратился к ним с речью. «Сеньоры,— сказал он,— теперь нам представляется резонный предлог двинуться на Константинополь, ежели вы это одобрите, ведь с нами — законный наследник трона». Так вот, нашлись тогда и такие, которые не согласились идти в Константинополь, и они говорили: «Ба! Что нам делать в Константинополе? Нам нужно совершить наше паломничество и выполнить

наш замысел идти на Вавилон или Александрию, да и флот наш должен следовать вместе с нами лишь один год, а уж полгода прошло». Другие возражали им: «Что нам делать в Вавилоне или в Александрии, когда у нас нет ни продовольствия, ни денег, с которыми мы могли бы отправиться туда? Для нас куда лучше, прежде чем мы двинемся прямо туда, добыть съестные припасы и деньги, воспользовавшись подходящим случаем, нежели идти туда погибать от голода. Тогда мы сможем добиться какого-то успеха, а ведь Алексей предлагает нам идти вместе с нами и содержать наш флот и всю нашу рать за свой счет еще в течение года!»¹⁶⁴. И маркиз Монферратский более, чем кто-либо другой из тех, которые там были, приложил усилий, чтобы двинуться на Константинополь, потому что он хотел отомстить за обиду, которую нанес ему император, правивший тогда империей. Ну, а теперь мы прервем наш рассказ о флоте и поведаем вам об оскорблении, из-за которого маркиз возненавидел императора.

Случилось так, что маркиз Конрад, его брат, принял крест и отправился за море, он вел две галеры и по пути побывал в Константинополе. Когда он приплыл в Константинополь, то беседовал с императором¹⁶⁵, и император оказал ему добрый прием и приветствовал его. Как раз в то время некий знатный человек из числа жителей города¹⁶⁶ осадил императора в Константинополе, так что император не отваживался выйти из города. Когда маркиз это увидел, он спросил, как же это произошло, что тот сумел так осадить его, а император не осмеливался сразиться с ним; а император ответил, что его люди в душе не сочувствуют ему, и нет от них подмоги; вот почему он не решается с ним сразиться. Когда маркиз это услышал, он сказал, что поможет ему, если тот согласен, а император ответил, что он, конечно, согласен и что за помощь окажет ему великое благодеяние. Тогда маркиз сказал императору, чтобы он приказал созвать всех горожан римского закона, т. е. всех латинян города, что он, маркиз, вооружит всех их и введет в свой отряд и сразится с врагами, латиняне же эти составят авангард, а император пусть возьмет всех своих людей и следует за ним. И император приказал созвать всех латинян города. Когда все они явились, император распорядился, чтобы все они вооружились, и когда все они вооружились, а маркиз вооружил всех своих людей, он взял с собой всех латинян и выстроил свои боевые отряды наилучшим образом; а император тоже вооружил всех своих и взял их с собой. И тогда маркиз взял да и выступил вперед, а император следовал позади него. Едва маркиз вышел за ворота вместе со всеми своими отрядами, император приказал запереть за ними ворота. Как только этот Вернас, который осаждал императора, увидел, что маркиз собирается померяться с ним силою, он со своим войском выступил навстречу маркизу. И когда они уже сходились, Вернас взял да и прищпорил своего коня и вырвался вперед, оторвавшись от своего

войска на расстояние брошенного камня, чтобы ринуться навстречу отрядам маркиза. Когда маркиз увидел, что тот приближается, он помчался навстречу и с первого удара копьем поразил его в глаз, и убил его этим ударом. Потом он стал рубить мечом направо и налево, и он и его воины, и многих поубивали. Когда противники увидели, что их сеньор погиб, они бросились наутек и обратились в бегство. Когда император, предатель, который велел запереть ворота за маркизом, увидел, что они побежали, он тоже выступил из города со всем своим войском и стал преследовать бегущих; и они, маркиз и он, захватили немалую добычу — и коней и всякого иного добра. Вот так отомстил маркиз за императора тому, кто его осадил. Когда они их разбили, оба, император и маркиз, вернулись обратно в Константинополь. И когда они вернулись и скинули доспехи, император очень тепло поблагодарил маркиза за то, что он так хорошо отплатил его врагу; и тогда маркиз спросил у него, зачем он приказал запереть за ним ворота. «А! — воскликнул император, — теперь ведь все в порядке». «Да, только теперь, благодарением божьим», — сказал маркиз. Прошло немного времени, как император и его предатели замыслили великую измену, ибо он хотел погубить маркиза¹⁶⁷. Но некий человек почтенного возраста, узнавший об этом, проникся такой жалостью к маркизу, что благородно пришел к нему и сказал ему: «Сеньор, бога ради, уходите из этого города, ибо если вы останетесь здесь еще три дня, то император и его предатели, замыслившие великую измену, схватят вас и убьют вас». Когда маркиз услышал эти вести, он встревожился. Той же ночью он покинул город и, приказав приготовить свои галеры, пустился в море; и еще прежде, чем наступил день, он уехал; и он не останавливался, пока не прибыл в Сюр¹⁶⁸. Так вот он приехал сюда до того, как Святая земля была утрачена¹⁶⁹, и король Иерусалимский скончался¹⁷⁰, и все королевство Иерусалимское было утрачено и не было других городов, которые бы удержались, кроме Сюра и Аскалона. А у покойного короля были две замужние сестры: некий рыцарь, мессир Гюи де Лузиньян, что в Пуату, женился на старшей, к которой перешло королевство, а мессир Годфруа де Торон — на младшей¹⁷¹. И вот однажды собрались все знатные бароны земли, и граф Триполи¹⁷², и тамплиеры, и госпитальеры в Иерусалиме в храме¹⁷³ и говорят один другому, что надо развести монсеньора Гюи с его женой, потому что королевство-то перешло к ней и нужно найти для нее другого барона, который способен быть королем более, чем мессир Гюи. И они это сделали. Они их развели, и когда их развели, то никак не могли прийти к согласию насчет того, за кого ее выдать, и случилось так, что в конце концов они и вовсе переложили решение этого дела на королеву, которая была женой монсеньора Гюи¹⁷⁴. И вот они вручили ей корону и предложили отдать ее тому, кого пожелает, чтобы он был королем. И как-то в другой

день собрались все бароны, и тамплиеры, и госпитальеры, и там был еще граф Триполи, лучший рыцарь в королевстве, который думал, что дама отдаст корону именно ему; и был там монсеньор Гюи, чьей женой королева являлась. Когда все собрались, дама взяла корону; поглядев направо и налево, она увидела того, кто был ее мужем, подошла к нему и возложила ему корону на голову. Так мессир Гюи стал королем¹⁷⁵. Когда граф Триполи это увидел, он был столь расстроен, что со злобы уехал в свою землю, в Триполи¹⁷⁶.

XXXIV

Прошло немного времени, и он¹⁷⁷ вступил в войну с сарацинами¹⁷⁸, был взят в плен, а все его войско разбито¹⁷⁹, и вся земля утрачена, так что нигде не осталось города, который бы удержался, за исключением Сюра и Аскалона¹⁸⁰. Когда Саладин увидел, что вся земля в его руках, он пришел к королю Иерусалимскому, который находился у него в темнице, и сказал ему, что если бы он устроил так, чтобы Аскалон сдался, то он, Саладин, отпустил бы его и с ним большую часть его людей. И король ответил ему: «Ну, что же, отведите меня туда,— сказал он,— и я прикажу им сдать его вам!». И Саладин отвел его туда. Когда они туда пришли, король обратился к жителям города и сказал им, чтобы они сдали город, потому что он так хочет. И они сдали ему город¹⁸¹. Когда город оказался в руках Саладина, он отпустил короля и вместе с ним часть его людей¹⁸², а освобожденный таким образом из темницы король отправился вместе со всеми своими людьми в Сюр¹⁸³. И пока все это происходило, маркиз привлек на свою сторону жителей Сюра и генуэзцев, которые там были¹⁸⁴, и тех и других, и все они поклялись ему на святых мощах в верности и поклялись, что все будут считать его своим сеньором, а он поможет им оборонять город¹⁸⁵. И маркиз нашел в городе такую большую дороговизну, что меру зерна продавали за 100 безантов, а эта мера была не больше чем амьенский секстарий с половиной. Когда король прибыл к Сюру, его оруженосцы начали кричать: «Откройте, откройте ворота! Король идет!». А те, кто был внутри, отвечали, что не впустят людей Гюи Лузиньяна. И наконец маркиз подошел к стене и сказал, что король не войдет в город. «Ба! — сказал король, — Как же так? Разве не я ваш сеньор и король этих мест?» «Клянусь богом, — ответил маркиз, — вы не сеньор и не король и вы не войдете сюда, потому что вы все покрыли бесчестьем и утратили всю свою землю. Кроме того, дороговизна здесь столь велика, что если вы и ваше войско вступите сюда, то весь город вымрет от голода. И я предпочитаю, — сказал маркиз, — чтобы погибли вы и ваши люди, которые не совершили никаких великих подвигов, чем погибли бы мы, находящиеся здесь, в городе». Когда король увидел, что ему не войти, он повернул со всем своим

войском и отошел к некоей крепостце в направлении Акры и расположился там ¹⁸⁶. И он был там до тех пор, пока его не застали в этой крепостце короли Франции и Англии ¹⁸⁷. И в то время, как маркиз был в Сюре, где стояла такая великая дороговизна ¹⁸⁸, о которой мы рассказали, бог послал им помощь: туда прибыл некий купец, который привел корабль с зерном; и он предложил зерно по цене 10 безантов, в то время как она была 100 безантов. И маркиз, и все горожане очень обрадовались этому, и они купили для города все зерно.

XXXV

Прошло немного времени и появился Саладин. Он осадил Сюр с суши и с моря, так что невозможно было доставить в город никаких припасов; и он осаждал его так долго, что дороговизна в городе снова поднялась и стала как прежде.

XXXVI

Когда маркиз увидел, что дороговизна в городе так поднялась и что он не может получить откуда-либо помощи и подкрепления, он созвал всех жителей города, и генуэзцев, и всех других, которые там были, и, обратившись к ним, сказал: «Сеньоры,— сказал он,— мы в скверном положении, и бог немилосерден к нам. Дороговизна в городе так велика, что совсем нет ни мяса, ни зерна, чтобы нам продержаться долгое время, и никакая подмога не может прийти к нам ни по морю, ни по суше. Бога ради, если среди вас есть кто-нибудь, кто может подать совет, пусть подаст!». И тут один генуэзец выступил вперед и сказал: «Если хотите послушаться меня,— сказал он,— то я подам вам добрый совет». «Какой же?» — спросил маркиз. «Вот что я вам скажу,— проговорил тот,— у нас здесь в городе есть нефы, галеры, лодки и другие суда; и я вам скажу, что я с ними сделаю. Я возьму четыре галеры и посажу на них самых храбрых воинов, какие только у нас найдутся; потом рано поутру выйду в море, сделав вид, будто хочу бежать. И как только сарацины меня заметят, то пустятся за мной в погоню, но у них не будет времени, чтобы изготавиться, и они не успеют снарядиться. И вот, когда все они кинутся за мной, вы посадите на другие ваши суда, лодки и галеры самых умелых воинов, какие только у вас найдутся, а когда увидите, что все они кинулись преследовать меня и что ушли вперед довольно далеко, то догоняйте их на своих судах и нападайте, а я поверну назад: таким вот образом мы и ударим по ним. И бог подаст нам помощь, коли ему будет угодно!» И все согласились с этим советом и сделали именно так, как он предложил.

XXXVII

Когда настало утро, и этот человек взял свои четыре галеры, очень хорошо снарядив и вооружив их, и все остальные суда так-

же были очень хорошо вооружены, то он взял да и с наступлением дня пустился в море. Морская гавань Сюра была прикрыта городскими стенами, и, чтобы выйти из гавани или войти в нее, суда проходили там; и вот он пускается в путь и начинает двигаться вперед с большой быстротой. Когда он находился уже довольно далеко и сарацины его заметили, они так поспешно стали преследовать его, что совсем не снарядились для этого, но пустили все свои 100 галер, чтобы нагнать его. Когда они ушли далеко вперед, жители города пустились вслед за ними, а тот, которого сарацины преследовали, стал поворачивать обратно; и потом ратники Сюра нападают на этих сарацин, которые все были невооружены, и многих убивают и наносят им поражение, да такое, что из всех их ста галер остались лишь две, которые воины Сюра не захватили. И Саладин видел все это и выказывал весьма большое горе, и он рвал на себе бороду и выдирает волосы от отчаяния, видя, как его воинов рубили на части прямо у него на глазах, а он не мог им помочь. Когда он потерял таким образом свой флот, он снял свой лагерь и отплыл прочь¹⁸⁹. Таким-то образом город был спасен маркизом, а король Гюи оставался в этой маленькой крепости неподалеку от Акры, там, где застали его король Франции и король Англии.

XXXVIII

Прошло немного времени, и король Гюи и его жена умерли¹⁹⁰. И королевство перешло таким образом к жене монсеньора Онфруа Торонского, сестре королевы. И тогда приходят, и отнимают жену у монсеньора Онфруа¹⁹¹, и выдают ее за маркиза¹⁹². И маркиз таким образом стал королем. Потом у него родилась от этой жены дочь¹⁹³, а затем он был убит ассасинами¹⁹⁴. Королеву же выдали за графа Анри Шампанского. После этого крестоносцы осадили Акру и захватили ее¹⁹⁵.

XXXIX

Ну вот, теперь мы поведали вам о кознях, по причине которых маркиз Монферратский ненавидел императора Константинопольского, и о том, почему он так настойчиво советовал, больше, чем остальные, двинуться на Константинополь. Вернемся же к тому, о чем мы говорили раньше.

Когда дож Венеции сказал баронам, что теперь им представляется подходящий предлог для того, чтобы направиться в Константинопольскую землю, и что он за это, все бароны до единого согласились с ним. Затем спросили епископов, не будет ли грехом идти туда. И епископы ответили и сказали, что это не только не явится грехом, но будет скорее благочестивым деянием, ибо, поскольку с ними законный наследник, которого лишили его наследственного достоинства, они могут оказать ему помощь в отвоевании его права и в отмщении его врагам. Затем они заставили

юношу поклясться на святых мощах¹⁹⁶, что он выполнит условия соглашения, которое заключил с ними раньше.

XL

Итак, пилигримы и венецианцы согласились отправиться в Константинополь. И вот они подготовили флот и снаряжение и вышли в море¹⁹⁷. И плыли они до тех пор, пока не прибыли в гавань под названием Бук д'Ав¹⁹⁸, примерно в сотне лье от Константинополя. Эта гавань была расположена там, где некогда стояла Великая Троя¹⁹⁹, при входе в рукав Св. Георгия²⁰⁰. Отсюда они двинулись дальше и поплыли вверх по рукаву Св. Георгия, пока не остановились в одном лье от Константинополя²⁰¹. Здесь они подождали остальных, а когда все суда и вся флотилия собрались вместе, то они выстроили свои корабли и украсили их столь прекрасно, что это было самое великолепное зрелище на свете. Когда жители Константинополя увидели этот флот, который был столь прекрасно изукрашен, они сочли его чудом, и они взбирались на стены и на дома, чтобы поглядеть на это чудо. А те, кто находились на кораблях, разглядывали огромный по величине город и сильно дивились тому, сколь он велик в длину и ширину. Затем они двинулись дальше и вошли в гавань Мохи-дон²⁰², что по ту сторону рукава Св. Георгия.

XLI

Когда император Константинопольский узнал об этом, он направил к ним добрых послов²⁰³ спросить, чего они здесь ищут и зачем они сюда прибыли, и предложил им, что если они хотят получить сколько-то из его золота или серебра, то весьма охотно пошлет его. Когда знатные люди услышали это, они ответили послам, что они не хотят ничего из его золота и серебра, но хотят, чтобы император отрекся от своей власти, потому что он владеет империей не по праву и незаконным образом; и они поручили передать ему, что с ними находится законный наследник Алексей, сын императора Кирсака. И послы ответили тогда и сказали, что император и не подумает ничего подобного делать; с тем они и ушли. Тогда дож Венеции обратился к баронам и сказал им: «Сеньоры, я предлагаю взять 10 галер и на одну из них посадить царевича и с ним некоторое число людей; и пусть эти корабли мирно проплывут вдоль берегов Константинополя, и с них спросят у жителей города, хотят ли они признать молодого человека своим сеньором». И знатные люди ответили, что это придумано как нельзя лучше. И тогда приготовили эти 10 галер и посадили молодого человека и с ним достаточное число вооруженных людей; и они несколько раз проплыли вдоль стен города в обе стороны и показывали жителям юношу, который звался Алексеем, и спрашивали их, признают ли они его своим сеньором; а жители города, отвечая, прямо говорили, что они не признают его своим сень-

ором и что вообще не ведают, кто он таков; и те, кто были с молодым человеком на галерах, говорили, что это сын императора Кирсака, а те из города во второй раз отвечали, что знать его не знают. И тогда они возвратились в войско и рассказали, что им ответили в городе ²⁰⁴. И тогда отдан был по всему войску приказ, чтобы все — и великие, и малые — вооружились; и когда все они вооружились, то исповедались и причастились, ибо сильно сомневались, смогут ли высадиться в Константинополе. Потом они выстроили свои боевые отряды и свои нефы, свои юиссье и галеры, и рыцари со своими конями вошли в юиссье, и они пустились в путь; и они повелели трубить почти в сто пар бронзовых и медных труб и бить в барабаны и кимвалы, которых было еще больше.

XLII

Когда жители города увидели эту большую флотилию и услышали звуки труб и барабанов, которые производили оглушительный шум, они все до единого вооружились и взобрались на свои дома и на башни города ²⁰⁵. И им наверняка казалось, что все море и земля сотрясаются и что все море покрыто судами; однако император приказал всем своим вооруженным людям выступить на берег, чтобы берег оборонять.

XLIII

Когда крестоносцы и венецианцы увидели греков, которые вооруженными вышли на берег, чтобы их встретить, то они посоветались и дож Венеции сказал, что он выступит вперед со всеми своими людьми и с божьей помощью высадится на берег. И тогда он взял свои нефы, и свои галеры, и свои юиссье и во главе флота двинулся вперед; потом они взяли своих арбалетчиков и своих стрелков из лука и поставили их на носу каждого корабля, дабы очистить берег от греков. Когда они построились таким образом, то двинулись прямо к берегу ²⁰⁶. Когда греки увидели, что пилигримов не взять на испуг и нельзя им помешать подойти к берегу, и когда увидели, что те приближаются к ним, они отступили, не отважившись выжидать их, так что эскадра подошла к берегу; и как только она подошла к берегу, все рыцари выехали из юиссье уже на конях; ибо юиссье были устроены таким образом, что каждый имел дверцы, которые легко отворялись, а потом перебрасывался наружу мостик, по которому все рыцари могли сойти на землю, уже восседая на конях. Когда эскадра подошла к берегу и греки, которые отступили назад, увидели, что крестоносцы сошли на землю, то были повергнуты в сильное смятение. А ведь это были те самые люди, эти греки, которые взялись защищать берег и которые похвалялись перед императором, что пилигримы никогда не ступят сюда, пока они, греки, находятся здесь ²⁰⁷. Выехав из юиссье, рыцари тотчас начали преследовать

Юиссье.
Напольная мозаика
церкви Сан Джованни
Эвангелиста.
Равенна. 1213 г.

этих греков, и они гнали их вплоть до какого-то моста, который был на краю города²⁰⁸; на этом мосту были ворота, через которые греки бежали в Константинополь. Когда рыцари возвратились к кораблям, кончив преследовать греков, они посоветовались между собой, и венецианцы сказали тогда, что их корабли не будут в безопасности, если не войдут в гавань; тогда они порешили, что введут их в гавань. А гавань Константинополя²⁰⁹ была прочно заперта большой железной цепью²¹⁰, которая тянулась с одной стороны в город, а с другой стороны, перегораживая гавань,— к башне Галаты. Башня эта была сильно укреплена и хорошо защищалась многочисленными вооруженными ратниками²¹¹.

XLIV

По совету знатных людей башня эта была осаждена и в конце концов взята силой; а греческие галеры стояли от одного конца цепи до другого и помогали защищать цепь. И когда башня была взята, а цепь разорвана, то суда вошли в гавань и укрылись там в безопасности; и крестоносцы захватили у греков галеры и нефы, которые стояли в гавани. И когда нефы и все другие суда венецианцев были введены в гавань и стали в безопасности, все пилигримы и венецианцы собрались и держали совет между собой о том, как им осадить город; и наконец они договорились, что французы осадят его с суши, а венецианцы — с моря; и дож Венеции сказал, что он поставит орудия на своих нефах и лестницы,

с которых будет произведен приступ стен. И тогда рыцари и все другие пилигримы вооружились и выступили к мосту, который находился примерно в двух лье; и кроме как через этот мост²¹², по крайней мере на протяжении четырех лье, не было другого пути в Константинополь. И когда они подошли к мосту, сюда подоспели греки, чтобы помешать им, насколько они это смогут, перейти через мост, но пилигримы бурным натиском обратили их в бегство и перешли мост. И когда они вступили в город, знатные люди расположились лагерем и раскинули свои палатки супротив Влахернского дворца²¹³, который принадлежал императору, и этот дворец находился прямо на краю города. И тогда дож Венеции приказал соорудить дивные и прекрасные осадные орудия, ибо он распорядился взять жерди, на которых крепят паруса нефов²¹⁴, длиною едва ли не в 30 туаз или даже более того²¹⁵; а потом он приказал хорошенько связать их и закрепить прочными канатами на стенах, и устроить поверх них добрые мостки и оградить их по краям добрыми поручнями из веревок; и каждый мостик был столь широк, что по нему могли проехать бок о бок три вооруженных рыцаря. И дож повелел столь хорошо укрепить мостки и прикрыть их с боков столь прочными кусками эскавины²¹⁶ и парусины, что тем, кто проезжал по ним, чтобы участвовать в осаде города, нечего было опасаться стрел ни из арбалетов, ни из луков; и каждый мостик находился на высоте 40 туаз над нефом, а то и больше; и на каждом юиссье был мангоннель²¹⁷, который мог метать камни так далеко, что они били по стенам и достигали города. Когда венецианцы оснастили свои нефы так, как я вам только что рассказал здесь, пилигримы, которые осаждали город с суши с другой стороны, расставили таким образом свои камнеметы и мангоннели, что они бросали и били, достигая самого императорского дворца; а те стреляли из города, точно так же достигая палаток пилигримов²¹⁸. Затем они посоветовались вместе, пилигримы и венецианцы, и назначили следующий день, чтобы двинуться на приступ города одновременно и по суше и с моря.

Когда наступило утро следующего дня, венецианцы приготовились, построили в боевом порядке свои суда и подошли как можно ближе к стенам, чтобы начать приступ, и точно так же пилигримы расположили с другой стороны своих людей. А император Константинополя Алексей вместе со всей своей вооруженной ратью выехал из города через ворота, которые называют Романскими²¹⁹, и там построил своих ратников и разделил их на 17 боевых отрядов; в этих 17 боевых отрядах насчитывалось почти 100 тыс. конных воинов²²⁰. Потом он приказал послать большую часть этих 17 отрядов в обход лагеря, где стояло войско французов, а остальных оставил при себе; и всем пешим жителям города, которые способны были носить оружие, он повелел выйти из города и приказал им построиться в боевые порядки вдоль

стен от одного конца до другого между войском французов и стенами. Когда французы увидели себя таким образом окруженными кольцом этих боевых отрядов, они сильно устрашились и тоже построили поэтому свои отряды, но образовали всего семь отрядов из 700 рыцарей, а больше у них и не было; да и из этих 700 рыцарей 50 были пешими ²²¹.

XLV

После того как они построили таким образом своих ратников, граф Фландрский потребовал, чтобы под его командование был отдан первый отряд, и его дали ему; второй отряд получили граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский ²²²; третий отряд получили мессир Анри, брат графа Фландрского, и германцы ²²³. И потом они порешили, что пешие оруженосцы последуют за конными отрядами, с тем чтобы три или четыре группы пеших следовали за одним конным отрядом и чтобы оруженосцами при каждом отряде были воины из его страны. Потом, когда они собрали три отряда, которые должны были сражаться против императора, они составили четыре других, которые должны были защищать лагерь. Притом маркиз ²²⁴, а он был сеньором всей рати, находился в арьергарде и защищал лагерь с тыла, а граф Луи ²²⁵ имел второй отряд, шампанцы составляли третий отряд ²²⁶, бургундцы же — четвертый ²²⁷, и всеми этими четырьмя отрядами командовал маркиз ²²⁸. А потом взяли всех, которые стерегли коней, и всех поваров, которые могли носить оружие; и вот всех их облачили в попоны, покрыли седельными ковриками, дали им в руки медные котелки, деревянные молотки и пестики, так что они имели столь безобразный и ужасающий вид, что пеший меньшей люд императора, который стоял по сю сторону стен, был объят сильным страхом и пришел в ужас, когда увидел их. А те четыре боевых отряда, которые я вам уже назвал раньше, защищали лагерь из опасения, как бы боевые отряды императора, окружавшие лагерь, не прорвались и не уничтожили бы лагерь и палатки; конюших же и поваров повернули в сторону города, лицом к пешим воинам императора, которые были выстроены у стен. Когда пешие воины императора увидели наш меньшей люд столь безобразно вооруженным, это нагнало на них такой сильный страх и привело их в столь большой ужас, что они никак не отваживались ни сдвинуться с места, ни подступить к ним, и нашему войску вовсе нечего было опасаться с этой стороны ²²⁹.

XLVI

Затем было приказано, чтобы граф Фландрский, граф де Сен-Поль и мессир Анри, у которых были три боевых отряда, вступили в сражение с императором; а четверем другим отрядам было решительно запрещено, какая бы надобность у них ни появилась, сходить с места до тех пор, пока не увидели бы, что все, так

сказать, потеряно,— чтобы не быть окруженными или атакованными другими отрядами императора, которые стояли вокруг лагеря.

В то время как французы выстроились таким образом, венецианцы, которые были на море, тоже не забывали о том, что им надлежало сделать; напротив, они пододвинули свои нефы вплотную к стенам, так что они могли прекрасно взбираться прямо на стены города по лестницам и мосткам, которые изготовили на нефах; и они стреляли и метали стрелы и снаряды из своих мангоннелей и нападали столь яростно, что лучше и нельзя было, пока наконец не подождли город; и сгорела часть Константинополя величиной с Аррас²³⁰. Но они не отваживались ни пробраться, ни вступить в город, ибо их было чересчур мало и они там не продержались бы; и таким образом отошли назад, на свои нефы.

XLVII

Знатные люди, которые стояли с другой стороны и которые должны были сражаться с императором, решили, что нужно из каждого боевого отряда избрать двух самых доблестных и мудрых людей, какие только им были ведомы и что бы они ни приказали, было исполнено: скомандовали бы они «В шпоры!», то пришпорили бы коней, скомандовали бы «Аллюром!», то скакали бы аллюром. Граф Фландрский, который был в авангарде, первым тронулся аллюром в сторону императора; а император находился в четверти лье от графа Фландрского и приказал своим боевым отрядам выступить навстречу графу; и граф де Сен-Поль, и мессир Пьер Амьенский, которые предводительствовали боевым отрядом, скакавшим вслед за первым, продвинулись оттуда немного вперед; и мессир Анри д'Эно и германцы, которые составляли третий боевой отряд, двинулись за ним; и не было коня, который не был бы покрыт боевой попоной и шелковым покрывалом, не говоря обо всем прочем. И три, четыре или пять групп наших оруженосцев следовали за каждым отрядом впритык к хвостам коней, и они продвигались в таком порядке и таким сомкнутым строем, что не нашлось бы смельчака, кто отважился бы вырваться вперед других. И император двигался навстречу нашим со всеми девятью отрядами, и среди этих девяти отрядов не было ни единого, который не насчитывал бы 3 или 4 тыс., а иные и по 5 тыс. всадников. И когда граф Фландрский удалился от лагеря на расстояние двух арбалетных выстрелов, его советники сказали ему: «Сеньер, вы совершаете ошибку, собираясь сразиться с императором так далеко от лагеря, потому что если вы, сражаясь там, будете нуждаться в подмоге, то те, кто остались защищать лагерь, не смогут прийти вам на выручку. А если вы послушаетесь нас и повернетесь к палисаду²³¹, то там, находясь в большой безопасности, вы и станете поджидать императора, коли он пожелает сражаться». Тогда граф Фландрский повернул

назад к палисаду, как ему советовали, и отряд монсеньора Анри тоже. А граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не захотели повернуть назад, но совершенно хладнокровно остановились со всеми своими людьми прямо посреди поля. Когда отряд графа де Сен-Поля и мессира Пьера Амьенского увидел, что граф Фландрский отходит назад, рыцари сказали все разом, что граф Фландрский совершает нечто весьма постыдное: тот, кто находится в авангарде, отступает. И они вскричали все разом: «Сеньоры, сеньоры, граф Фландрский отходит назад! А коли он отходит назад, то предоставляет вам авангард. Ну-ка, займем его во имя бога!». И бароны согласились и сказали, что они встанут в авангарде. Когда граф Фландрский увидел, что граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не собираются отходить, он послал к ним гонца и попросил их отойти назад. И мессир Пьер Амьенский ответил ему, что они и не думают отходить. И граф Фландрский велел через двух гонцов снова сказать ему, чтобы они, бога ради, не навлекали на него позора, но чтобы отошли, ибо ему так советовали. И граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский снова ответили ему, что они ни в коем случае не отойдут. И вот тогда появляются²³² мессир Пьер Амьенский и мессир Юсташ де Кантелэ, которые командовали боевыми действиями, и говорят: «Сеньоры, ради бога, скажите во весь опор!». И они пустились вскачь во весь опор, и все те из войска, которые остались позади, принялись кричать им вслед: «Глядите, глядите! Граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский вот-вот атакуют императора». «Боже, сеньор наш,— стали они говорить и кричать,— будьте ныне обороной для них и для всего их отряда! Глядите! Они стали авангардом, в котором должен был находиться граф Фландрский. Боже, сеньор наш, оберегите их!» А женщины и девушки во дворце Влахернском прильнули к окнам, и другие жители города, и их жены и дочери, взобрались на стены города и разглядывали оттуда, как скачет этот отряд, а с другой стороны император, и они говорили друг другу, что наши будто походят на ангелов, настолько они были прекрасны; ведь они были так прекрасно вооружены и их кожи покрыты столь прекрасными попонями.

XLVIII

Когда рыцари боевого отряда графа Фландрского увидели, что граф де Сен-Поль и мессир Пьер Амьенский не отошли вслед за ними, все равно по какой причине, они подошли к графу и сказали ему: «Сеньор, вы совершаете весьма постыдное дело, не выступая вперед, и знайте, что если вы не двинетесь, мы не останемся верны вам!». Когда граф Фландрский услышал эти слова, он пришпорил своего коня и вслед за ним все остальные и они так пришпорили, что нагнали боевой отряд графа де Сен-Поля и мессира Пьера Амьенского, и когда они нагнали его, то покакали рядом с ним голова в голову; а боевой отряд монсеньора

*Пешие крестоносцы.
Напольная мозаика
церкви Сан Джованни
Эвангелиста
Равенна. 1213 г.*

Ари скакал позади. И боевые отряды императора и наши боевые отряды сблизились настолько, что арбалетчики императора с легкостью стреляли в наших людей, а наши арбалетчики одновременно стреляли в людей императора, и осталось преодолеть лишь небольшой холм, который находился между императором и нашими боевыми отрядами, и императорские отряды стали взбираться на него с одной стороны, а наши — с другой. И когда наши ратники достигли вершины холма и император увидел их, то он остановился и все его люди тоже, и они были так ошеломлены и ошарашены тем, что наши боевые отряды шли такими ровными рядами, прямо им в лоб, что не знали, на что решиться. Между тем, пока они пребывали в растерянности, другие боевые отряды императора, которые были посланы в обход лагеря французов, повернули обратно и соединились с другими отрядами императора в долине. И когда французы увидели все до единого боевые отряды императора собравшимися вместе, они молча остановились на вершине холма и только спрашивали себя, что же собирается делать император; графы и знатные люди из трех боевых отрядов посылали гонцов друг к другу, чтобы держать совет, что им делать: пойти ли им на сближение с войсками императора или нет. И они не решались подступить туда, потому что были весьма далеко от своего лагеря, и если бы стали сражаться там, где был император, то те, кто охраняли лагерь, не увидели бы их и не смогли бы прийти им на подмогу, коль скоро в ней возникла бы надобность; а с другой стороны между нами и импера-

тором был большой канал, большой проток, по которому в Константинополь поступала вода²³³, так что если бы они перешли этот канал, то они понесли бы большие потери в людях; вот почему они не решились двинуться туда²³⁴. А пока французы вот так советовались между собой, император отступил в Константинополь; и когда он туда явился, то был весьма сильно порицаем женщинами и девицами за то, что не вступил в сражение со столь малочисленной ратью, какой были французы, имея столь великую тьму людей, какую он привел²³⁵.

XLIX

Когда император отступил, пилигримы тоже вернулись в свои палатки, скинули доспехи, и когда они сложили оружие, то венецианцы, которые плыли на нефах и кораблях, пришли спросить у них о новостях и сказали: «Ну, ей-богу! А мы-то слышали, что вы сражаетесь против греков, и очень испугались за вас и вот явились к вам на подмогу». А французы ответили им и сказали: «Право же милостью божьей мы очень хорошо действовали, ибо мы двинулись навстречу императору, а император не решился схватиться с нами в бою!». И французы, в свою очередь, спросили о новостях у венецианцев, а те им ответили: «Ей-богу, сказали они, мы здорово атаковали греков и вступили в город, взобравшись на стены, и мы подожгли город, да так, что большая часть города сгорела».

L

И вот, пока французы и венецианцы толковали друг с другом, в городе поднялся очень сильный ропот, и жители города сказали императору, чтобы он избавил их от французов, которые подвергли их осаде, и что если он не сразится с ними, они пойдут и обратятся к молодому человеку, которого привезли французы, и поставят его своим императором и сеньором.

LI

Когда император услышал такое, он обещал им, что завтра даст бой французам, а когда приблизилась полночь, император бежал из города, прихватив с собой столько людей, сколько мог увести²³⁶.

LII

Когда наступило утро другого дня и жители города узнали, что император бежал, они не сделали чего-либо иного, кроме того, что подошли к воротам, распахнули их, вышли оттуда и явились в лагерь французов и стали спрашивать и искать Алексея, сына Кирсака. И им растолковали, что они найдут его в палатке маркиза. Когда они пришли туда, то обнаружили его там; и его друзья²³⁷ устроили великое празднество, и выказали великую

радость и весьма возблагодарили баронов, и сказали, что те сделали очень хорошо и очень достойно, что поступили таким образом; и они сказали, что император бежал и пусть бароны войдут в город и в императорский дворец, словно к себе. Тогда собрались все высокие бароны войска и взяли Алексея, сына Кирсака, и с большой радостью и с великим ликованием ввели его во дворец. И когда они явились во дворец, то приказали освободить из темницы отца Алексея и его жену²³⁸, которых заключил туда его брат, тот, кто держал бразды правления. И когда Кирсак был освобожден из темницы, он с радостью воздал благодарность своему сыну, обнял, и поцеловал его, и горячо поблагодарил всех баронов, которые там были, и сказал, что он освобожден из темницы сначала с помощью божьей, а затем с их помощью. И тогда были принесены два золотые трона и на один трон посадили Кирсака, а на другой рядом — Алексея, его сына, и Кирсак был тем, кто получил императорский трон²³⁹. Тогда императору сказали: «Государь, здесь находится в темнице один знатный человек по имени Морчофль²⁴⁰, и уже целых семь лет, как он там. Если бы на то была ваша воля, было бы хорошо освободить его из темницы». И вот Морчофль был освобожден из темницы, и император назначил его затем своим главным бабьи, а тот впоследствии отплатил ему злом, как мы вам об этом поведаем потом. И вот после того как французы поступили таким образом, случилось, что султан Коньи²⁴¹ прослышал о том, как поступили французы. Тогда он явился переговорить с ними туда, где они еще располагались, вне Константинополя, и обратился к ним: «Дорогие сеньоры,— сказал он,— завоевав столь великий город, как Константинополь, столицу мира, и восстановив на его троне законного наследника константинопольского, которого короновали императором, вы совершили достойное деяние, великий и доблестный подвиг». Действительно, жители этой страны говорили, что Константинополь является столицей мира. «Сеньоры,— сказал султан,— я хотел бы попросить вас об одном деле, о котором сейчас скажу вам. У меня есть брат, который младше меня и который изменой отнял у меня землю и мою сеньорию Конью, сеньором коих я был и законным наследником коих являюсь. Если бы вы захотели помочь мне отвоевать мою землю и мою сеньорию, я бы отдал вам много своего добра, а потом я бы стал христианином, так же как и все те, которые держали бы от меня земли, если бы я отвоевал мою сеньорию и если бы захотели мне помочь». И бароны ответили ему, что они будут держать совет об этом, и было послано позвать дожа Венеции, и маркиза, и всех высоких баронов; и они собрались на великий совет, и в конце концов их совет не вынес решения в пользу того, о чем просил их султан. И когда они вышли, закончив свой совет, то ответили султану, что не могут содейть то, что он просит, ибо им еще нужно получить договоренное от императора и что было бы

опасным оставлять столь большое дело, какое было в Константинополе, в том положении, в котором оно находится; они не отважатся его так оставить. Когда султан это услышал, он был этим сильно огорчен и уехал.

LIII

Когда бароны привели Алексея во дворец, они спросили о сестре короля Франции, которую называли французской императрицей²⁴², жива ли она еще, и им ответили «да» и что она снова замужем, что знатный муж города Вернас женился на ней и она живет во дворце неподалеку отсюда. Тогда бароны пошли туда свидеться с нею, и приветствовали ее, и горячо обещали служить ей, а она оказала им весьма худой прием, и она была сильно разгневана тем, что они явились сюда и что они короновали этого Алексея; и она не хотела разговаривать с ними²⁴³, но она все же говорила с ними через толмача, а толмач сказал, что она ни слова не знает по-французски. Однако графа Луи, который был ее кузеном²⁴⁴, она все-таки признала.

LIV

Потом случилось однажды, что бароны пошли развлечься во дворец, а заодно повидать Кирсака и его сына-императора. И вот, пока бароны были во дворце, туда пришел некий король, все тело которого было черным, а посреди лба у него был крест, выжженный раскаленным железом. И этот король проживал в одном очень богатом аббатстве в городе, где, как повелел Алексей, который раньше был императором, он мог оставаться сеньором и господином столько времени, сколько пожелает пребывать. Когда император увидел, что он вошел, он встал, чтобы выйти ему навстречу и оказал ему великие почести. И вот император спросил баронов: «Знаете ли вы,— сказал он,— кто этот человек?». «Конечно, нет, государь»,— ответили бароны. «Ей-богу,— сказал император,— это король Нубии, который явился в этот город, совершая паломничество». Тогда они взяли толмача, чтобы завести разговор с ним, и велели спросить у него, где его земля, и он ответил толмачу на своем языке, что земля его находится еще в 100 днях перехода за Иерусалимом и что он пришел оттуда, направляясь в паломничество в Иерусалим; и он сказал, что когда выезжал из своей страны, то с ним поехали 60 человек из его земли; а когда он прибыл в Иерусалим, то в живых из них остались только 10; когда же он, выйдя из Иерусалима, прибыл в Константинополь, то с ним осталось лишь двое. И потом он сказал, что собирается отправиться в паломничество в Рим, а из Рима в Сен-Жак²⁴⁵, а потом вернуться обратно в Иерусалим, если он столько проживет, и уж потом умереть там. И он сказал еще, что все жители в его земле христиане и когда рождается ребенок и его

крестят, то ему выжигают раскаленным железом крест на лбу, такой, как у него самого. И бароны рассматривали этого короля с большим изумлением²⁴⁶.

LV

После того как бароны короновали Алексея, так, как я вам сказал, было решено, что во дворце вместе с императором останутся мессир Пьер де Брешэль и его люди; а потом бароны стали решать, где они разместятся, и не рискнули остаться в городе из-за греков, которые все были предателями; поэтому они отправились, чтобы расположиться, на другую сторону гавани, туда, где находится Галатская башня; и там все они разместились в разных зданиях, которые тут были, и привели свой флот, и поставили его на якорь перед своими жилищами, в город же ходили, когда хотели. И когда они хотели попасть туда морем, то переплывали на баржах, а когда хотели ехать на конях, то переезжали через мост. Ну, так вот, когда они разместились, то французы и венецианцы сообща решили разрушить на 50 туаз стены города, ибо они опасались, как бы жители города не попытались восстать против них.

LVI

И вот однажды все бароны собрались во дворце императора²⁴⁷ и потребовали у императора выполнить свои обязательства; и он ответил, что непременно выполнит их, но сперва он хотел бы быть коронован²⁴⁸. Тогда они собрались и назначили день, чтобы короновать его; и в этот день он был с великой торжественностью коронован как император по воле своего отца, который добровольно согласился на это²⁴⁹. И когда он был коронован, бароны снова потребовали свои деньги и он сказал, что весьма охотно уплатит им что сумеет, и уплатил им тогда добрых 100 тыс. марок. И из этих 100 тыс. марок половину получили венецианцы, потому что должны были получить половину от всех завоеваний; а из 50 тыс. марок, которые оставались, им уплатили 36 тыс. марок, которые французы еще оставались должны им за флот, а из других 20 тыс. марок²⁵⁰, которые оставались пилигримам, они вернули всем тем, кто раньше ссудил их из своих денег для уплаты за перевозку.

LVII

А потом император обратился к баронам и сказал им, что у него ничего нет, кроме Константинополя, и что он поистине остался бы бедным, если бы у него ничего больше не было: ведь его дядя владеет всеми городами и замками, которые должны по праву принадлежать ему; и он попросил баронов, чтобы они помогли ему завоевать окрестные земли, а он тогда им весьма охотно даст еще из своего добра²⁵¹. И тогда они ответили, что они очень хотят помочь ему и что все те, кто хотят разжиться, отправятся

с ним. И таким образом с Алексеем двинулась добрая половина войска, а другая половина осталась в Константинополе, чтобы получить плату, и Кирсак остался тоже, чтобы произвести выплату баронам²⁵². И Алексей пошел со всем своим войском и сумел завоевать из своих земель чуть ли не 20 городов и 40 или более замков; а другой император, Алексей, его дядя, все эти дни бежал все дальше. Французы пробыли с Алексеем три месяца²⁵³. А пока Алексей совершал этот поход, жители Константинополя восстанавливали свои стены, укрепив их так же сильно и подняв так же высоко, как и раньше, пока французы после взятия города не разрушили их, по меньшей мере на 50 туаз, поскольку опасались, как бы греки не возмутились против них. И когда бароны, которые остались, чтобы получить причитающуюся плату, увидели, что Кирсак им ничего не платит, они послали сказать другим баронам, которые отправились вместе с Алексеем, чтобы те повернули назад, ибо Кирсак нисколько им не выплатил, и чтобы все они возвратились в город к празднику Всех Святых²⁵⁴. Когда бароны это услышали, они сказали императору, что возвращаются обратно; когда император это услышал, он сказал, что раз они возвращаются, то и он возвращается, потому что не может доверять этим грекам²⁵⁵. И так они вернулись обратно в Константинополь; и император отправился в свой дворец, а пилигримы пошли к своим жилищам по другую сторону гавани.

LVIII

А потом графы, и другие знатные люди, и дож Венеции, и император собрались вместе. И французы потребовали у императора свою плату, а император ответил, что ему пришлось столь дорогой ценой выкупить свой город и свой народ, что ему нечем им заплатить, но если они предоставят ему какую-то отсрочку, то за это время он изыщет средства, чтобы заплатить им. Они предоставили ему отсрочку, а когда время прошло, он так им ничего не уплатил, и бароны опять потребовали своей платы. А император опять попросил отсрочку, и они дали ее ему. Между тем его приближенные, и народ, и тот Морчофль²⁵⁶, которого он велел освободить из темницы, пришли к нему и сказали: «Ах, государь, вы уже с лихвой уплатили им, не платите им больше! Вы заплатили им столько, что совсем истратились! Заставьте их поскорее убраться подобру-поздорову, а потом изгоните их прочь из своей земли». И Алексей послушался этого совета и не захотел больше ничего им платить²⁵⁷. Когда эта отсрочка истекла и французы увидели, что император не собирается что-либо платить им, тогда все графы и прочие знатные люди войска собрались вместе и отправились в императорский дворец и вновь потребовали причитавшейся им платы. А император ответил им, что, какие бы доводы ему ни выставляли, он никак не может им упла-

тить, бароны же ответили ему, что коли он им не заплатит, то они доберутся до его добра, чтобы самим себе заплатить.

LIX

С этими словами бароны покинули дворец и вернулись в свои жилища, а когда вернулись, то держали совет о том, как им быть дальше, и в конце концов послали к императору двух рыцарей²⁵⁸, и они опять увещевали его, чтобы отослал им их плату. А он ответил послам, что ничего не заплатит им, что он и так уже с лихвой заплатил им и что он их несколько не страшится; мало того, он потребовал, чтобы они убирались прочь и освободили его землю, и пусть знают, что если не очистят ее как можно скорее, то он причинит им зло²⁵⁹. С этим и возвратились послы восвояси и дали знать баронам, что отвечивал им император. Когда бароны это услышали, то держали совет, что им предпринять, и в конце концов дож Венеции сказал, что он сам хотел бы пойти и переговорить с императором. И он послал гонца передать, чтобы император пришел в гавань переговорить с ним. И император явился туда на коне; а дож повелел снарядить четыре галеры, потом взошел на одну из них, а трем приказал сопровождать ее, чтобы его охранять; и когда он приблизился к берегу, то увидел императора, который прибыл туда на коне, и он заговорил с ним и сказал ему: «Алексей, что ты думаешь делать? — сказал дож. — Припомни-ка, что мы возвысили тебя из ничтожества, а затем мы сделали тебя сеньором и короновали императором; неужто ты не исполнишь своих обязательств по отношению к нам, — сказал дож, — и ничего больше не сделаешь для этого?». «Нет, — сказал император, — я не сделаю ничего больше того, что уже сделал!» «Нет? — сказал дож. — Дрянной мальчишка, мы вытащили тебя из грязи, — сказал дож, — и мы же втолкнем тебя в грязь; и я бросаю тебе вызов, а ты заруби себе на носу, что отныне и впредь я буду чинить тебе зло всей своей властью».

LX

С этими словами дож удалился и вернулся обратно. И тогда графы, и все люди высокого звания в войске, и венецианцы собрались вместе, чтобы держать совет, что им делать дальше; и венецианцы сказали, что они не могут ни сделать лестниц, ни поставить орудия на своих кораблях из-за погоды, которая была очень холодной: ведь это было время между праздником Всех Святых и рождеством. А пока они были там в таких стесненных обстоятельствах, вот что сделали император и изменники, которые его окружали: они замыслили великую измену, они собирались...²⁶⁰ Ночью они взяли в городе корабли²⁶¹; они нагроулили их очень сухими деревяшками, положив куски смолы между деревяшками, а потом подожгли. Когда наступила полночь и корабли были целиком охвачены пламенем, поднялся очень резкий ветер

и греки пустили все эти пылающие корабли, чтобы поджечь флот французов, и ветер быстро погнал их в сторону нашего флота. Когда венецианцы заметили это, они быстро вскочили, забралась на баржи и галеры и потрудились так, что их флот милостью божьей ни на один миг не соприкоснулся с опасностью²⁶². А после этого не прошло и 15 дней, как греки сделали то же самое; и когда венецианцы опять вовремя увидели их²⁶³, они еще раз двинулись им наперерез и доблестно защитили свой флот от этого пламени, так что он нисколько милостью божьей не пострадал, кроме одного купеческого корабля, который прибыл туда: он сгорел²⁶⁴. А дороговизна в лагере была столь велика, что сестарий вина покупали за 12, 14, иногда даже за 15 су, а дыпленка — за 20 су и яйцо — за 2 денье; напротив, на сухари такой дороговизны не было, потому что сухарей у них имелось достаточно, чтобы войско некоторое время могло продержаться.

LXI

В ту зиму, когда они пребывали там, жители города прекрасно укрепили свои стены, подняли выше и стены и башни, надстроили сверху каменных добрые деревянные башни и прочно укрепили снаружи эти деревянные башни, обшили добрыми досками и прикрыли сверху добрыми шкурами так, чтобы нечего было опасаться лестниц с венецианских кораблей; и стены имели добрых 60 стоп в высоту, а башни — 100. В городе же они установили по меньшей мере 40 камнеметов от одного до другого края стен, в тех местах, где, как они думали, могут пойти на приступ; и неудивительно, что они все это сделали, потому что у них имелось много досуга.

Между тем, пока все это делалось, греки, изменники императора, и этот Морчофль, которого император вытащил из темницы, собрались однажды и сговорились учинить великую измену, ибо они хотели вместо этого поставить другого императора, который избавил бы их от французов, потому что Алексей не казался им способным на это. И Морчофль сказал: «Если бы вы поверили мне,— сказал он,— и захотели бы сделать меня своим императором, я бы избавил вас от французов и от этого императора, так что вам никогда не пришлось бы их опасаться». И они сказали, что если он в состоянии избавить их, то они сделают его императором, и Морчофль поклялся освободить их за восемь дней; и они обещали ему, что сделают его императором²⁶⁵.

LXII

Тогда Морчофль, не помышляя о сне, взял с собой оруженосцев, ночью вошел в покой, где спал его сеньор, император, который вытащил его из темницы, и приказал накинуть ему веревку на шею, и велел задушить его, а также его отца Кирсакка²⁶⁶. Когда он содеял это, то вернулся назад к тем, кто долж-

ны были поставить его императором, и сказал им о содеянном; и они явились и короновали его, а потом сделали его императором²⁶⁷. Когда Морчофль стал императором, по всему городу разнеслась весть об этом: «Что тут правда, а что ложь? Ну и ну! Морчофль — император, и он же загубил своего сеньора!» Потом из города в лагерь пилигримов была подкинута грамота, в которой сообщалось о том, что совершил Морчофль. Когда бароны это узнали, то одни говорили, что едва ли найдется кто-нибудь, кто бы сожалел о смерти Алексея, потому что он не хотел выполнить своих обязательств перед пилигримами. А другие, напротив, говорили, что на них лежит вина за то, что он погиб такой смертью. А потом прошло немного времени, и Морчофль велел передать графу Луи, графу Фландрскому, маркизу и всем другим знатым баронам, чтобы они убрались прочь и очистили его землю и чтобы они зарубили себе на носу, что императором является он и что если по истечении восьми дней он их еще найдет там, то всех перебьет. Когда бароны услышали то, что Морчофль повелел им передать, они ответили: «Что? — сказали они. — Тот, кто ночью изменническим образом убил своего сеньора, он же еще и смеет посылать нам такое требование?». И они послали ему в ответ слова, что бросают ему вызов, и что пусть он их опасается, и что они не покинут своего места, пока не отомстят за того, кого он убил, и пока не возьмут Константинополь второй раз и не добьются полностью выполнения тех условий, которые Алексей обязан был по договору выполнить в отношении их²⁶⁸.

LXIII

Когда Морчофль услышал этот ответ, он приказал охранять как следует стены и башни и укрепить их так, чтобы нечего было опасаться нападения французов; и они сделали это очень хорошо, так что стены и башни стали еще более надежными и еще более приспособленными для защиты.

LXIV

Потом случилось так, что как раз в то время, когда предатель Морчофль был императором и когда войско французов столь сильно обеднело, как я уже рассказал вам раньше, и поспешно приводило в порядок свои корабли и свои камни, чтобы предпринять приступ, к знатым баронам войска направил посольство Иоанн ли Блаки²⁶⁹. Он послал передать, что если бы они захотели его короновать королем, чтобы он стал сеньором своей земли Блакии, то он держал бы от них свою землю и свое королевство и пришел бы к ним на помощь с доброй сотней тысяч вооруженных людей, чтобы пособить им взять Константинополь. А Блакия — это земля, которая принадлежит к домену императора; и этот Иоанн был воином императора, охранявшим одну из его конюшен, а когда император требовал прислать 60 или

100 коней, то этот Иоанн посылал их ему; и он каждый год являлся ко двору до того, как впал в немилость при дворе, а именно однажды он явился, а один из евнухов, слуг императора, нанес ему подлое оскорбление, он ударил его ремнем по лицу, что повергло его в полное отчаяние²⁷⁰. И из-за этого подлого оскорбления, которое ему причинили, Иоанн ли Блаки, разъяренный, тотчас оставил двор и уехал в Блакию. А Блакия — очень суровая земля, которая вся закрыта горами, так что туда нельзя ни войти, ни выйти оттуда иначе как через какой-нибудь узкий проход.

LXV

Когда Иоанн вернулся восвояси, он начал всячески привечать к себе знатных людей Блакии, словно какой-нибудь могущественный человек, который располагает немалой властью; и потом он начал обещать и раздавать то одному, то другому титулы и столько понаобещал и понараздавал, что все люди страны сделались его подданными, а он стал их сеньором. Когда он стал их сеньором, то отправился к куманам²⁷¹ и устроил так, что, входя в доверие то к одному, то к другому, сделался их другом, и все они были как бы у него в услужении и он будто бы впрямь стал их сеньором. Ну а Кумания — это земля, которая граничит с Блакией, и я вам сейчас скажу, что за народ эти куманы. Это дикий народ, который не пашет и не сеет, у которого нет ни хижин, ни домов, а имеют они только войлочные палатки, где они рождаются, а живут они молоком, сыром и мясом. Летом же там столько мух и всякой мошкары, что они не отваживаются выходить из своих палаток чуть ли не до самой зимы. А зимой, когда собираются отправиться в набег, то выходят из своих палаток и удаляются из своей страны. И мы сейчас скажем, что они делают. У каждого из них есть десяток или дюжина лошадей; и они так хорошо их приучили, что те следуют за ними повсюду, куда бы их ни повели, и время от времени они пересаживаются то на одну, то на другую лошадь. И у каждого коня, когда они вот так кочуют, имеется мешочек, подвешенный к морде, в котором хранится корм; и так-то лошадь кормится, следуя за своим хозяином, и они не перестают двигаться ни днем ни ночью. И передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и за один день покрывают путь в шесть, или семь, или восемь дней перехода. И пока они так передвигаются, то никогда никого не преследуют и ничего не захватывают, пока не повернут в обратный путь; когда же они возвращаются обратно, вот тогда-то и захватывают добычу, угоняют людей в плен и вообще берут все, что могут добыть. А из одежды и оружия у них имеются только куртки из бараньих шкур; да еще они носят с собой луки и стрелы; и они не почитают ничего, кроме первого попавшегося им утром навстречу животного, и тот, кто его встретил, тот ему и поклоняется целый день, какое бы животное это ни было. Этих

куманов Иоанн ли Блаки имел у себя на службе, и каждый год они совершали набеги на землю императора, доходя до самого Константинополя, а император не имел достаточно сил, чтобы отбиваться от них.

Когда бароны войска узнали, чего посылал просить у них Иоанн ли Блаки, они сказали, что посоветуются об этом между собой; и когда они посоветовались, то пришли к худому решению, ибо они ответили, что им нет дела ни до него, ни до его помощи, но что пусть он знает, что они доставят ему хлопот и причинят ему зло, коли смогут; и он заставил их потом весьма дорого заплатить за это. И это действительно было великим позором и великим несчастьем²⁷². И когда у него ничего не вышло с ними, он послал тогда в Рим просить, чтобы его короновали, и апостолник послал кардинала, чтобы его короновать, и таким-то образом он был коронован как король²⁷³.

LXVI

А теперь мы расскажем вам о другом происшествии, которое случилось с монсеньором Анри, братом графа Фландрского. В то время как французы осаждали Константинополь, монсеньор Анри и люди его отряда не были при большом достатке; напротив, они довольно-таки нуждались и в продовольствии и во всех прочих вещах; и вот они прослышали о некоем городе названием Филея, который был в 10 лье от лагеря. Этот город был очень богат и полон всякого добра. Тогда монсеньор Анри взял да и собрался в поход и ночью выехал из лагеря с тремя десятками рыцарей и многими конными оруженосцами, так что об этом совсем никто не знал²⁷⁴. Когда он приехал в город, то сделал свое дело²⁷⁵ и остался там на один день; а между тем, пока он находился там, он был выслежен и о нем донесли Морчофлю. Когда Морчофль проведал об этом, он повелел 4 тыс. вооруженных ратников оседлать коней и распорядился взять с собой икону²⁷⁶, как называли греки изображение божьей матери. Императоры имели обыкновение брать ее с собою, когда шли на бой; и они питали такую великую веру в эту икону, что были уверены, будто ни один человек, который берет ее с собой в бой, не может потерпеть поражение; а поелику Морчофль не имел права нести ее, то мы верили, что именно потому он и потерпел поражение. И вот французы уже отослали свою добычу в лагерь; тогда Морчофль подстерег их возвращение, и когда он приблизился к нашим людям примерно на одно лье, то он поставил своих людей подстеречь наших и устроил засаду. Наши же люди вовсе не знали об этом; они возвращались быстрым аллюром и ничего не знали об этой ловушке. Когда греки их увидели, они принялись кричать, и наши французы огляделись. Когда они их заметили, то были сильно ошеломлены и начали всюю взывать к господу богу и пречистой деве и были в таком смятении, что не знали, что делать, и одни

говорили другим: «Признаться, если мы побежим, то все мы погибли, лучше уж нам пасть, защищаясь, чем умереть, пустившись в бегство». И тогда они совершенно спокойно остановились и взяли восемь арбалетчиков, которые, у них были, поставили их в линию перед собой; а император Морчофль, предатель, и греки помчались на них галопом, и потом сильным натиском напали на них, однако ни один француз благодарением божьим не коснулся ногой земли²⁷⁷. Когда французы увидели, что греки на них нападают со всех сторон, они пустили в ход копья, а потом схватились за ножи и мизеркорды²⁷⁸, которые были при них, и начали защищаться с такой силой, что многих убили. Когда греки увидели, что французы одерживают верх, они пришли в смятение, а потом обратились в бегство. Французы преследовали их, многих убили, а многих взяли в плен и захватили много добычи; и они преследовали императора Морчофля с добрых пол-лье, ибо думали, что захватят его; и он и его воины так торопились, что бросили и икону, и его императорскую шапку, и знаки императорского достоинства, и икону, которая вся была из золота, и вся выложена богатыми драгоценными камнями, и была она столь прекрасна и столь богата, какой никогда не видывали, такой красивой и такой богатой. Когда французы ее увидели, они прекратили свою погоню и радостно возликовали, взяли образ и унесли его с превеликой радостью и торжеством в свой лагерь. А пока они сражались, в лагерь пришли вести, что они дерутся с греками; и когда те, кто были в лагере, слышали эти вести, они тотчас схватились за оружие и, пришпорив коней, помчались навстречу сеньору Анри, чтобы ему помочь. Однако когда они туда прискакали, то греки уже убежали, и наши французы увезли свою добычу, и они принесли оттуда икону, которая, как я вам сказал, была столь прекрасной и богатой; и когда они подъехали к лагерю, епископы и клирики, которые были в войске, вышли им навстречу процессией, и приняли икону с превеликой радостью и с большим торжеством, и передали ее епископу Труа; а потом епископы унесли ее в лагерь в церковь, которой они пользовались²⁷⁹, и епископы пели службу, и устроили по этому случаю превеликое празднество; и в тот самый день, когда она была завоевана, все бароны договорились отдать ее в Сито, и позднее она действительно была туда доставлена²⁸⁰. Когда Морчофль вернулся в Константинополь, то заставил поверить, будто он разбил мессира Анри и его ратников, однако иные греки с невинным видом спрашивали: «Но где же икона и инсигнии?»²⁸¹. А другие отвечали, что все-де укрыто в безопасном месте. Вести эти разнеслись повсюду, пока французы не узнали, что Морчофль сумел внушить, будто он нанес поражение французам; и тогда французы взяли и снарядили галеру, забрали с собой икону, и подняли высоко на галере и ее и императорские инсигнии, и провели галеру с иконой и со всеми инсигниями вдоль стен от одного края

до другого, так что те, кто были на стенах, и многие жители города увидели все это и узнали наверняка, что это были инсигнии и икона императора.

LXVII

Когда греки это увидели, они пришли к Морчофлю и начали его стыдить и хулить его за то, что он потерял инсигнии империи и икону, за то, что уверял их, будто разгромил французов; и когда Морчофль это услышал, он защищался, как только мог, и он стал говорить: «Ну, теперь-то уж нечего падать духом, ибо я заставляю их дорого заплатить за это, и я им кренко отомщу!».

LXVIII

Потом случилось так, что все французы и все венецианцы собрались, чтобы держать между собой совет насчет того, как им действовать, и что предпринять, и кого бы они могли поставить императором, если захватят город; наконец, они порешили, что возьмут 10 французов из числа самых достойных в войске и 10 венецианцев тоже из числа самых достойных, каких только знают; и что решат эти 20, то и будет сделано, причем если императором будет избран кто-либо из французов, то патриархом изберут кого-нибудь из венецианцев. И было решено, что тот, кто станет императором, получит в свое личное владение четвертую часть империи и четвертую часть города, а остальные три четверти поделят таким образом, что половину получают венецианцы, а другую — пилигримы и все будут держать свои земли от императора²⁸². Когда они все это решили, то заставили всех ратников войска поклясться на святых мощах, что всю добычу в золоте ли, в серебре ли или в новых тканях стоимостью в пять су и больше они снесут в лагерь для справедливого дележа, кроме утвари и продовольствия, и что не учинят насилия ни одной женщине и не будут срывать с нее платье, в которое она одета, а тот, кого застанут совершающим насилие, будет предан смерти. И их заставили также поклясться на святых мощах, что они не поднимут руку ни на монаха, ни на монашенку, ни на священника, разве только вынуждены будут к самозащите, и что они не разрушат ни церкви, ни монастыря²⁸³.

LXIX

Потом, когда все это было обговорено, а тогда уже прошло рождество и дело близилось к великому посту²⁸⁴, и венецианцы и французы снова начали готовиться и снаряжать свои корабли, причем венецианцы соорудили новые мостки на своих нефах, а французы сделали осадные орудия, которые называли «кошками», «повозками» и «свиньями», чтобы подкапывать и разрушать стены²⁸⁵; и венецианцы взяли доски, из которых строят дома, и, плотно их пригнав, покрыли настилом свои корабли,

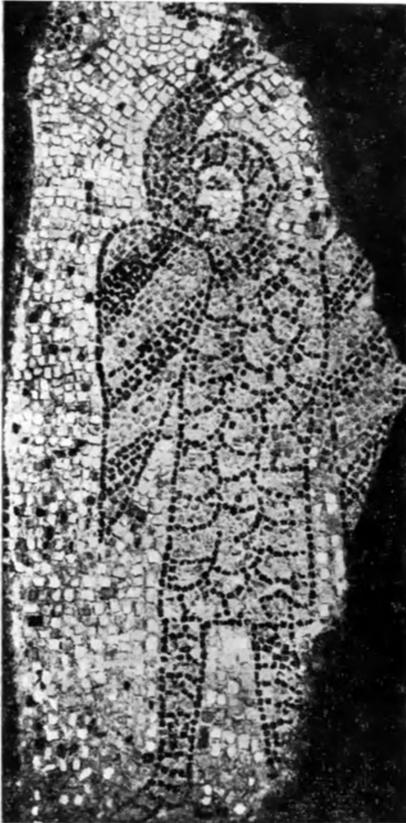
а потом взяли виноградные лозы и прикрыли ими доски с тем, чтобы камнеметы не могли повредить кораблям и разнести их в щепы. И греки сильно укрепили свой город изнутри, а деревянные башни, которые были над каменными башнями, они еще прикрыли снаружи добрыми кожами, и не было такой деревянной башни, которая была бы ниже, чем в семь, или в шесть, или по меньшей мере в пять ярусов.

LXX

А потом, дело было в пятницу, примерно за 10 дней до вербного воскресенья²⁸⁶, когда пилигримы и венецианцы закончили снаряжать свои корабли и изготовлять свои осадные орудия и приготовились идти на приступ. И тогда они построили свои корабли борт к борту, и французы перегрузили свои боевые орудия на баржи и на галеры, и они двинулись по направлению к городу, и флот растянулся по фронту едва ли не на целое лье; и все пилигримы и венецианцы были превосходно вооружены. А в самом городе был холм, в той местности, со стороны которой должны были идти на приступ, так что с этого холма можно было отлично видеть поверх стен корабли, столь он был высок; Морчофль, предатель, император и вместе с ним кое-кто из его людей пришли на этот холм; а потом он повелел раскинуть свою алую палатку и трубить в серебряные трубы и бить в барабаны и устроил оглушительный шум, причем пилигримы могли все это ясно видеть, а Морчофль мог хорошо видеть корабли пилигримов²⁸⁷.

LXXI

Когда корабли должны были вот-вот причалить, венецианцы взяли тогда хорошие канаты и подтянули свои корабли как можно ближе к стенам; а потом французы поставили свои орудия, свои «кошки», свои «повозки» и своих «черепаш» для осады стен; и венецианцы взобрались на перекидные мостки своих кораблей и яростно пошли на приступ стен; в то же время двинулись на приступ и французы, пустив в ход свои орудия. Когда греки увидели, что французы идут на приступ, они принялись сбрасывать на осадные орудия французов такие огромные каменные глыбы, что и не скажешь; и они начали раздавливать, разносить в куски и превращать в щепы все эти орудия, так что никто не отваживался оставаться ни в них самих, ни под этими орудиями, а с другой стороны венецианцы не могли добраться ни до стен, ни до башен, настолько они были высокими; и в тот день венецианцы и французы ни в чем не смогли достичь успеха — ни завладеть стенами, ни городом. Когда они увидели, что не могут ничего здесь сделать, они были сильно обескуражены и отошли назад; когда греки увидели, что те отступают, они принялись тогда во всю орать и вопить, и они взобрались на стены и стали снимать с себя одежду и показывать им свои голые задницы. Когда Морчофль

*Пеший крестоносец.
Напольная мозаика
церкви Сан Джованни Эвангелиста.
Равенна. 1213 г.*

увидел, что пилигримы отступили, он начал трубить в свои трубы и бить в свои барабаны и производить оглушительный, сверх всякой меры, шум, и он созвал своих людей и стал говорить: «Ну, вот, поглядите, сеньоры, разве я не достойный император? Никогда у вас не было такого достойного императора! Разве я не хорошо это содеял? Отныне нам нечего опасаться; я всех их повешу и предам позору!».

LXXII

Когда пилигримы увидели это, они сильно обозлились и опечалились, а потом вернулись на другой берег гавани к своим жилищам. Когда бароны возвратились и сошли с кораблей, то собрались вместе и в сильном смятении сказали, что это за свои грехи они ничего не смогли ни предпринять против города, ни прорваться вперед²⁸⁸; и тогда епископы и клирики войска обсудили положение и рассудили, что битва является законной и что они вправе произвести добрый приступ,— ведь жители города издревле исповедовали веру, повинуюсь римскому закону, а ныне вышли из по-

виновения ему и даже говорили, что римская вера ничего не стоит, и говорили, что все, кто ее исповедуют,— псы; и епископы сказали, что они поэтому вправе нападать на греков и что это не только не будет никаким грехом, но, напротив, явится великим благочестивым деянием.

LXXIII

И тогда стали скликать по всему лагерю, чтобы утром в воскресенье²⁸⁹ все явились на проповедь: венецианцы и все остальные; так они и сделали. И тогда стали проповедовать в лагере епископы — епископ Суассонский, епископ Труаский, епископ Ханетест, мэтр Жан Фасет и аббат Лоосский²⁹⁰, и они разъясняли

пилигримам, что битва является законной, ибо греки — предатели и убийцы и им чужда верность, ведь они убили своего законного сеньора, и они хуже евреев²⁹¹. И епископы сказали, что именем бога и властью, данной им апостоликом, отпускают грехи всем, кто пойдет на приступ, и епископы повелели пилигримам, чтобы они как следует исповедались и причастились и чтобы они не страшились биться против греков, ибо это враги господа. И был отдан приказ разыскать и изгнать из лагеря женщин легкого поведения и всех их отослать подальше от лагеря; так и поступили: всех их посадили на корабль и увезли весьма далеко от лагеря.

LXXIV

Потом, когда епископы отговорили свои проповеди и разъяснили пилигримам, что битва является законной²⁹², все они как следует исповедались и получили причастие. Когда настало утро понедельника²⁹³, все пилигримы хорошенько снарядились, одели кольчуги, а венецианцы подготовили к приступу перекидные мостики своих нефов, и свои юиссье, и свои галеры; потом они выстроили их борт к борту и двинулись в путь, чтобы произвести приступ²⁹⁴; и флот вытянулся по фронту на доброе лье; когда же они подошли к берегу и приблизились насколько могли к стенам, то бросили якорь. А когда они встали на якорь, то начали яростно атаковать, стрелять из луков, метать камни и забрасывать на башни греческий огонь; но огонь не мог одолеть башни, потому что они были покрыты кожами²⁹⁵. А те, кто находились в башнях, отчаянно защищались и выбрасывали снаряды, по меньшей мере из 60 камнеметов, причем каждый удар попадал в корабли; корабли, однако, были так хорошо защищены дубовым настилом и виноградной лозой, что попадания не причиняли им большого вреда, хотя камни были столь велики, что один человек не мог бы поднять такой камень с земли. Император же Морчюфль был на своем холме, и он приказал трубить в свои серебряные трубы, и бить в свои барабаны, и устроить превеликий шум; и он ободрял своих людей и говорил: «Ступайте туда! Ступайте сюда!», — и он посылал их туда, где видел, что в этом была особенно большая надобность. И во всем флоте имелось не более четырех или пяти нефов, которые могли бы достичь высоты башен — столь были они высоки; и все яруса деревянных башен, которые были надстроены над каменными, а таких ярусов там имелось пять, или шесть, или семь, были заполнены ратниками, которые защищали башни. И пилигримы атаковали так до тех пор, пока неф епископа Суассонского не ударился об одну из этих башен²⁹⁶; его отнесло прямо к ней чудом божьим, ибо море никогда здесь не бывает спокойно²⁹⁷; а на мостике этого нефа были некий венецианец и два вооруженных рыцаря²⁹⁸; как только неф ударился о башню, венецианец сразу же ухватился за нее ногами и руками

и, изловчившись как только смог, проник внутрь башни. Когда он уже был внутри, ратники, которые находились на этом ярусе, — англы, даны²⁹⁹ и греки, увидели его и подскочили к нему с секирами и мечами и всего изрубили в куски. Между тем волны опять отнесли неф, и он опять ударился об эту башню; и в то время, когда корабль снова и снова прибывало к башне, один из двух рыцарей — его имя было Андрэ де Дюрбуаз, поступает не иначе, как ухватывается ногами и руками за эту деревянную башню и ухитряется ползком пробраться в нее. Когда он оказался в ней, те, кто там были, набросились на него с секирами, мечами и стали яростно обрушивать на него удары, но поелику благодарением божьим он был в кольчуге, они его даже не ранили, ибо его берегал господь, который не хотел ни чтобы его избивали и дальше, ни чтобы он здесь умер. Напротив, он хотел, чтобы город был взят — в наказание за предательство греков и за убийство, которое совершил Морчофль, и за их вероломство, и чтобы все жители были опозорены; и потому рыцарь поднялся на ноги и, как только поднялся на ноги, выхватил свой меч. Когда те увидели его стоящим на ногах, они были настолько изумлены и охвачены таким страхом, что сбегали на другой ярус, пониже. Когда те, кто там находились, увидели, что воины, которые были над ними, пустились бежать вниз, они оставили этот ярус и не отважились долее оставаться там; и в башню взошел затем другой рыцарь, а потом и еще немало ратников. И когда они очутились в башне, они взяли крепкие веревки и прочно привязали неф к башне, и, когда они его привязали, взошло множество воинов; а когда волны отбрасывали неф назад, эта башня качалась так сильно, что казалось, будто корабль вот-вот опрокинет ее или — во всяком случае так им мерещилось от страха — что силой оторвет неф от нее. И когда те, кто помещались на других, более низких ярусах, увидели, что башня уже полна французов, то их обуял такой великий страх, что никто не осмелился долее оставаться там, и они все покинули башню. А Морчофль все это хорошо видел, и он подбадривал своих ратников и направлял их туда, где, как он видел, приступ ведется сильнее всего. А между тем, как только эта башня была взята столь чудесным образом, о другую башню ударился неф сеньора Пьера де Брешэля; и когда он ударился об нее снова, те, кто были на мостике нефа, храбро атаковали эту башню, да так успешно, что чудом божьим и эта башня тоже была взята.

LXXV

Когда эти две башни были взяты и захвачены нашими людьми, то они не отваживались двигаться дальше, ибо увидели на стене вокруг себя, и в других башнях, и внизу у стен множество ратников — и это было подлинное чудо, сколько их там было. Когда мессир Пьер Амьенский увидел, что те, кто были в башнях,

не трогаются с места, и когда увидел, в каком положении находятся греки, он поступил не иначе, как сошел со своими воинами на сушу, заняв клочок твердой земли, что был между морем и стеной. Когда они сошли, то поглядели вперед и увидели замаскированный вход: створки прежних ворот были вырваны, а сам вход снова замурован; тогда Пьер Амьенский подступил туда, имея при себе всего с десяток рыцарей и всего около 60 оруженосцев. Там был также клирик по имени Альом де Клари, который выказывал великую отвагу всегда, когда в том являлась нужда; он был первым во всех стычках, где участвовал; а при взятии Галатской башни этот клирик, то и дело рискуя собственной жизнью, совершил подвигов больше, чем кто-либо иной, кроме сеньора Пьера де Брешэля. А уж этот превзошел всех других — и знатных, и низкородных, и не было там никого, кто совершил бы столько ратных подвигов и выказал бы столько доблести, рискуя собственной жизнью, как это сделал Пьер де Брешэль. Когда они подступили к этому замаскированному входу, то стали наносить сильные удары копьями, а с высоты стен глыбы падали на них так часто и столько их бросали оттуда, что казалось, они вот-вот будут погребены под камнями; а те, кто находились наверху, имели щиты и таржи³⁰⁰, которыми они прикрывали тех, кто пробивали замаскированный вход. И со стен на них бросали котелки с кипящей смолой, и греческий огонь, и громадные камни, так что это было чудом божьим, что всех их не раздавило; и мессир Пьер и его воины не щадили там своих сил, предпринимая эти ратные труды и старания, и они продолжали так крушить этот замаскированный вход секирами и добрыми мечами, дрекольем, железными ломками и копьями, что сделали там большой пролом. И когда вход был пробит, они заглянули и увидели столько людей — и знатных, и низкородных, что казалось; там было полмира; и они не отваживались туда войти.

LXXVI

Когда Альом, клирик, увидел, что никто не осмеливается туда войти, он вышел вперед и сказал, что войдет туда. Ну а там был некий рыцарь, его брат по имени Робер де Клари³⁰¹, который запретил ему это делать и который сказал, что он не сумеет туда войти, а клирик сказал, что сделает это; и вот он пополз туда, цепляясь ногами и руками; и когда его брат увидел это, то схватил его за ногу и начал тянуть к себе, но клирику все же удалось туда войти наперекор своему брату. Когда он уже был внутри, то греки, а их там было превеликое множество, ринулись к нему, а те, кто стояли на стенах встречали его, сбрасывая огромные камни. Когда клирик увидел это, он выхватил свой нож, кинулся на них и заставил обратиться в бегство, гоня перед собой как скот. И тогда он крикнул тем, кто был снаружи, — сеньору Пьеррону³⁰² и его людям: «Сеньоры, идите сме-

ло! Я вижу, что они отступают в полном расстройстве и бегут». Когда мессир Пьер и его люди, которые были снаружи, услышали это, они вступили в пролом, а их было не более десятка рыцарей, но с ними было еще около 60 оруженосцев и все были пешими. И когда они проникли внутрь и те, которые были на стенах или вблизи этого места, увидели их, они были охвачены таким страхом, что не отважились оставаться в этом месте и покинули большую часть стены, а потом побежали кто куда. А император Морчофль, предатель, стоял очень близко оттуда, на расстоянии не более того, чем пролетел бы кинутый камень, и он велел трубить в свои серебряные трубы и бить в барабаны и устроил весьма сильный шум.

LXXVII

Когда он увидел монсьеора Пьеррона и его людей, увидел, что они, будучи пешими, уже проникли в город, то прищпорил своего коня и притворился, что мчится на них, но проскакал-то с полпути, устроив лишь видимость столь великого зрелища. Когда мессир Пьер увидел, что он приближается, то начал ободрять своих людей, говоря: «Ну, сеньоры, теперь вам настает время действовать храбро! Сейчас у нас будет бой; сюда приближается император. Смотрите, чтобы никто не посмел отступить, а помышляйте только о том, чтобы выказать отвагу!»

LXXVIII

Когда Морчофль, предатель, увидел, что они совсем не собираются бежать, он остановился, а потом возвратился к своим палаткам. Когда мессир Пьер увидел, что император повернул назад, он выслал отряд своих оруженосцев к воротам, которые были поблизости, и приказал разнести их в куски и открыть. И они пошли и вот они начали наносить удары по этим воротам секирами и мечами до тех пор, пока не разбили большие железные задвижки и засовы, которые были очень прочными, и не отперли ворота. И когда ворота были отперты, а те, кто находились по сю сторону, увидели это, они подогнали свои юиссье, вывели из них коней, а потом вскочили на них и через эти ворота с ходу въехали в город³⁰³. И когда все французы уже были внутри, все на конях, и когда император Морчофль, предатель, увидел их, его охватила такой страх, что он оставил там свои палатки и свои сокровища и пустился наутек в город, который был очень велик и в длину и в ширину — там говорили, что обойти стены города — это все равно, что пройти добрых девять лье; а длина стен, которые опоясывали город, столь велика, что внутри он имеет два французских лье в длину и два — в ширину; и тогда сеньор Пьер де Брешэль завладел палатками Морчофля, и его сундуками, и его сокровищами, которые он там оставил³⁰⁴. Когда те, кто защищали башни и стены, увидели, что французы вошли в город и что

их император бежал, они не отважились остаться там, а побежали кто куда; вот таким-то образом город был взят. Когда город был таким образом взят и французы вошли в него, они вели там себя совершенно мирно и спокойно. Потом знатные бароны собрались и держали совет между собой, что им делать дальше; наконец, по войску прокричали, чтобы никто не вздумал продвигаться в глубь города, потому что это опасно — как бы в них не стали бросать камни со дворцов, которые были очень велики и высоки, и как бы их не стали убивать на улицах, которые были столь узки, что они не смогли бы там как следует защищаться, или как бы их не отрезали огнем и не спалили бы. И из-за угрозы всех этих бед и опасностей они не отважились углубиться в город и разбрестись по нему, а преспокойно оставались прямо там, где были; и бароны договорились на этом совете о том, что, если греки, у которых было еще в сто раз больше людей, способных носить оружие, чем у французов, захотят сражаться на следующий день, тогда пусть поутру на следующий день крестоносцы вооружатся, выстроят свои боевые отряды и пусть ожидают греков на площади, которая была перед ними в городе; а если греки не захотят ни сражаться, ни сдать город, то надо будет узнать, с какой стороны дует ветер, и подкинуть огонь с наветренной стороны, и поджечь греков; тогда-то уже они одолеют их силою³⁰⁵. С этим советом согласились все бароны. Когда наступил вечер, пилигримы скинули кольчуги, и дали себе отдых, и подкрепились, и улеглись на ночь спать там, где были, напротив своих кораблей, с внутренней стороны стен.

LXXIX

Когда дело подошло к полуночи, и император Морчофль, предатель, проведал, что все французы в городе, его охватил весьма сильный страх и он не рискнул там оставаться долее; и вот в полночь он бежал из города так, что никто ничего об этом не знал³⁰⁶. Когда греки увидели, что их император убежал, они разыскали в городе некоего знатного мужа по имени Ласкер³⁰⁷ и прямо этой же ночью спешно поставили его императором. Когда он был поставлен императором, то не отважился там остаться, а еще до восхода сел на галеру, переплыл рукав Св. Георгия и уехал в Никею Великую, а это богатый город; там он остановился и потом стал в нем сеньором и императором.

LXXX

Когда настало утро следующего дня³⁰⁸, священники и клирики³⁰⁹ в полном облачении явились процессией в лагерь французов и туда пришли также англы, даны и люди других наций и громкими голосами просили их о милосердии, рассказали им обо всем, что содеяли греки, а потом сказали им, что все греки бежали³¹⁰ и в городе никого не осталось, кроме бедного люда.

Когда французы это услышали, они очень обрадовались; а потом по лагерю объявили, чтобы никто не брал себе жилища, прежде чем не установят, как их будут брать. И тогда собрались знатные люди, могущественные люди и держали совет между собою, так что ни меньшей люд, ни бедные рыцари вовсе ничего об этом не знали, и порешили, что они возьмут себе лучшие дома города³¹¹, и именно с тех пор они начали предавать меньшей люд, и выказывать свое вероломство, и быть дурными сотоварищами, за что и заплатили потом очень дорого, как мы вам расскажем дальше³¹². И потом они послали захватить все самые лучшие и самые богатые дома в городе, так что они заняли все их, прежде чем бедные рыцари и меньшей люд успели узнать об этом. А когда бедные люди узнали об этом, то двинулись кто куда и взяли то, что смогли взять; и они нашли много жилищ и много заняли их, а много еще и осталось, ибо город был очень велик и весьма многолюден. А маркиз велел взять себе дворец Львиную Пасть³¹³, и монастырь св. Софии³¹⁴, и дома патриарха; и другие знатные люди, такие, как графы, повелели взять себе самые богатые дворцы и самые богатые аббатства, какие только там можно было сыскать³¹⁵; и после того как город был взят, они не причинили зла ни беднякам, ни богачам³¹⁶. Напротив, те, кто хотели уйти из города, ушли, а кто хотели остаться, остались; а ушли из города самые богатые жители.

LXXXI

А потом приказали, чтобы все захваченное добро было снесено в некое аббатство, которое было в городе. Туда и было снесено все добро, и они выбрали 10 знатных рыцарей из пилигримов, и 10 венецианцев, которых считали честными, и поставили их охранять это добро. Когда добро было туда принесено, а оно было очень богатым, и столько там было богатой утвари из золота и из серебра, и столько златотканых материй, и столько богатых сокровищ, что это было настоящим чудом, все это громадное добро, которое туда было снесено; и никогда с самого сотворения мира не было видано и завоевано столь громадное количество добра, столь благородного³¹⁷ или столь богатого — ни во времена Александра, ни во времена Карла Великого, ни до, ни после; сам же я думаю, что и в 40 самых богатых городах мира едва ли нашлось бы столько добра, сколько было найдено в Константинополе. Да и греки говорят, что две трети земных богатств собраны в Константинополе, а треть разбросана по свету³¹⁸. И те самые люди, которые должны были охранять добро, растаскивали драгоценности из золота и все, что хотели, и так разворовывали добро; и каждый из могущественных людей брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил. Таким-то вот образом начали они расхищать добро, так что ничто не было разделено к

общему благу войска или ко благу бедных рыцарей или оруженосцев, которые помогли завоевать это добро, кроме разве крупного серебра вроде серебряных тазов, которыми знатные горожанки пользовались в своих банях. Остальное же добро, которое оставалось для дележа, было расхищено таким вот худым путем, как я уже вам об этом сказал, но венецианцы так или иначе получили свою половину; а драгоценные камни и великие сокровища, которые оставались, чтобы их разделить, все это ушло бесчестными путями, как мы вам потом еще расскажем.

LXXXII

Когда город был взят и пилигримы разместились, как я вам об этом рассказал, и когда были взяты дворцы, то во дворцах они нашли несметные богатства. И дворец Львиная Пасть был так богат и построен так, как я вам сейчас расскажу. Внутри этого дворца, который взял себе маркиз, имелось с пять сотен покоев, которые все примыкали друг к другу и были все выложены золотой мозаикой³¹⁹; в нем имелось с добрых 30 церквей, как больших, так и малых; и была там в нем одна, которую называли Святой церковью³²⁰ и которая была столь богатой и благородной, что не было там ни одной дверной петли, ни одной задвижки, словом, никакой части, которые обычно делаются из железа и которые не были бы целиком из серебра, и там не было ни одного столпа, который не был бы либо из яшмы, либо из порфира, либо из других богатых драгоценных камней³²¹. А настил часовни был из белого мрамора, такого гладкого и прозрачного, что казалось, будто он из хрусталя; и была эта церковь столь богатой и столь благородной, что невозможно было бы вам и поведать о великой красоте и великолепии этой церкви. Внутри этой церкви нашли много богатых святынь; там нашли два куска креста господня³²² толщиной с человеческую ногу, а длиной около полутуазы, и потом там нашли железный наконечник от копья, которым прободен был наш господь в бок³²³, и два гвоздя, которыми были прибиты его руки и ноги; а потом в одном хрустальном сосуде нашли большую часть пролитой им крови; и там нашли также тунику, в которую он был одет и которую с него сняли, когда его вели на гору Голгофу³²⁴; и потом там нашли благословенный венец³²⁵, которым он был коронован и который имел такие острые колючки из морского тростника, как кончик железного шила. А потом нашли там часть одеяния пресвятой девы, и голову монсеньора св. Иоанна Крестителя, и столько других богатых реликвий, что я просто не смог бы вам их перечислить или поведать вам все по истине.

LXXXIII

Были и другие святыни в этой церкви, о которых мы забыли вам сказать, потому что там были два богатых сосуда из золо-

Храм св. Софии в Константинополе

та, которые висели посреди церкви на двух толстых серебряных цепях; в одном из этих сосудов была черепица, а в другом — кусок полотна, и мы вам сейчас расскажем, откуда взялись там эти святыни. Был когда-то в Константинополе некий святой человек; и случилось так, что этот святой человек из любви к богу покрывал черепицей дом некоей женщины, вдовы. И когда он покрывал его черепицей, ему явился наш господь и заговорил с ним; а этот добрый человек был опоясан в чреслах куском полотна. «Ну-ка, — сказал наш господь, — дай это полотно», — и добрый человек дал его, и наш господь обернул им свое лицо, так что его черты запечатлелись на полотне, и потом отдал обратно; а потом он ему сказал унести полотно и прикладывать к больным и сказал, что всякий, кто возымеет веру, исцелится от своей болезни. И добрый человек взял полотно и унес; но перед тем, как унести после того как господь вернул ему полотно, добрый человек взял его и спрятал до вечера под черепицу. Вечером, когда он уходил, он взял полотно; а когда он поднял черепицу, то увидел на черепице образ, запечатленный так же, как на полотне, и тогда он унес черепицу и полотно, и после этого немало больных исцелились ими, и эти реликвии висели посреди церкви так, как я вам сказал ³²⁶.

Ну, а еще была в этой Святой церкви некая другая реликвия: там находился образ св. Димитрия, который был нарисован на доске ³²⁷. С этого изображения стекало масло, да так, что его едва успевали выгирать, как оно начинало снова течь. (И в городе был другой дворец, который называли Влахернским). А потом

там имелось с добрых 20 церквушек ³²⁸, и потом там было с добрых две или три сотни покоев, которые все примыкали один к другому и все были выложены золотой мозаикой. И был этот дворец столь богат и столь благороден, что невозможно было бы вам ни описать великолепии и великое богатство этого дворца, ни рассказать о них. В этом Влахернском дворце нашли поистине превеликие и весьма богатые сокровища, там нашли богатые короны, которые принадлежали прежним императорам, и всяческую утварь из золота, и богатые златотканые шелковые материи, и богатые императорские одеяния, и богатые драгоценные камни, и столько других богатств, что было бы невозможно перечислить великие сокровища золота и серебра, которые нашли во дворце и во многих других местах в городе.

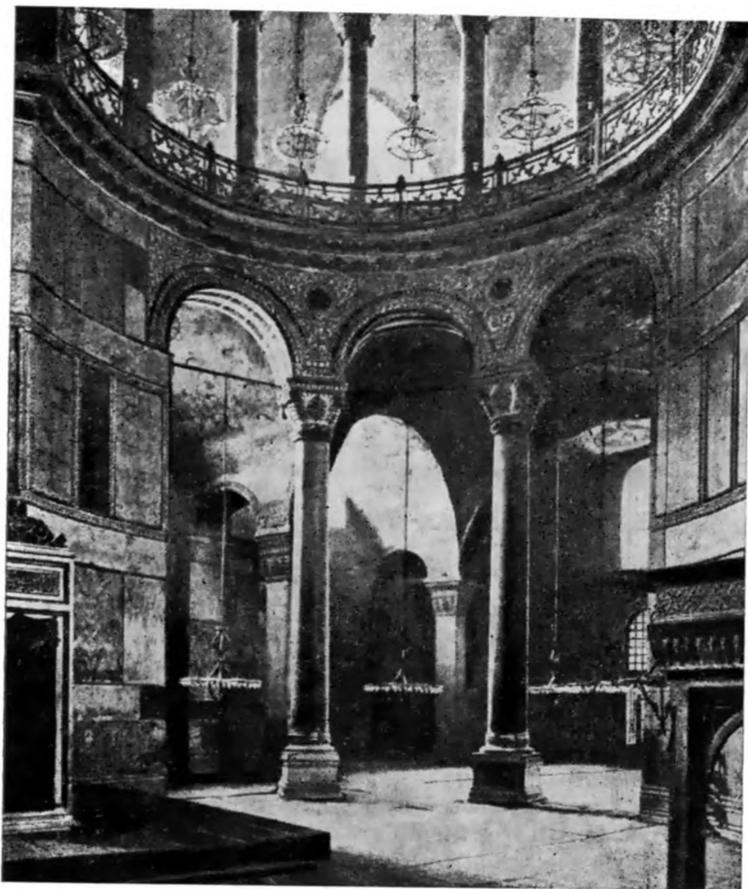
LXXXIV

А потом пилигримы разглядывали громадность города, и дворцы, и богатые аббатства, и богатые монастыри, и великие чудеса, которые были в городе; и они долго дивились этому и особенно сильно дивились монастырю св. Софии и богатству, которое там было.

LXXXV

А теперь я вам поведаю о монастыре св. Софии, как он был сделан; Святая София по-гречески — это все равно что по-французски Святая Троица ³²⁹. Монастырь св. Софии был совершенно круглым. Внутри монастыря были своды, которые тянулись вокруг и поддерживались толстыми и великолепными столпами ³³⁰, так что там не было ни одного столпа, который не был бы либо из яшмы, либо из порфира, либо из богатых драгоценных камней. И потом не было ни одного столпа, который не приносил бы исцеления: тот исцелял от боли в поясице, когда об него терлись, тот исцелял от боли в боку, а другие помогали от других болезней ³³¹; и не было в этом монастыре ни врат, ни засовов, ни задвижек, ни какой части, которые обычно являются железными и которые не были бы целиком из серебра.

Главный престол монастыря был столь богат, что нельзя было бы его и оценить, потому что доска, которая была на престоле, была из золота и драгоценных камней, расколотых и сплавленных вместе; так приказал сделать один богатый император; а доска эта была длиною в 14 стоп; вокруг престола были серебряные столпы, которые поддерживали терем над престолом ³³², сделанный как колокольня и весь из литого серебра; и был он таким богатым, что нельзя и подсчитать, сколько он стоил. Место, где читали евангелие ³³³, было столь богато и столь прекрасно, что мы не смогли бы и описать вам, как оно было сделано. Потом по всему монастырю сверху донизу спускалась добрая сотня люстр и не было ни одной, которая не висела бы на толстой серебряной цепи толщиной в человеческую руку; и в каждой было 25 или

Храм св. Софии. Внутренний вид

более лампад, и не было ни одной, которая не стоила бы добрых 200 марок серебра ³³⁴.

У кольца великих врат ³³⁵ монастыря, которые все были из серебра, висела трубка ³³⁶, сделанная из какого-то неизвестного сплава; а величиной она была с рожок, в который трубят пастухи. И я вам сейчас скажу, что за силу имела эта трубка. Когда больной человек, у которого был внутри тела какой-либо недуг вроде пучения живота, вставлял в рот эту трубку, то едва лишь он ее, бывало, вставит, как трубка эта присасывалась к нему и высасывала из него всю эту немочь, так что вся она вытекала вон через глотку, и потом трубка эта держала его так крепко, что заставляла его изнемогать от натуги, закатывать глаза, и он не мог уйти до тех пор, пока трубка не высасывала из него всю

немочь; а кто был больше болен, того трубка и держала дольше; если же ее брал в рот человек, который не был болен, то трубка и не держала его ни мало ни много³³⁷.

LXXXVI

Засим перед этим монастырем св. Софии был толстый столп, толщиной в три обхвата и с добрых 50 туаз в высоту; и сделан он был из мрамора, а потом поверх мрамора покрыт медью, и он был опоясан крепкими железными обручами³³⁸. Наверху, на конце этого столпа, лежала плоская каменная глыба, которая имела добрых 50 стоп в длину и столько же в ширину. На этом камне на большом медном коне восседал император, отлитый из меди, который протягивал свою руку к языческим странам³³⁹, и на статуе были начертаны письмена, которые гласили, что он клянется, что никогда сарацины не получают у него мира, а в другой руке он держал золотой шар и на шаре был крест. И греки говорили, что это был император Иракий³⁴⁰, а на крупе коня и на его голове и вокруг нее было 10 гнезд, где каждый год гнездились цапли.

LXXXVII

Потом, в другом месте города, был другой монастырь, который назывался монастырем Семи Апостолов³⁴¹. Сказывали, что он был еще более богат и более красив, чем монастырь св. Софии, и в нем было столько богатств и всяческой красоты, что невозможно и поведать вам о богатстве и великолепии этого монастыря. И в этом монастыре были захоронены тела семи апостолов³⁴², а потом там нашли мраморный столп, к которому был привязан наш господь³⁴³ перед тем, как его повели на распятие; а еще сказывали, что здесь были похоронены император Константин и Елена³⁴⁴ и немало других императоров.

LXXXVIII

В другом месте города имелись ворота³⁴⁵, которые назывались Золотой покров. На этих воротах был шар из золота, который был сделан с таким волшебством, что, как говорили греки, с тех пор как там был этот шар, никогда ни один удар грома не попал в город; на шаре этом была отлитая из меди статуя, с накинутой на ней мантией из золота, которую статуя держала на своих руках; и на статуе были начертаны письмена, гласившие, что «все те,— так гласили письмена на статуе,— кто живут в Константинополе один год, смогут иметь золотые одеяния, как у меня».

LXXXIX

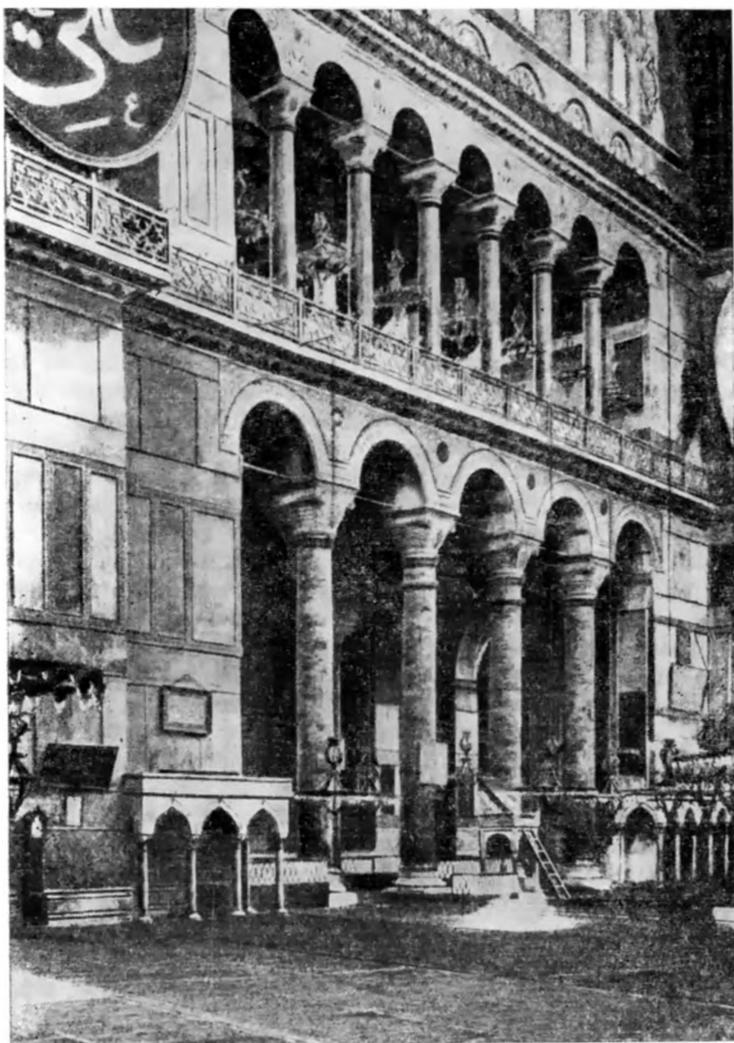
В другой части города были другие ворота, которые называют Златыми вратами³⁴⁶. На этих воротах были два слона, отлитых из меди, столь огромных, что это было настоящее чудо. Эти ворота никогда не открывались, за исключением только тех случаев, когда император возвращался с войны и когда он завоевывал какую-нибудь землю. И когда он возвращался с войны, завоевав какую-нибудь землю, то духовенство города выходило процессией навстречу императору, а потом отворяли эти ворота и привозили ему колесницу из золота, которая была сделана как повозка на четырех колесах; так что ее и называли колесницей; посредине этой колесницы было высокое сидение, а на этом сидении был трон, вокруг же трона были четыре столпа, которые поддерживали полог, который бросал тень на трон, и казалось, что он весь был сделан из золота. Тогда император, увенчанный короной, садился на этот трон и въезжал через эти ворота, а потом его провозили на этой колеснице с великой радостью и великим торжеством до самого его дворца.

XC

А в другом месте города было другое чудо: близ дворца Львиная Пасть находилась площадь, которую называли Игралищем императора³⁴⁷. И эта площадь была вытянута в длину на полтора выстрела из арбалета, а в ширину — почти на один выстрел; и вокруг этой площади было 30 или 40 ступеней, куда греки забирались, чтобы глядеть на ристалище; а над этими ступенями имелась весьма просторная и весьма красивая ложа, где, когда шли состязания, восседали император с императрицей и другие знатные мужи и дамы³⁴⁸. И когда устраивались состязания, то их бывало сразу два³⁴⁹, и император и императрица бились об заклад, кто в каком из двух выиграет, и все, кто глядел на ристалище, также бились об заклад. Вдоль этой площади была стена, которая имела с добрых 15 стоп в высоту и 10 — в ширину; и сверху на этой стене были фигуры и мужчин, и женщин, и коней, и быков, и верблюдов, и медведей, и львов, и множества других животных, отлитых из меди. И все они были так хорошо сделаны и так натурально изваяны, что ни в языческих странах, ни в христианском мире не сыскать столь искусного мастера, который смог бы так представить и так хорошо отлить фигуры, как были отлиты эти³⁵⁰. Некогда они обычно двигались силою волшебства, как бы играючи, но теперь уже больше они не играют³⁵¹; и французы глядели на это императорское Игралище как на чудо, когда они его видели.

XCI

В городе было еще и другое чудо. Там были две женские фигуры, отлитые из меди и сделанные так искусно, и натурально, и прекрасно, что и сказать нельзя; притом каждая из двух

Храм св. Софии. Сводчатая галерея

имела в высоту не менее чем добрых 20 стоп. Одна из этих фигур указывала рукой на Запад, и на ней были начертаны письменна, которые гласили: «С Запада придут те, которые завоюют Константинополь»; а другая фигура указывала рукой на свалку, и надпись гласила: «Туда,— гласила надпись на фигуре,— их выкинут»³⁵². Эти две фигуры обращены были лицом к рынку, где меняли деньги, который обыкновенно был там очень богат; и перед тем, как город был взят, там обычно располагались бога-

тые менялы, перед которыми лежали целые груды безантов³⁵³ и большие груды драгоценных камней; но, с тех пор как город был взят, менял уже было гораздо меньше.

ХСII

А еще в другом месте в городе было величайшее чудо: ибо там были два столпа³⁵⁴, и каждый в толщину, наверно, с три обхвата и в высоту каждый имел с добрых 50 туаз; и на каждом из этих столпов, наверху, в маленьком укрытии пребывал какой-нибудь отшельник; а внутри столпов была лестница, по которой они туда взбирались. Снаружи этих столпов были нарисованы и вещим образом записаны все происшествия и все завоевания, которые случились в Константинополе или которым суждено было случиться в будущем. А ведь никому не дано было знать о происшествии до того, как оно произошло; когда же оно происходило, то народ шел туда из ротозейства, и потом они разглядывали, словно в зеркальце, и подмечали первые признаки происшествия; даже это завоевание, которое произвели французы, было там записано и изображено, и корабли, с которых вели приступ, благодаря чему город и был взят; а греки ведь не могли знать заранее, что это произойдет. И когда это случилось, они отправились поглазеть на столпы и там обнаружили, что письмена, которые были начертаны на нарисованных кораблях, гласили, что с Запада придет народ с коротко остриженными головами, в железных кольчугах, который завоюет Константинополь. Всё эти чудеса, о которых я вам здесь поведал, и еще многие другие, о которых мы уже не можем вам рассказать, все это французы нашли в Константинополе, когда они его завоевали; и я не думаю, чтобы кто-нибудь на земле смог бы перечислить вам все аббатства города, столько их там было, с их монахами и монашенками, не считая других монастырей за пределами города; и потом считалось, что в городе было с добрых 30 тыс. священников, как монахов, так и других³⁵⁵. О прочих же греках, знатных и низкородных, о бедных, о богатых, об огромности города, о его дворцах, о других чудесах, которые там есть, мы отказываемся вам говорить, ибо ни один человек на земле, сколько бы он ни пробыл в городе, не сумел бы вам ни назвать их, ни рассказать о них, ибо если бы кто-нибудь поведал хоть о сотой доле богатств, обо всей красоте и великолепии, имевшихся в монастырях, и в аббатствах, и во дворцах, и в городе, то его сочли бы лжецом и вы бы ему не поверили.

И среди этих прочих чудес был там еще один монастырь, который назывался именем святой девы Марии Влахернской³⁵⁶; в этом монастыре был саван, которым был обернут наш господь; этот саван приоткрывали каждую пятницу, так что можно было хорошо видеть лик нашего господя, и никто — ни грек, ни француз — никогда не узнал, что случилось с этим саваном, когда город

был взят³⁵⁷. И было там другое аббатство³⁵⁸, где был погребен добрый император Мануил, и никогда не было кого-либо родившегося на этой земле, будь то даже святой или святая, чье тело было бы помещено в столь богатую и знатную гробницу, как у этого императора. И еще в этом аббатстве была мраморная плита, на которую положили нашего господя, когда его сняли с креста, и там еще видны были слезы, которые из-за этого выплакала пресвятая дева³⁵⁹.

XCIII

Потом случилось так, что все графы и все знатные люди собрались однажды во дворце Львиная Пасть, который занимал маркиз, и сказали друг другу, что им надо бы кого-то поставить императором, и из них самих избрать десятерых, а дожу Венеции они сказали, чтобы он выбрал десятерых из своих³⁶⁰. Когда маркиз это услышал, то он хотел предложить своих людей, да таких, которые, думал он, выберут его императором, а он хотел стать императором незамедлительно. Бароны же вовсе не были согласны с тем, что маркиз предложил своих людей, но согласились с тем, чтобы он выдвинул только некоторых из своих в число этих десяти. Когда дож Венеции, муж весьма доблестный и мудрый, увидел это, он обратился ко всем присутствовавшим и сказал: «Сеньоры, теперь выслушайте меня,— сказал дож.— Я предлагаю, чтобы, прежде чем выбрать императора, дворцы были переданы под общую охрану всего войска; если изберут императором меня, я тотчас приму это безо всякого противодействия, и пусть я сразу получу во владение дворцы, и точно так же, если изберут графа Фландрского, пусть дворцы безо всякого промедления перейдут к нему, или если изберут маркиза, или графа Луи, или графа де Сен-Поля, или если изберут какого-нибудь бедного рыцаря, то пусть тот, кто станет императором, получит дворцы без всякого противодействия со стороны либо маркиза, либо графа Фландрского, со стороны либо того, либо другого».

XCIV

Когда маркиз услышал это, он не мог пойти наперекор и освободил дворец, который занимал. И вот все пошли и поставили охрану во дворцах, которые были общим достоянием войска, чтобы она охраняла дворцы. Когда дож Венеции сказал это, то он обратился к баронам, чтобы они выбрали из своих десятков людей, а он в скором времени выберет десятерых из своих; и когда бароны это услышали, то каждый захотел предложить своих людей. Граф Фландрский хотел предложить своих, граф Луи, и граф де Сен-Поль и другие знатные люди также; и таким образом они никак не могли договориться, кого же они предложат или кого изберут. И тогда они отложили на другой день выборы этих десятерых, и когда этот день наступил, то снова никак не могли

договориться, кого они выберут. Маркиз все время хотел предложить тех, кто, как он думал, выберут его самого императором, а он хотел стать императором во что бы то ни стало, хотя бы силою. И этот раздор длился с добрых 15 дней, поскольку они не могли договориться между собой; и не проходило дня, чтобы они не сходились для этого дела, пока, наконец, не согласились в том, чтобы выборщики были из духовенства войска, епископы и аббаты, которые там были³⁶¹. Тогда, после того как они договорились между собой, дож Венеции отправился и выбрал десятых из своих. А как он это сделал, я вам сейчас скажу. Он выкликнул четырех, кого считал в своей земле самыми мудрыми, и потом повелел им поклясться на святых мощах, что они, в свою очередь, выберут десятых по их разумению самых достойных в их земле, каких только сыщут в войске; и они сделали таким образом. Так что когда выкликали одного из них, чтобы он вышел вперед, то он не смел больше ни говорить, ни советоваться с кем-либо; его сразу же направляли в некий монастырь и вслед за ним точно так же других; и вот так-то дож получил своих десятых; и когда все они были вместе в этом монастыре, десять венецианцев и десять епископов, то отпели мессу святого духа, дабы святой дух подал им совет и позволил бы им остановить свой выбор на таком человеке, который хорошо подходил бы и был бы способен быть императором.

ХСV

Когда отпели мессу, выборщики собрались³⁶², и держали совет, и говорили об одних и о других, пока венецианцы, и епископы, и аббаты, и все 20 выборщиков единодушно³⁶³ сошлись на том, чтобы императором стал граф Фландрский, и не было никого среди них, кто был бы против. Когда они вот так договорились между собой и когда их совет должен был разойтись, они поручили епископу Суассонскому сказать слово³⁶⁴. Когда они разошлись, то все ратники войска собрались, чтобы послушать и услышать, кого назовут императором. Когда они собрались таким образом, то все оставались безмолвными и большинство сильно боялись и сильно опасались, как бы не назвали маркиза³⁶⁵, а те, кто держали сторону маркиза, сильно опасались, как бы не назвали кого-нибудь другого, кроме маркиза. И поелику они пребывали в таком молчании, епископ Суассонский поднялся на ноги и потом сказал им: «Сеньоры,— сказал епископ,— с вашего общего согласия мы были посланы совершить это избрание. Мы выбрали такого человека, который, как мы знаем, является по нашему разумению подходящим для этого и которым императорская власть будет хорошо использована и который достаточно могуществен, чтобы поддерживать закон и который благороден и знатен; мы сейчас назовем вам его имя: это Бодуэн, граф Фландрии». Когда слово было услышано, то все французы были сильно обрадованы,

а были и другие, те, кто были этим сильно удручены, те, которые держали сторону маркиза.

XCVI

Когда император был избран, епископы, и все знатные бароны, и французы, которые очень возрадовались этому, взяли его и повели во дворец Львиная Пасть с превеликой радостью и превеликим торжеством. И когда все до единого знатные люди были там, они назначили день, чтобы короновать императора³⁶⁶; и когда наступил этот день, то и епископы, и аббаты, и знатные бароны, и венецианцы, и французы — все до единого оседлали коней и отправились во дворец Львиная Пасть. Потом они понесли императора в монастырь св. Софии, и когда они вошли в монастырь, то отвели его в некое помещение в боковой части монастыря. Потом они сняли там с него верхнее одеяние, а затем его длинные штаны и после того надели на него короткие штаны из малинового шелка, а потом обули в сапожки, все украшенные сверху богатыми камнями, и потом наконец его облачили в очень богатый хитон, который весь, спереди и сзади, от плеч до пояса, был в золотых пуговицах. А потом на него надели паллий³⁶⁷. Это было одеяние, которое, подобно сутане, спереди ниспадало от шеи до сапожек, а сзади было таким длинным, что его свертывали и перебрасывали позади через левую руку; и этот паллий был очень богат и очень красив и весь изукрашен богатыми драгоценными камнями. А потом поверх всего его облачили в великолепную накидку, всю изукрашенную богатыми драгоценными камнями, и орлы, которые были пришиты на ней, сделаны были из драгоценных камней и так сверкали, что казалось, будто все платье пламенеет³⁶⁸. Когда он был облачен вот таким образом, его подвели лицом к алтарю; и как только его подвели к алтарю, граф Луи принес ему его императорское знамя, а граф де Сен-Поль принес ему его меч, а маркиз принес ему его корону и два епископа поддерживали под руки маркиза, который нес корону, а два других епископа стояли по обе стороны императора; и все бароны до единого были очень богато одеты, и не было там ни одного француза или венецианца, который не был бы одет в платье из парчи или шелка. И когда император подошел к алтарю, то опустился на колени, а потом с него сняли сперва накидку, затем паллий; тогда он остался просто в хитоне, и потом у него расстегнули золотые пуговицы спереди и сзади, так что он остался совсем голым до пояса, а потом его помазали. Когда он был помазан, ему снова застегнули хитон на золотые пуговицы, а потом облачили его в паллий и, наконец, прикрепили у плеч накидку, а потом, когда он был одет таким вот образом, а два епископа держали корону над алтарем, тогда все епископы двинулись и все вместе взяли корону, и потом благословили ее, и потом осенили ее крестным знаменем, и потом возложили ее ему на голову,

и, наконец, после этого ему повесили на шею прикрепленный застежкой очень большой драгоценный камень, который император Мануил некогда купил за 62 тыс. марок ³⁶⁹.

ХСVII

Когда они его короновали, то усадили на высокий трон, и он сидел на нем, пока пели обедню; и он держал в одной руке свой скипетр, а в другой руке — золотой шар с маленьким крестом на нем; а драгоценное одеяние, что на нем было, стоило столько, сколько не стоили бы и сокровища какого-нибудь богатого короля. И когда они прослушали мессу, то ему привели белого коня, на которого он воссел; потом бароны отвели его назад в его дворец Львиная Пасть ³⁷⁰, а затем усадили его на трон Константина. В то время, когда он восседал на троне Константина ³⁷¹, все обращались с ним как с императором, и все греки, которые там были, склонялись перед ним как перед святым императором, а потом были поставлены столы, и потом император откушал и с ним во дворце откушали все бароны. Когда откушали, все бароны разошлись и отправились к своим жилищам, а император остался в своем дворце.

ХСVIII

Потом случилось однажды, что бароны собрались и говорили между собой о том, чтобы разделить добро. Однако поделено было немного, исключая разве крупные вещи из серебра, которые там были, вроде серебряных тазов, которыми дамы города имели обыкновение пользоваться для мытья; тогда выдали толику каждому рыцарю, каждому конному оруженосцу и всему остальному меньшему народу войска, в том числе женщинам и детям, каждому. И тогда Альом де Клари, клирик, о котором я вам уже говорил, тот, который был столь доблестен и который столько совершил там ратных подвигов, как мы вам об этом рассказали до этого, сказал, что он хотел бы участвовать в дележе как рыцарь ³⁷²; а кто-то сказал, что это не по праву, чтобы он считался при дележе за рыцаря, а он сказал, что по праву, ибо он тоже был на коне и в кольчуге, как рыцарь, и что он совершил ратных подвигов столько же и даже больше, чем любой рыцарь, который там был; и в конце концов граф де Сен-Поль вынес такое постановление, что ему должна быть выделена такая же доля, как и рыцарю, потому что он совершил больше ратных подвигов и выказал более доблести — и это подтвердил сам граф де Сен-Поль, — чем любой из трех сотен рыцарей, которые там были; и потому-то он должен участвовать в дележе как рыцарь. Таким образом этот клирик доказал, что клирики должны участвовать в дележе точно так же, как рыцари. И вот все крупное серебро было разделено так, как я вам сказал, а другое добро — золото, шелковые материи, которых там было столько, что это было настоящее

Захват
Константинополя
12 апреля 1204 г.
Напольная мозаика
церкви Сан Джованни
Эвангелиста.
Равенна. 1213 г.

чудо,— все это еще предстояло разделить, и оно было отдано под общую охрану войска и под охрану тех людей, которые, как думали, будут его законно оберегать.

XCIX

И прошло совсем немного времени после этого, как император созвал всех знатных баронов, и дожа Венеции, и графа Луи, и графа де Сен-Поль, и всех прочих знатных людей, и сказал, что он хочет отправиться завоевать кое-какие земли; и тогда они решили, кто пойдет с императором, а кто останется, чтобы охранять город. И было решено, что дож Венеции и граф Луи останутся и вместе с ними останутся их люди; и маркиз остался, а потом он женился на жене Кирсака, который был раньше императором³⁷³, а она была сестрой короля Венгрии. Когда маркиз увидел, что император собирается отправиться завоевывать землю, то он пришел и попросил у императора, чтобы он дал ему Салоникское королевство³⁷⁴, землю, которая была на расстоянии добрых 15 дней пути от Константинополя; и император ответил ему, что она не является его землей, чтобы он мог ее дать ему, потому что большую долю в ней имеют бароны войска и венецианцы; однако поскольку она остается у него, постольку он весьма охотно и весьма

по-дружески даст ему из своей части, но он не может дать ему из той доли, которая принадлежит баронам и венецианцам. Когда маркиз увидел, что он не может ее получить, он был очень разгневан. После этого император отправился туда, куда он собирался двинуться, со всеми своими людьми. И когда он подходил к замкам и городам, они сдавались ему без сопротивления, и навстречу ему выносили ключи, и священники и клирики в облачениях выходили процессией ему навстречу и принимали его, и греки выказывали ему знаки почтения как святому императору³⁷⁵. И император тотчас ставил в замках и городах свою охрану везде, куда он приходил; и вот так он завоевал довольно земли по меньшей мере в 15 днях пути от Константинополя, пока не поступил однажды таким образом к Салоникам. Между тем, в то время как император завоевывал землю, маркиз со своей женой и со всеми своими людьми пустился в путь вслед за императором, так что настиг императорское войско прежде, чем император подошел к Салоникам. И когда он догнал войско, то взял да и разбил свой лагерь в добром лье от него, и когда он там расположился, то послал вестников к императору и передал ему, чтобы он не вступал в его землю Салоники, которую тот отдал ему, ибо пусть знает хорошенько, что если вступит туда, то он более не будет с ним заодно и не станет более держать от него владения, а вернется в Константинополь и поступит так, как сочтет наилучшим.

С

Когда бароны из окружения императора слышали, что передал маркиз, то они были рассержены этим и были в весьма большом затруднении; а потом они послали ответить маркизу, что они не прекратят свой поход туда ни по его требованию, ни по требованию его посольства, ни по чьему бы то ни было, потому что земля эта не его.

СИ

Когда маркиз это услышал, то он повернул обратно и потом явился к одному городу, где император поставил своих людей, чтобы его охранять; и потом он взял его с помощью измены³⁷⁶. Когда он взял этот город, то поставил там для охраны своих людей; а потом, когда он это сделал, то двинулся к другому городу под названием Андернополь³⁷⁷, где император поставил отряд из своих людей, и потом осадил его, и приказал установить свои камнеметы и свои мангонно, чтобы пойти на приступ города. а жители города упорно сопротивлялись. И когда он увидел, что ему не одолеть их силой, то он обратился к тем, кто были на стенах, и сказал им: «Как же так! Сеньоры, неужто вы не признаете, что здесь та, которая была женой императора Кирсака?». И тогда он выдвинул вперед свою жену, и его жена сказала: «Как же так! Неужто вы не признаете, что я императрица и не узнаете

двух моих детей³⁷⁸, которых я прижила от императора Кирсака?». И тогда она выдвинула вперед своих детей; наконец, один мудрый человек из города ответил: «Да,— сказал он,— мы хорошо знаем, что она была женой Кирсака и что это ее дети». «Ну, а коли так, то почему же,— сказал маркиз,— вам не признать одного из этих детей своим сеньором?». «Я вам вот что скажу,— произнес тот человек,— ступайте в Константинополь и коронуйте его, а когда он воссядет на трон Константина, и мы узнаем об этом, вот тогда мы сделаем то, что должны будем сделать»³⁷⁹.

СII

А пока дело, которое затеял маркиз, шло таким вот образом, император двинулся к Салоникам и потом осадил их; и когда он осаждал их, войско стало настолько бедным, что там недоставало хлеба, чтобы накормить более сотни человек, но мяса и вина было сколько угодно. И император не очень долго осаждал Салоники, когда ему сдали город; и после того как город был ему сдан, тогда появилось в изобилии и хлеба, и вина, и мяса, и всего, что было надобно. А потом император поставил там свою охрану и принял решение не двигаться более дальше; напротив, он повернул обратно, чтобы направиться оттуда в Константинополь³⁸⁰.

СIII

Тогда случилась в войске очень большая потеря, и был великий траур, ибо на обратном пути скончался мессир Пьер Амьенский, прекрасный и отважный — он умер в городе, который назывался Ла-Бланш, что был совсем возле Филипп, там, где некогда родился Александр³⁸¹; а потом на этом пути умерло с 15 рыцарей³⁸². А пока император возвращался оттуда, он как раз услышал весть о том, что маркиз взял с помощью измены один из его городов, и поставил там свою охрану из своих людей, и повел осаду Андернополя.

СIV

Когда император и бароны войска слышали это, то они были так разгневаны и раздосадованы, что слов нет, и они пригрозили маркизу и его людям, что коли доберутся до них, то всех их изрубят в куски и его самого не оставят в живых. Когда маркиз узнал, что император возвращается, он очень сильно перепугался, как всякий человек, который поступает очень дурно; и он никак не мог решиться на что-нибудь, пока наконец не велел передать в Константинополь дожу Венеции, и графу Луи, и другим баронам, которые оставались там, что он отдает себя под их защиту и что он готов при их посредничестве загладить зло, которое содеял; и когда дож, и граф, и другие бароны слышали, что маркиз хочет при их посредничестве загладить зло, которое он содеял и совершил, они направили четырех вестников к императору и

передали ему, что маркиз обратился к ним, прося о посредничестве, и пусть он, император, не чинит ему зла, ни ему, ни его людям³⁸³.

CV

Когда бароны и рыцари войска услышали об этом, то ответили, что все это ровно ничего не стоит, чтобы заставить их не предавать позору маркиза и его людей и не изрубить всех их в куски, коли им удастся добратсья до них, и только с большим трудом удалось их успокоить, но в конце концов они все же объявили маркизу о перемирии. После этого бароны спросили у гонцов, какие новости в Константинополе и что там делается; и гонцы ответили, что там все обстоит благополучно и что они разделили добро, которое еще оставалось неподеленным, и город разделили тоже. «Как? — воскликнули рыцари и молодые ратники войска.— Вы поделили наше добро, то самое, из-за которого мы вынесли столько мучений и столько трудов, претерпели голод и жажду, холод и жару, а вы поделили его без нас?» «Ну, держитесь!» — молвили они гонцам. «Вот мое слово,— сказал один из них,— я вам покажу, что все вы предатели!» Другой, в свою очередь, выбежал вперед, и тоже сказал, и еще другой тоже, и все они были так страшно возмущены, что хотели разорвать вестников на части и едва-едва не убили их; наконец император и знатные бароны войска держали совет, утихомирили их и установили самое прекрасное согласие, какое только могли, так что потом они отправились вместе обратно в Константинополь. И вот, когда они возвратились, то оказалось, что никто не может занять свое жилище, потому что дома, из которых они уезжали, уже не были их домами, ибо город поделили; и молодые ратники взяли себе дома за городом, так что им пришлось искать жилье в одном или в двух лье от тех домов, из которых они уезжали³⁸⁴.

CVI

Да, мы забыли рассказать о происшествии, которое случилось с монсеньором Пьером де Брешэлем³⁸⁵. Случилось так, что император Анри³⁸⁶ был на войне, а Иоанн Влашский и куманы вторглись в земли императора и расположились не далее чем в двух лье или даже меньше от лагеря императора, а они много наслышались о монсеньоре Пьерроне де Брешэле и о его доброй коннице; и вот однажды они через послов передали монсеньору Пьеррону де Брешэлю, что весьма охотно вступят с ним в переговоры и что ему будет дана охрана; и мессир Пьер ответил, что если ему будет дана охрана, то он охотно явится переговорить с ними, и вот влахи и куманы послали добрых заложников в лагерь императора, пока мессир Пьер благополучно вернется. Тогда мессир Пьер отправился туда, прихватив трех рыцарей; и он оседлал большого коня; и когда он появился вблизи войска влахов и Иоанн Влашский узнал, что он приехал, то отправился ему на-

встречу, а вместе с ним знатные люди Влахии; и тогда они приветствовали его и устроили ему добрый прием, и потом они с большим удивлением глядели на него, так как он был очень высоким, и они говорили с ним о том и о сем и наконец сказали ему: «Сеньор, мы очень дивимся вашей доброй коннице, и мы очень изумлены тем, что вы ищете добычу в этой стране, вы, который сами из столь далекой земли, и тем, что вы явились сюда завоевывать новую землю». «Разве у вас нет земель в вашей стране,— сказали они,— с которых вы можете прокормиться?» И мессир Пьер ответил им: «Ола-ла! — сказал он,— неужто вы не слышали, как была разрушена великая Троя и из какой башни?»³⁸⁷. «Ну, как же! Конечно,— сказали влахи и куманы,— мы хорошо наслышаны об этом, но это было так давно». «Разумеется,— сказал мессир Пьер,— но Троя принадлежала нашим предкам, а те из них, кто уцелел, они пришли оттуда и поселились в той стране, откуда пришли мы; и так как Троя принадлежала нашим предкам, то мы поэтому и прибыли сюда, чтобы завоевать землю». После этого он отъехал прочь и возвратился обратно³⁸⁸.

CVII

Когда император и бароны, которые отправились вместе с ним, вернулись, завоевав большую часть страны и около 60 городов, не считая крепостей и соседних с ними селений, тогда Константинополь был поделен³⁸⁹ таким образом, что император получил в полную собственность четвертую часть, а другие три части были разделены так, что венецианцы получили одну половину трех частей, пилигримы же — другую. И тогда они порешили разделить землю, которая была завоевана. Сперва выделили землю графам, а потом другим знатым людям и следили, чтобы в зависимости от того, насколько тот или иной был более могущественным человеком и более знатым человеком и насколько больше с ним было ратников из его дома, ему давалось бы больше земли. Так, одним дали по 200 рыцарских фьефов, а некоторым — по 100, иным же — по 70, иным — по 60, иным — по 40, иным — по 20, иным — по 10, а те, кто получили меньше, им дали по семь или шесть; и каждый фьеф оценивался в 300 анжуйских ливров³⁹⁰; и каждому знатному человеку говорили: «Вы получите столько-то фьефов, и вы столько-то, и вы столько-то, и потом вы дадите фьефы вашим людям и тем, кто захотят держать от вас, и точно так же вы получите этот город, а вы — вот этот, а вы — этот другой, и сеньории, которые к ним тянут». Когда каждому таким образом дали его часть, то графы и знатные люди отправились поглядеть на свои земли и свои города и поставили там своих балъи и свою охрану³⁹¹.

CVIII

И вот потом³⁹² случилось так, что мессир Тьерри, брат графа Лоосского, отправился однажды поглядеть свою землю³⁹³;

и когда он туда поехал, то случайно в некоем горном ущелье повстречал как-то Морчофля, предателя, который ехал не знаю куда. В его окружении были дамы, и девицы, и немало других людей, и он ехал пышно и благородно, словно император, со столькими людьми, со сколькими мог. И мессир Тьерри не делает ничего иного, кроме как едет ему наперерез, а затем он и его люди устраивают так, что берут его силой в плен; и когда он его взял в плен, то привел в Константинополь, а потом передал его императору Бодуэну. Когда император его увидел, он приказал заключить его в темницу и стеречь как следует.

CIX

Когда Морчофль был в темнице, то император Бодуэн послал однажды оповестить всех баронов и всех самых знатных людей, которые были в земле Константинопольской, дожа Венеции, графа Луи, графа де Сен-Поля и всех других, чтобы они явились во дворец, и они явились туда. И когда они явились, то император Бодуэн сказал им, что Морчофль у него в темнице, и спросил у них, что они посоветуют с ним сделать; и одни говорили, что его нужно повесить, а другие говорили, что его надо протащить по городу, пока наконец дож Венеции не сказал, что он был слишком знатным человеком, чтобы его вешать. «И я скажу вам,— сказал дож,— что с ним сделать: знатному человеку следует учинить и знатную кару³⁹⁴: в этом городе есть два высоких столпа, и ни один из них не имеет в высоту меньше 60 или 50 туаз; ну, так вот, пусть он взойдет на верх одного из них, а потом пусть его сбросят вниз, на землю». А это были те два столпа, на вершине которых пребывали отшельники и где были написаны происшествия, случившиеся с Константинополем, как я вам об этом рассказывал прежде³⁹⁵. Бароны согласились с тем, что сказал дож: И тогда берут Морчофля, и потом ведут его к одному из этих столпов, и потом заставляют его подняться наверх по ступенькам, которые были внутри. Когда Морчофль был наверху, то его столкнули вниз на землю, так что он весь разбился на куски. Такое отлучение учинили Морчофлю, предателю³⁹⁶.

CX

После того как земли были распределены таким вот образом, как я вам сказал, случилось, что между маркизом и императором был заключен мир, но императора сильно порицали, потому что он не созвал всех знатных баронов. Как бы то ни было, маркиз попросил королевство Салоники, и, как бы то ни было, он получил его, и император дал его ему. И когда королевство было ему пожаловано, то маркиз отправился туда со своей женой и со всеми своими людьми, и когда он прибыл туда, он поставил там охрану и сделался там сеньором и королем.

СХІ

После этого мессир Анри, брат императора, попросил для себя королевство Анремит³⁹⁷, которое было по ту сторону рукава Св. Георгия и которое еще нужно было завоевать, и его дали ему. И тогда мессир Анри отправился туда вместе со всеми своими людьми и завоевал большую часть той земли. После этого граф Луи попросил другое королевство, и его ему дали³⁹⁸, а граф де Сень-Поль в свою очередь попросил другое королевство, и его ему дали³⁹⁹; после этого мессир Пьер де Брешэль попросил другое королевство, которое было в стране сарагин, в стороне Коньи, коль скоро сможет его завоевать, и ему пожаловали его⁴⁰⁰; и мессир Пьер отправился туда со всеми своими людьми, и потом очень успешно завоевал это королевство, и стал в нем сеньором. Вот таким-то образом просили могущественные люди королевства, которые еще не были завоеваны⁴⁰¹; и дож Венеции и венецианцы получили остров Крит, и остров Корфу, и остров Моссон⁴⁰², и еще довольно других земель, которые они желали⁴⁰³. После того случилась великая потеря в войске, ибо немного времени спустя умер граф де Сен-Поль⁴⁰⁴.

СХІІ

А уже после этого случилось так, что один город, который завоевал император, восстал против него; Андернополь — так назывался этот город. Когда император узнал об этом, то позвал дожа Венеции, графа Луи и других баронов; и он сказал им, что хочет пойти и осадить Андернополь, который восстал против него, и попросил, чтобы они пособили ему завоевать этот город, и бароны ответили, что они охотно сделают это. Тогда император собрался в поход, так же как и бароны, чтобы двинуться на этот город. Когда они подступили к этому городу, то осадили его; и в то время, когда они его там осаждали, случись же такая неожиданность: вдруг на землю Константинопольскую вступили однажды Иоанн Влашский, он сам и куманы, с превеликим множеством людей точно так же, как уже когда-то делали; и они проведали, что император со своим войском осаждает Андернополь. Когда наши ратники увидели этих куманов, одетых в их шкуры, то они больше не устрашились их, а приняли так, словно это была всего-навсего ватага мальчишек; и эти куманы и прочие люди быстро неслись вскачь, и потом ринулись на французов и многих поубивали, и наголову разбили всех их в этом сражении⁴⁰⁵. И император сгинул, так что никогда не узнали, что с ним случилось⁴⁰⁶, и граф Луи, и многие другие знатные люди, и столько других людей, что числа их мы не ведаем, но наверняка там были загублены три сотни рыцарей; и те, кто смогли спастись, бежали в Константинополь. Бежал и дож Венеции, и с ним довольно много людей, и они побросали свои палатки и свое снаряжение прямо там, где осаждали Андернополь, ибо не отважи-

вались никогда вернуться в ту сторону, столь велико было их поражение. Вот так-то господь поистине отомстил за их гордыню и за то вероломство, которое они выказали к бедному люду войска, и за ужасные прегрешения, которые они содеяли в городе после того, как захватили его.

СХІІІ

Когда император сгинул, потерпев это поражение, то бароны, которые остались, были в сильном унынии. А потом они собрались однажды, чтобы поставить императора⁴⁰⁷. Тогда послали за монсеньором Анри, который был братом императора, чтобы сделать его императором, а он был в своей земле, которую завоевал,— по ту сторону рукава Св. Георгия.

СХІV

Когда дож Венеции и венецианцы увидели, что императором хотят сделать монсеньора Анри, то они были против этого и они не хотели дозволить это, пока не получат одно изображение пречистой девы, которая была нарисована на доске. Это изображение было безмерно богато и было все покрыто богатыми драгоценными камнями. И греки говорили, что это был вообще первый образ пречистой девы, который когда-либо был сделан или нарисован. Так велика была вера греков в этот образ, что они чтили его превыше всего и каждый вторник они проносили его в шествии; так чтили его греки и давали ему множество великих приношений. И вот венецианцы ни в коем случае не хотели дозволить, чтобы мессир Анри стал императором, пока они не получат этот образ, и тогда этот образ им отдали⁴⁰⁸. После этого монсеньора Анри короновали императором⁴⁰⁹.

СХV

Когда мессир Анри стал императором, то после этого собирались вместе и вели переговоры, он и маркиз, который был королем Салоникским, пока маркиз не выдал за него свою дочь, а император женился на ней, но императрица не долго прожила после того и вскоре умерла⁴¹⁰.

СХVІ

Прошло немного времени после этого, как Иоанн Влашский и куманы вторглись в землю маркиза Салоникского. А маркиз был в своей земле, и в конце концов он сразился с этими влахами и с этими куманами и был убит в этом бою, а все его ратники были разбиты⁴¹¹. И Иоанн Влашский и эти куманы подступили затем, и осадили Салоники, и установили свои орудия, чтобы приступом идти на город; а жена маркиза⁴¹² осталась в городе, и с ней остались рыцари и другие люди, которые защищали

город. А в городе было похоронено тело монсеньора святого Димитрия, который никоим образом не хотел дозволить, чтобы его город был взят силою; и из этого святого тела истекло столько масла, что то было настоящее чудо. И случилось так, что, когда однажды утром Иоанн Влашский возлежал в своей палатке, к нему явился мессир святой Димитрий, и пронзил его тело копьем, и убил его⁴¹³. Когда его люди и куманы узнали, что он мертв, то они снялись с места и возвратились в свою землю⁴¹⁴. А потом королевство Влахия перешло к племяннику Иоанна; Бюрюс было его имя⁴¹⁵. Этот Бюрюс стал потом королем Влахии, и у него была красавица дочь. А потом случилось так, что император Анри, который был весьма добрым императором, держал совет со своими баронами, как ему быть с этими влахами и с этими куманами, которые столько враждовали с Константинопольской империей и которые сгубили его брата, императора Бодуэна; и тогда бароны присоветовали ему направить послов к этому Бюрюсу, который был королем Влахии, и попросить, чтобы он отдал ему в жены свою дочь⁴¹⁶. Однако император ответил, что он никогда не возьмет в жены особу столь низкого происхождения. И бароны сказали: «Государь, вы это все же сделайте! Мы советуем вам договориться с ними, потому что это самый сильный народ и самый грозный для империи, да и для всего света»⁴¹⁷. И бароны наговорили столько, что император послал туда двух знатных рыцарей и повелел как можно лучше снарядить их, и послы отправились с большими опасениями в эту дикую страну, и, когда они прибыли туда, их сразу хотели убить. И тем не менее они поведали этому Бюрюсу о цели своего посольства, и он ответил им, что охотно пошлет свою дочь императору.

СХVII

А потом король Бюрюс приказал снарядить очень богато и очень благородно свою дочь и с ней довольно много людей; потом он отослал ее к императору и велел подарить ему 60 лошадей, все они были нагружены добром, и золотом, и серебром, и шелковыми материями, и богатыми сокровищами; и не было там ни одного коня, который не был бы покрыт попоной из малинового шелка, столь длинной, что она волочилась позади каждой лошади на целых семь или восемь шагов; и никогда не продвигались по грязи или по худым дорогам, так что никакая материя не была разорвана, и все были исполнены великой красоты и благородства.

СХVIII

Когда император увидел, что девица прибыла, он вышел ей навстречу, а с ним и бароны, и устроил ей и ее людям весьма пышное празднество, а потом император на ней женился.

СХІХ

И прошло немного времени после этого, как императора пригласили в Салоники, чтобы короновать сына маркиза королем, и император туда поехал. И когда он его короновал⁴¹⁸, сына маркиза, то захворал там и там же умер, что было великой потерей и великой печалью⁴¹⁹.

СХХ

Теперь вы слышали правду, как был завоеван Константинополь и как граф Бодуэн Фландрский стал императором, а после него мессир Анри, его брат, ибо тот, кто был там, и кто это видел, и кто это слышал, будучи свидетелем, Робер де Клари, рыцарь, позаботился о том, чтобы предать письменам правду, как был завоеван город; и, хотя он не рассказал об этом завоевании столь хорошо, как могли бы поведать многие добрые рассказчики, он, во всяком случае, рассказал подлинную правду, а есть еще столько всяких правдивых вещей, которые все он не сумел припомнить.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РОБЕР ДЕ КЛАРИ И ЕГО ХРОНИКА КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИЧЕСКОЙ МЫСЛИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Хроника «Завоевание Константинополя» Робера де Клари, созданная в начале XIII в., наряду с одноименным произведением Жоффруа де Виллардуэна¹ принадлежит к числу первостепенной важности источников по истории захвата Константинополя рыцарями-крестоносцами в 1203—1204 гг. Вместе с тем она представляет собой замечательный памятник исторической мысли феодальной эпохи. В отличие от Виллардуэна, передававшего события Четвертого крестового похода, как правило, довольно точно², Робер де Клари не мог бы похвастаться в такой степени фактографической добротностью, хронологической и логической упорядоченностью своего рассказа. Хотя он стремился придерживаться исторической канвы в изложении хода событий, какими они ему рисовались, но, будучи простым рыцарем, Робер де Клари не ведал скрытой, закулисной стороны похода и лишь понаслышке был осведомлен о его предыстории, а тем более об истории Византии и государств крестоносцев на Востоке. За недостатком достоверных известий он иногда путает факты, придумывает то, чего на самом деле не было, смешивает реальность с домыслами, иной раз подробнейшим образом повествует о второстепенном в ущерб более значительному.

Однако, несмотря на отдельные несообразности, записки рыцаря-крестоносца интересны не только и не столько как субъективно добросовестное, пусть и не целиком соответствующее действительным фактам, повествование об «уклонении с пути», приведшем рыцарские ватаги из Франции, Германии и Италии под стены Константинополя, сколько своим идейным содержанием, своей концепцией истории крестового похода. Они ценны в огромной мере благодаря своеобразному авторскому восприятию событий, свидетелем и участником которых ему довелось быть (а также и тех, о коих он знал от других лиц), важны суждения об этих событиях, пусть такие суждения по большей части и не относятся в форме отвлеченных умозаключений, а как бы вы-

¹ *Geoffroy de Villehardouin. La conquête de Constantinople* (далее цит. по изд.: *Historiens et chroniqueurs du moyen âge*/Ed. A. Pauphilet. P., 1963).

² Обстоятельная библиография литературы о Виллардуэне приведена в кн.: *Jeanette Beer M. A. Villehardouin: Epic historian. Genève, 1968; Dufournet J. Les écrivains de la IVe croisade. Villehardouin et Clari. P., 1973.*

растают из самой ткани изложения фактов. В широком культурно-историческом плане хроника Робера де Клари примечательна не в малой степени еще и потому, что написана светским человеком — рыцарем. Ведь средневековые «истории», тем более хроники религиозных войн XI—XIII вв., сочинялись обычно представителями образованного сословия того времени — духовенства. Робер де Клари, как и Жоффруа де Виллардуэн, — исключение из правила. При этом по своему концептуальному замыслу и содержанию, по своей идейно-политической направленности хроника Робера де Клари в некотором роде антитеза хронике Жоффруа де Виллардуэна. Последний был знатным сеньором, одним из предводителей крестоносного воинства, «задействованным» во всех или почти всех дипломатических акциях и военных перипетиях похода. В своем «Завоевании Константинополя» маршал Шампани излагает официозную версию событий, призванную представить в наиболее выгодном свете крайне неблагоприятные поступки и самих «воинов божьих» и в особенности их вожаков. Робер де Клари, напротив, чужд высокой политике и вовсе не задается целью обелять последних. Он раскрывает события, совершившиеся при его участии и на виду у него, так, как они воспринимались, были пережиты и расценивались неискушенной в политико-дипломатических интригах массой крестоносцев — с позиций тех, кто испытал на себе и перенес, говоря словами самого хрониста, «столько мучений и столько трудов, голод и жажду, холод и жару» (гл. CV). История похода воссоздается под углом зрения рядовых участников этой грандиозной по средневековым масштабам рыцарской авантюры, которые ринулись «за море», побуждаемые главным образом надеждой на легкую наживу, и потому в общем и целом были довольно безразличны к «идеальным» целям экспансии феодального Запада на Востоке. Если Жоффруа де Виллардуэн как историк внешне более или менее сдержан или риторично выпретен, то Робер де Клари рассказывает обо всем увиденном и услышанном, о том, что было доступно его неистощимой любознательности, с неподдельной увлеченностью рыцаря, оказавшегося сопричастным необычайным и удивительным происшествиям. В его записках мы встретим наблюдательно подмеченные черты феодальных нравов, рыцарского видения прошлого и настоящего. Полуофициальный историограф похода, маршал Шампанский пренебрегает житейскими подробностями рассказываемого, подменяя их «деловым» изложением существенного, перемежаемым риторикой: он отбрасывает прочь кажущиеся ему незначительными эпизоды. Напротив, Робер де Клари, жаждущий приобщить свою аудиторию ко всему «необыкновенному», что случилось с крестоносным воинством, уделяет таким сюжетам зачастую непомерно много места. Эти-то подробности, рисуемые Робером де Клари с присущей ему непосредственностью, во всей их повседневной будничности и живости, проливают необычайно

яркий свет и на самое крестоносную авантюру и, что для нас в данном случае важнее, на систему взглядов и представлений автора-рыцаря, на способ и стиль его исторического мышления. Через повествование Робера де Клари получает оригинальное освещение — «изнутри» — вся феодальная этика, весь нравственный мир воинственно настроенного рыцарства начала XIII в. Автор подчас допускает путаницу в датах, в изложении последовательности событий, дает волю своей фантазии, но его вымыслы по-своему отражают настрой, царивший в крестоносном воинстве. Они характеризуют понимание рядовым рыцарем-крестоносцем как событий истории текущей, так и минувшей. С этой точки зрения «Завоевание Константинополя» Робера де Клари — хроника, содержащая ценнейший материал для уяснения исторического менталитета мелкого светского феодала из среды тех, кто по кличу Иннокентия III³ устремился добывать себе под флагом религии земли и сокровища на Востоке и преуспели... в сокрушении византийской столицы.

Познакомимся вкратце с личностью и творчеством хрониста, чтобы затем разобраться в идейном содержании его записок.

*Биографические сведения об авторе
в их социально-историческом контексте.
Культурный мир и духовный облик хрониста*

Мы мало знаем о жизни Робера де Клари и об обстоятельствах, при которых был написан его труд. Документальные свидетельства о Робере де Клари более чем скудны. Кое-какие сведения рассеяны в его собственном произведении, но они весьма отрывочны: это вскользь оброненные, беглые заметки. Сам хронист выказывает крайнюю скромность относительно своей персоны. Автор почти нигде не подчеркивает личный характер свидетельства хроника (в отличие от Жоффруа де Виллардуэна) и тщательно избегает упоминания о себе в первом лице⁴. Даже перечисляя (гл. I) рыцарей, отправившихся в крестовый поход, Робер де Клари не включает себя в этот список⁵.

Самое раннее упоминание о семействе Клари встречается в церковной грамоте из Амьена от 1146 г. Ничто не указывает здесь на принадлежность семейства к феодальному классу. В течение последующих 40 лет источники хранят полное молчание относительно Клари. Лишь в 1195 г. в одном документе всплы-

³ Die Register Innocenz'III/Hrsg. von O. Hagender, A. Haidacher. Graz; Köln, 1964, Bd. 1, N 11, S. 18—20; *Queller D. E.* The Fourth Crusade: The Conquest of Constantinople, 1201—1204. Philadelphia, 1977, p. 1 etc.

⁴ *Pauphilet A.* Sur Robert de Clari.—Romania, 1931, t. LVII, N 227, p. 289—290.

⁵ Его имени, кстати, не называет и Жоффруа де Виллардуэн. Ср.: *Dufournet J.* Les écrivains de la IVe Croisade: Villehardouin et Clari P., 1973, p. 341.

вает имя Жилья де Клари, отца хрониста: к этому имени тут присовокуплено уточняющее социальный статус его обладателя обозначение — *miles* (рыцарь)⁶. Из других документов конца XII в. видно, что Жиль де Клари был вассалом Пьера Амьенского. Сохранились две дарственные грамоты последнего (от 1195 г. и от 1202 г.)⁷, в которых Жиль де Клари значится свидетелем со стороны дарителя. Имя Робера де Клари впервые встречается — вместе с именем его отца — в грамоте от мая 1202 г.⁸, когда «Пьер Амьенский собрался отправиться в Иерусалимское паломничество». Это единственный чисто документальный источник, где фигурирует имя Робера де Клари.

Что знаем мы о нем из его собственной хроники? В основном только то, что он участвовал в крестовом походе, находясь в окружении своего сеньора Пьера Амьенского, и что, кроме того, в походе принимал также участие младший брат Робера — клирик Альом (гл. XXVI). Причем даже передавая эпизод, в котором Альом де Клари выступает главным действующим лицом, хронист не делает ни малейшего намека на то, что имеет в виду своего брата: об этом можно лишь догадываться⁹. Известно еще, что к 1206 г. Робер де Клари, вероятно, вернулся на родину: сохранились два перечня реликвий, переданных им в дар Корбийскому аббатству (от 1206 г. и от 1213 г.)¹⁰.

Хроника Робера де Клари заканчивается сообщением о смерти Анри д'Эно, второго государя Латинской империи, основанной западными завоевателями на месте уничтоженной ими Византии. Поскольку дата его кончины — 20 августа 1216 г., постольку очевидно, что в то время Робер де Клари еще здравствовал. Относительно каких-либо последующих событий; с которыми он мог быть знаком, источники полностью умалчивают. Мы не знаем даже даты смерти Робера де Клари. Уцелели лишь кое-какие фрагментарные данные о других лицах из этого семейства¹¹. Так, клирик Альом, брат хрониста, ставший каноником в Амьене, скончался в 1256 г. В документах встречаются случайные упоминания о поздних потомках семьи Клари: в начале XIV в. — о некоем Бодуэне де Клари из Амьенского епископства; около середины того же столетия — о Жане де Клари по прозвищу Ланселот (он фигурирует в грамоте как «конюший, сеньор Жезенку-

⁶ О значении этого термина см.: *Duby G. Situation de la noblesse en France au début du XIIIe siècle.* — In: *Duby G. Hommes et structures au Moyen Age.* P., 1973, p. 344.

⁷ См.: *Boudon G. Robert de Clari en Aminois, chevalier, auteur d'une chronique de la Quatrième croisade (1200—1216).* — BSAP, 1897, XIX, p. 707.

⁸ *Ibid.*, p. 730—733.

⁹ *Puzphilet A. Sur Robert de Clari*, p. 290.

¹⁰ Подробно см.: *Roberto di Clari. La conquista di Costantinopoli/Studio critico, traduzione e note di A. M. Nada Patrone.* Genova, 1972, p. 20—21.

¹¹ См.: *Ibid.*, p. 5.

ра»). Какие-то Клари жили еще в XVI в., но ведут ли они свое происхождение от крестоносца Робера де Клари или от иных лиц, входивших в XII в. в то семейство, не установлено.

Как ни скудны дошедшие до нас сведения, они позволяют судить о семье де Клари и о самом хронисте в контексте социальной истории Пикардии на рубеже XII—XIII вв.¹² Робер де Клари принадлежал к мелкопоместному феодальному семейству, которое, по-видимому, лишь незадолго до описываемых в его хронике событий приобрело благородный титул и стало именоваться «де Клари». Эта местность (в настоящее время — Клери-ле-Пернуа, к северу от Виньянкура, между Фликскуром и Канаплем, в районе Камбрэ) была подвластна сеньору Амьена, от которого, надо думать, Клари получили и свой титул и свой феод. Его размеры были весьма скромными¹³. Клари были связаны с сеньорами Амьена¹⁴ не только узами феодальной зависимости, но и личной преданностью, о чем, в частности, свидетельствуют панегирические выражения, употребляемые Робером де Клари, когда он говорит о своем сюзерене — Пьере Амьенском (гл. I, XLV, XLVII, XLVIII, LXXV, CIII)¹⁵.

Слой мелких рыцарей (*militēs*) был наиболее обширной, социально поднимавшейся частью класса феодалов в Пикардии XII в.¹⁶ Вместе с правом владения феодальной собственностью они постепенно приобретают титулы и фамильные прозвища. Конная военная служба превратилась для них в почетное дело. Мало-помалу они образуют своего рода военную аристократию, стояв-

¹² См.: *Fossier R. La terre et les hommes en Picardie jusqu'à la fin du XIIIe siècle*. Paris; Louvain, 1968. Vol. 1, 2; *Idem. La noblesse picarde au temps de Philippe le Bel*. — In: *La noblesse au Moyen Age, XIe—XVe siècles*. P., 1976, p. 105—127; *Duby G. Les «jeunes» dans la société aristocratique dans la France du Nord—Ouest au XIIIe siècle*. — In: *Duby G. Hommes et structures...*, p. 213—226; *Idem. Structures de parenté et noblesse de la France du Nord*. — In: *Miscellanea Medievalia in memoriam S. Fr. Niermeyer*. Groningen, 1967, p. 149—165; *Idem. Situation de la noblesse...*, p. 343—352.

¹³ Судя по жалованным грамотам от 1517 г. и более позднего времени, владения семейства де Клари занимали площадь в 6 га 45 акров. Вероятнее всего, что и в начале XIII в. они состояли из тех же земель (засеваемых, должно быть, преимущественно овсом). См.: *Boudon G. Documents nouveaux sur la famille de Robert de Clari*. — BSAP, 1898—1900, XX, p. 375.

¹⁴ Видамы Амьенские — одна из наиболее знатных в Пикардии феодальных фамилий (в документах конца XII в. они именуются *nobiles*). Р. Фоссье, изучив свыше 400 актов, содержащих данные о владениях пикардийских феодалов с 1175 по 1300 г., выявил всего семь семейств, обозначаемых в грамотах термином *nobiles* (*Fossier R. La noblesse picarde...*, p. 109 etc.). В документах 1187—1194 гг. сохранились имена 115 вассалов видама Амьенского, из которых 70 — *militēs*. См.: *Ibid.*, p. 112.

¹⁵ О тесных связях обоих семейств говорит и другой факт: именем Альом (так звали брата Робера) назывался младший брат Пьера Амьенского. Хотя оно было очень распространенным в Амьену, вряд ли такое совпадение являлось случайным. Возможно, что оба Альома родились в одном году. См.: *Roberto di Clari. La conquista...*, p. 6, nota 20.

¹⁶ *Fossier R. La terre et les hommes...*, t. 2, p. 660—667.

шую, правда, гораздо ниже сеньориальных семейств высшего ранга, которые составляли замкнутый круг «малой элиты» (*domines*), владельцев замков¹⁷. Тем не менее как общественная группа *milites* возвышаются, их подписи начинают фигурировать в документах.

Пикардия была в основном областью аграрной экономики, но постепенно тут вырастали и города. Они вступали в борьбу с феодальными сеньорами за автономию (восстание Ланской коммуны и др.) и зачастую ее добивались (Нуайон — около 1110 г., Аббевиль — около 1184 г., Сен-Кантен — в 1195 г. и т. д.)¹⁸. В Амьене, главном городе Пикардии (в начале XII в. он занимал площадь всего в 10 га, а его стены тянулись лишь на 1300 м), получало все большее распространение сукноделие. В начале XIII в. амьенские сукна уже продавались на шампанских ярмарках и даже экспортировались в другие страны (например, в Италию). Развитие городов, ремесел и торговли сказалось и на сельском хозяйстве, которое стало интенсифицироваться: в некоторых районах, в частности в окрестностях города и аббатства Корби, начали возделывать масличные культуры, красители; здесь применялись водяные мельницы¹⁹. Сельское хозяйство требовало применения труда земледельцев различного хозяйственного профиля. И если раньше владельцы сеньоры набирали свои дружины из всего свободного населения деревенской округи, то теперь воинская служба превращается в постоянное занятие строго определенного круга семейств: они поэтому легко приобретают и поместья и титулы. Социальный статус *milites* упрочивается. Но хотя дистанция между *nobiles* и *milites* со временем сокращается, хотя происходит сближение военной аристократии обоих уровней²⁰, все же большинство *milites* остаются на низших ступенях феодальной иерархии. Это обстоятельство само по себе питает в их среде перманентное недовольство знатью.

Земельная собственность, пожалованная семейству Клари, не могла обеспечить ему сколько-нибудь значительных доходов²¹. Правда, Пикардию пересекали торговые дороги, по которым направлялись обозы английских и фламандских купцов, везшие в южные и западные провинции Франции шерсть, зерно, ткани. Однако *milites* вроде Клари не извлекали каких-либо выгод из этой торговли. Кормившим их «ремеслом» являлось военное дело.

¹⁷ *Duby G. Situation de la noblesse...*, p. 343.

¹⁸ *Lestoquoy J. Histoire de la Picardie et du Boulonnais*. P., 1962, p. 34.

¹⁹ *Codard J. La place de la ville et de l'abbaye de Corbie dans l'économie de Moyen Age.* — In: *Corbie abbaye royale: Volume du XIIIe centenaire*. Lille, 1963, p. 311—312.

²⁰ *Duby G. Situation de la noblesse...*, p. 344.

²¹ По выражению П. Шарло, фьеф Робера де Клари в Амьенуа был достаточно для приобретения рыцарского звания, но слишком мал, чтобы прокормить его носителя. См.: *Robert de Clari. La conquête de Constantinople/Trad. P. Charlot. Introduction*. P., 1939, p. 111; ср.: *Dufournet J. Op. cit.*, p. 341.

Неудивительно, что естественным развлечением для рыцарей, живших в этом узком провинциальном мирке и связанных главным образом с воинской службой, были ратные состязания, турниры, праздники, которые время от времени устраивались и в резиденции сеньора Пьера Амьенского — Виньянкуре (в 4,5 км от Клери-ле-Пернуа).

Вести о подготовке нового крестового похода, о проповеди Фулька из Нейи, призывавшего всех «верных» облачиться в доспехи с изображением креста, получили поэтому широкий отзвук среди пикардийского рыцарства. Оно не участвовало ни в Первом (1096—1099 гг.), ни во Втором (1147—1149 гг.) крестовых походах²²: *milites* не могли тогда позволить себе даже незначительных расходов на «вооруженное паломничество» в Св. землю. Да и в Третий крестовый поход (1189—1192 гг.) из Пикардии отправились лишь несколько представителей знати, в их числе Дрэ де Фликскур-Виньянкур, отец Пьера Амьенского. Напротив, для участия в Четвертом походе «взяли крест» многие рыцари. Наряду с видными сеньорами и служителями церкви (Пьер Амьенский, его брат каноник Фома де Фликскур, Гюг де Сен-Поль, братья Гийом и Конон де Бетюн, Юсташ и Ансо де Кайо, Жак д'Авень) мы встречаем в перечне, приводимом хронистом (гл. I), лиц, чьи имена менее известны: Робер и Ангерран де Бов, Умбер де Конде, Бодуэн де Боревуар, Гийом д'Амбревиль, Матье де Валинкур, Юсташ де Кантелэ, Ренье де Трит, Валес де Фриуз, Жерар де Мананкур, Николая де Майи, Гюг де Бове, Гийом де Фонтэн, Альом ле Санс, Валон де Сартон, не считая самого Робера де Клари и его брата Альома. Итальянская исследовательница А. М. Нада Патроне насчитала среди участников Четвертого крестового похода 26 выходцев из Пикардии (Р. Фоссье отыскал в источниках всего пятерых рыцарей из этой области²³). Как относительно ни мало это число само по себе, оно все же указывает, с одной стороны, на некоторое улучшение экономического и социального положения пикардийских рыцарей. Чтобы отважиться на заморское предприятие, нужно было располагать минимумом денежных средств (для приобретения оружия, доспехов, коня, для содержания двух конюхов); недостаток денег мог быть отчасти возмещен получением их взаймы, но взять в долг мог только тот, кто обладал известным престижем и пользовался доверием заемодавцев. Многие пикардийские участники крестового похода действительно прибегли именно к этому способу. С другой стороны, однако, тот факт, что почти два с половиной десятка *milites* сочли подходящим для себя войти в долги,

²² Dugas C. M. Le mouvement des croisades dans les régions situées au Nord de Paris.—Memoires de la Société historique et archéologique de Senlis, 1956, p. 5—13.

²³ Roberto di Clari. La conquista..., p. 10; Fossier R. La terre et les hommes..., t. 2, p. 611.

лишь бы не упустить представлявшийся теперь случай отправиться в Св. землю, косвенно свидетельствует о сохранявшейся скудости их материальных ресурсов, а значит, и о том, что они не могли быть удовлетворены своей жизнью. Заморская земля манила рыцарей, надо думать, не в последнюю очередь, перспективами обогащения, которые сулила успешная война «за дело креста». Религиозные мотивы играли подчиненную роль.

Нам неизвестно точно, когда решился «взять крест» Робер де Клари, но, скорее всего, одновременно со своим сеньором Пьером Амьенским, после того как весной 1200 г. решение отправиться в Св. землю приняли Бодуэн, граф Фландрии и его вассалы. Робер де Клари ничего не сообщает о подготовке к походу — она началась среди вассалов его сюзерена не раньше мая 1202 г. (тогда Робер де Клари еще находился в Амьене, где вместе с отцом удостоверил свидетельской подписью дарственную грамоту Пьера Амьенского, собиравшегося в «святое паломничество»). Рассказ хрониста подтверждает тем не менее, что он был в общих чертах осведомлен о событиях, предшествовавших выступлению крестоносцев в Венецию: хронист знает и о совете крупных сеньоров в Компьене (гл. II), где они якобы избрали главным предводителем графа Тибо Шампанского, и о последующем совете баронов в Суассоне (гл. III), где его преемником (Тибо умер) был избран маркиз Бонифаций Монферратский. Упоминает автор записок (допуская, впрочем, путаницу) и о третьем совете — в Корби, где будто бы было назначено время выступления в поход: посольство крестоносцев, возвратившееся из Венеции, якобы информировало, что республика св. Марка согласна снарядить флот для перевозки «паломников» за море. Реальные факты здесь переплетаются с выдуманными, но все же они присутствуют. Хронист слышал также, вероятно, о каких-то финансовых затруднениях, которые возникли у французских послов во время переговоров с Венецианской республикой. Так или иначе, сведения о предыстории похода, а особенно, конечно, рассказ о нем самом, каковы бы ни были ошибки и упущения в передаче фактов военно-дипломатического характера, ясно свидетельствуют, что Робер де Клари был прямым участником крестового авантюры. В заключительной же (СХХ) главке хроники автор прямо называет себя «Робер де Клари, рыцарь» — в качестве свидетеля, который «видел и слышал» все, что рассказал в своем произведении.

Помимо этих немногих прямых автобиографических сведений, относящихся к участию Робера де Клари в крестовом походе, в его хронике и в хронике Жоффруа де Виллардуэна имеется ряд косвенных данных на этот счет. Они подтверждают, в частности, что пикардиец принадлежал к категории мелких рыцарей: не случайно с первой же главки хроники Робер де Клари противопоставляет «могущественных людей» (*rike homme, haus homme*) и «бедных рыцарей» (*povre chevaliers*); мы увидим, что сам он

выступает глашатаем недовольства рыцарской голытьбы действиями баронов. Ясно и то, что Робер де Клари являлся верным вассалом одного из этих «могущественных людей» — Пьера Амьенского, которого многократно и с воодушевлением восхваляет («отменный рыцарь, смелый и доблестный», совершивший наряду с другими из могущественных людей «более всего ратных подвигов» (гл. I). Когда на о-ве Корфу в 1203 г. часть знатных крестоносцев, в том числе Пьер Амьенский, отказалась плыть с венецианцами на Константинополь²⁴, Робер де Клари вынужден был, вероятно, примкнуть к своему сеньору. После того как главным предводителям удалось предотвратить распад войска и установить в нем подобие единения, Робер де Клари отправился со всеми прочими к Константинополю и в июле 1203 г. участвовал в нападении на город. Он сражался в отряде, которым командовали Пьер Амьенский и его кузен Гюг де Сен-Поль (гл. XLVIII и др.). Во время второго штурма Константинополя в апреле 1204 г. Робер де Клари бился, как видно из его хроники, в небольшом отряде рыцарей, под предводительством того же Пьера Амьенского осаждавших Галатскую башню. Через год после завоевания крестоносцами византийской столицы и создания Латинской империи, он, должно быть, участвовал в войне императора Бодуэна I против болгарского царя Калояна, обернувшейся для рыцарства разгромом при Адрианополе 14 апреля 1205 г. (гл. CXII). Немногие спасшиеся бегством (в их числе был Гюг де Сен-Поль) вернулись в Константинополь.

Приведенными фактами и ограничиваются все наши, более чем скудные, знания о жизни Робера де Клари. Трудно даже сказать с определенностью, сколько было ему лет во время крестового похода, но, конечно, он находился в поре цветущей молодости — за это говорят и восторженная тональность его повествования, и непосредственность впечатлений, вынесенных им из пребывания в Византии, и то обстоятельство, что лишь в 1202 г. он скрепил своей подписью дарственную грамоту Пьера Амьенского. Вообще оружие вручалось тогда старшим сыновьям рыцарских семейств в возрасте от 16 до 20 лет, считавшемся возрастом зрелости.

Косвенным путем устанавливается и дата возвращения Робера де Клари на родину — 1205 г. Судя по всему, пикардийские рыцари уехали во Францию в числе тех 7 тыс. крестоносцев, о которых упоминает Жоффруа де Виллардуэн²⁵. После того как *haus hommes* присвоили себе плоды «ратных подвигов» рыцарства (гл. CXII), *rouge chevaliers* утратили какие-либо иллюзии в отношении дальнейших перспектив: оставаться в Латинской империи не было смысла. Робер де Клари не скрывает пережитого им разочарования от бесплодного, с точки зрения людей его круга, учас-

²⁴ Geoffroy de Villehardouin. Op. cit., XXIV, p. 109.

²⁵ Ibid., LXXXVI, p. 166.

тия в такой, казалось бы, поначалу «многообещающей» авантюре, каковой обернулся для массы рыцарей Четвертый крестовый поход.

Насколько скудно мы осведомлены о жизненном пути Робера де Клари, настолько же бедны и данные о его культурном кругозоре, об источниках, в которых он черпал материалы для своей хроники, когда они выходили за пределы виденного им самим или известного ему из рассказов других участников похода. Данные эти тоже приходится извлекать в основном лишь из самого его сочинения.

Стилистический анализ показывает, что Робер де Клари испытал влияние «песен о деяниях» (*chansons de geste*) и иных произведений рыцарского эпоса²⁶. Хронист сплошь и рядом именует рыцарей *preudons et vaillans* («доблестные и отважные»): устойчивое сочетание этих прилагательных — отголосок или имитация привычного в рыцарской поэзии словоупотребления. Отпечаток ее несут и другие стереотипные речевые обороты и описания: венецианского флота (гл. XIII: «Никогда и ни в какой стране не видывали и нигде не бывало собрано в одном месте такого флота, который был бы столь же прекрасен и столь же богат, как этот»), константинопольских дворцов (гл. LXXXIII: «И был этот дворец столь богат и столь благоден, что невозможно было бы вам ни описать великолепие и великое богатство этого дворца, ни рассказать» о них) и т. д. Жестко скрепленные эпитеты, обобщенно-расплывчатые определения, не содержавшие каких-либо предметно-вещных примет описываемого, — характерные признаки творчества поэтов-сказителей²⁷. В хронике Робера де Клари, кроме того, встречаются упоминания о Троянской войне (гл. XL и CVI), об Александре Македонском (гл. гл. LXXXI и CIII), о могущест-

²⁶ См.: *Mc Neal E. H.* Chronicle and Conte: a Note on Narrative Style in Geofrey of Villehardouin and Robert de Clari.— In: *Festschrift Blakemore Evans*. Columbus (Ohio), 1945, p. 220—113; *Lejeune R.* Recherches sur le thème: les chansons de geste et l'histoire. Liège, 1948; *Frappier J.* Réflexions sur les rapports des chansons de geste et de l'histoire.— *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1957, LXXXIII, p. 1—19 etc. Воздействие *chansons de geste* и рыцарских романов проявляется также в записках Жоффруа де Виллардуэна (см.: *Jeanette Beer M. A.* Villehardouin and the oral narration.— *Studies in Philology*, 1970, LXVII, p. 267—277; *Eadem.* Villehardouin, Epic Historian, p. 7 etc.). Тем не менее исследователи, считающие, будто записки Робера де Клари, а равно и Виллардуэна, находятся «на грани беллетристики» (*Михайлов А. Д.* Французский рыцарский роман. М., 1976, с. 260), сильно преувеличивают элемент художественного вымысла в произведениях обоих авторов.

²⁷ *Gallais P.* Recherches sur la mentalité des romanciers français du Moyen Age.— *Cahiers de Civilisation Médiévale*, 1964, t. VII, N 4, p. 479—493; *Jonin P.* Le climat de croisade dans les chansons de geste.— *Ibid.*, N 3, p. 279—288; см. также: *Gsteiger M.* Die Landschaftsschilderungen in den Romanen Chrétien de Troyes: Literarische Tradition und künstlerische Gestaltung. Bern, 1958, S. 13 etc.

ве империи Карла Великого (гл. LXXXI), т. е. затрагиваются некоторые наиболее популярные в рыцарской среде XII в. эпические сюжеты²⁸. Исследователями установлены даже прямые аналогии, если не текстуальные совпадения, с некоторыми произведениями такого рода (в частности, Готье Аррасского). Открыты также черты близости (содержательной и стилистической) с отдельными памятниками документального и прикладного типа: с «Посланием» легендарного эфиопского священника Иоанна²⁹, впервые приведенным в хронике французского монаха Альбрика де Труафонте́на около 1165 г.³⁰ (и там и здесь: «громадность города и дворцы, и богатые аббатства, и богатые монастыри, и великие чудеса» — гл. LXXXIV), с путеводителем для паломников — «Чудеса города Рима», наполненным столь же неопределенными, в «превосходной степени» упоминаниями о дворцах, церквях, колоннах, статуях, святынях и т. п. Предполагают еще, что Робер де Клари был знаком с одним из французских переводов хроники Гийома Тирского (1130—1186) «История войн, ведшихся в заморских землях», выполненным кем-то из его продолжателей. Возможно, она явилась для него источником сведений о событиях на франкском Востоке накануне и в период Третьего крестового похода.

Разумеется, исследователь вправе говорить лишь о влиянии, которое могли оказать на Робера де Клари подобные произведения. По существу, однако, мы не знаем «литературного контекста» Робера де Клари и почти ничего — о его литературной подготовке, равно как и об образцах, которым он сознательно или невольно подражал³¹. Обилие общих мест в описаниях всего того, что поражаало хрониста своим величием и красотой, нетрудно объяснить и скудостью его лексики: деревенский житель, впервые предпринявший путешествие по морю и волей судьбы перенесенный из затерянного пикардийского селеньица в огромную столицу Византийской империи, он просто не находил достаточно слов, чтобы адекватно выразить свои впечатления от всего необычайного и увиденного. Его собственный жизненный опыт был слишком ничтожен, чтобы он мог «подобрать» эпитеты, точно характеризующие то, что открылось его взору³².

Во всяком случае, наиболее существенным источником информации хрониста — там, где он не выступает непосредственным

²⁸ См., например: *Wolledge B.* La légende de Troie et les débuts de la prose française.— In: *Mélanges de linguistique et de littérature romanes offerts à M. Roques.* Bade; Paris, t. 2, 1953, p. 313—324.

²⁹ См.: *Slessarew V.* Priestester John: The Letter and the Legend. Minneapolis, 1957.

³⁰ *Albrici monachi Trium Fontium Chronica.*— MGHSS, XXIII, p. 848.

³¹ *Dembowski P.* A propos de l'application de la stylistique à la prose de l'ancien français.— In: *Actes du Xe Congrès International de linguistique et philologie romane.* P., 1965, t. 2, p. 582.

³² *Dufournet J.* Op. cit., p. 364—365; *Dembowski P.* Robert de Clari: Etude de la langue et du style. Toronto, 1963, p. 79.

свидетелем и очевидцем, а повествует о событиях, предшествовавших крестовому походу, — являлась устная традиция, которая бытовала либо в кругу тех латинян, кому приходилось бывать в Восточном Средиземноморье (прежде всего венецианцев, наслышанных, вероятно, об обороне Тира против Саладина, о роли Конрада Монферратского и т. д.), либо среди греков. Эта информация нередко тоже, впрочем, перерабатывалась Робером де Клари в эпическом духе. Зачастую хрониста занимало не столько историческое зерно полученных сведений, сколько вообще все «необыкновенное» — и в поступках людей и в происшествиях с ними свершавшихся³³.

В целом духовный облик пикардийского хрониста — облик мелкого рыцаря Северной Франции. Ему чужды куртуазность, культ дамы сердца и т. д. В изображении женщин хронист следует однозначным по своей классовой сути канонам, выработавшимся в суровой и духовно ограниченной социокультурной среде. Он довольствуется лаконичными определениями, в которых почти отсутствуют указания на какие-либо физические или душевные достоинства либо недостатки особ женского пола. Пожалуй, единственное исключение в этом плане — эпитет «красивые» (гл. XXI, где говорится о женщинах, над которыми надругался византийский император Андроник I). Феодал-воин, чтивший в межличностных отношениях в первую очередь вассальные и семейные узы, Робер де Клари всегда заботится главным образом только о том, чтобы точно обозначить степень родства или семейной близости дамы с высокопоставленными героями своего повествования — остальное вплоть до имен его почти не интересует. Если женщины и упоминаются, то едва ли не обязательно с присовокуплением родственно-титulyного статуса. Почти все они дамы знатного происхождения, находящиеся на верхних ступенях феодальной иерархии (сестра французского короля — гл. XIX; LIII; дочь маркиза Бонифация Монферратского — гл. CXV; дочь византийского императора Кирсака (Исаака II Ангела) и она же супруга германского короля — гл. XVII; жена иерусалимского короля — гл. XXXVIII и т. п.). Эти знатные дамы предстают обезличенными носительницами высоких феодальных титулов и родственницами каких-либо знатных персон — типично феодальная манера символизированного изображения представительниц слабого пола. Только в нескольких случаях Робер де Клари мимоходом говорит о женщинах более низкого социального положения (гл. IX, XCVIII, LXXIII).

Представляет интерес проблема религиозности автора «Завоевания Константинополя», его приверженности принципам официальной церковной идеологии и, что наиболее важно в плане нашего анализа, провиденциалистской доктрине, глубоко пронизы-

³³ Ср.: *Pauphilet A. Sur Robert de Clari*, p. 296—297.

вающей хронографию крестовых походов³⁴. В общем его повествование, как и записки Жоффруа де Виллардуэна, имеет ярко выраженную «мирскую» окраску; причем пикардийцу присуща склонность живописать и даже измышлять приключенческие, сюжетно увлекательные, романтические эпизоды событий. В этом отношении хроника Робера де Клари резко отличается от повествований современных ей церковных летописцев, выделяясь своим светским тоном, поюсторонностью подачи материала и его освещения. Тем не менее хронист — человек своего времени, и религия занимает определенное место в его образе мышления, в его манере преподнесения описываемого. При этом черты религиозности и провиденциалистских воззрений автора³⁵ выступают перед нами скорее в качестве привычных аксессуаров представлений об обыденном, укоренившихся в рыцарской среде, чем в виде глубокой убежденности в постоянном божественном вмешательстве в земные дела как факторе, предопределяющем их развитие. Взглядам пикардийца чужды та сгущенная религиозная истовость и экзальтация, которая порой свойственна была даже светским хронистам начального периода крестовых походов (вера в каждодневные чудеса, в реальность священных небылиц, в явления небожителей на поле боя, в вещи сны и пр.). Всего этого у рыцаря начала XIII в. почти нет и в помине. Провиденциалистско-религиозные слагаемые воззрений Робера де Клари — это во многом, хотя и не всегда, традиционные стереотипы, принятые и потому не требующие дополнительных размышлений оценки, само собой разумеющиеся способы описания явлений повседневности.

И все же духовный облик хрониста в этом отношении двойствен. «Мирское», реалистичное, будничное восприятие прошлого и настоящего уживается и иногда тесно сплетается с религиозным подходом к тому и другому, причем в описании событий превалирует все же светское, а не трансцендентно-провиденциалистское начало. Религиозные ценности, почерпнутые в сфере христианской образованности, равно как и общие элементы христианских воззрений, отразившиеся в хронике³⁶, представляют собой довольно тонкую оболочку, окутывающую мирское в своей основе видение рыцарем — повествователем происходящего на его глазах или совершившегося ранее. Фундамент его исторического рассказа составляют сами по себе поступки действующих лиц, обуславливаемые вполне земными причинами и мотивами: честолюбием и властолюбием, алчностью, жестокостью, любовью, дружескими привязанностями или антипатиями, жадной возмездия, мудростью

³⁴ См. подробно: Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов: (Латинская хронография XI—XIII вв.). М., 1966, с. 43, сл.

³⁵ См.: Bagley C. P. Robert of Clari's La Conquête de Constantinople.— *Medium Aevum*, 1971, N 2, p. 110—111; Dufournet J. Op. cit., p. 367—369.

³⁶ См.: Larmat J. Sur quelques aspects de la religion chrétienne dans les chroniques de Villehardouin et de Clari.— *Le Moyen Age*, 1974, LXXX, p. 403—427.

или глупостью, хитростью и коварством либо, наоборот, простодушием и т. д. В большинстве поворотных для судеб Четвертого крестового похода событий решающим фактором (как, кстати, и у Жоффруа де Виллардуэна) оказывается просто случай.

Элементы религиозности, провиденциалистского толкования истории присутствуют в записках главным образом в виде клише средневекового мышления. Таковы выражения, восходящие к Библии, к литургическим текстам, почерпнутые в лексиконе церковной проповеди крестовых походов. Такова система отсчета времени: события датируются по церковным праздникам (гл. XIII, XIV, LXIX, LXX и др.), иногда же церковный календарь применяется наряду с обычным (гл. IX). Сплошь и рядом хронист употребляет (но гораздо реже, чем Виллардуэн)³⁷ расхожие фразеологизмы богослужебной практики (клирики «запели торжественный гимн „Приди, о дух всевидущий“» — гл. XIII; перед высадкой в Константинополе все крестоносцы «исповедались и причастились» — гл. XLI и т. д.). Робер де Клари, видимо, знаком был, хоть и поверхностно, со «священными» текстами. А. М. Нада Патроне высказала не лишнее основания предположение (следуя, впрочем, аналогичной гипотезе, выдвинутой Дженетт Бир в отношении Виллардуэна³⁸), что пикардийский хронист, быть может, знал появившиеся в конце XII — начале XIII в. французские переводы Ветхого и отдельных частей Нового завета³⁹. Трафаретно клишированы подчас используемые Робером де Клари формулировки, заимствованные из фразеологического репертуара церковной пропаганды крестовых походов. Вероятно, хронист был осведомлен о содержании папских булл, возвещавших войну католиков против «неверных» (1198 г.), и в большей степени о содержании крестоносных проповедей приходского священника Фулька из Нейи, а также выступлений тех клириков, которые примкнули к рыцарскому воинству. Их суждения и доводы Робер де Клари воспроизводит — и не единожды (к примеру, речи епископов, произнесенные накануне апрельского штурма Константинополя (1204 г.) и обосновывавшие «законность» войны с христианами-греками — гл. LXXII). Не указывает ли старательность, с которой Робер де Клари передает выдвигавшиеся церковниками мотивировки захвата Константинополя, на то, что он явно стремится внушить своим слушателям мысль, которая возвышала рыцарей в их собственных глазах во время корковых для Византии апрельских дней 1204 г.? Они действовали по слову своих духовных пастырей! Вполне возможно, даже вероятнее всего, что внут-

³⁷ См.: *Jeanette Beer M. A. Villehardouin: Epic Historian*, p. 13—14.

³⁸ *Ibid.*, p. 14—17.

³⁹ См.: *Berger S. La Bible française au moyen âge*. P., 1884; *Decoo W. La Bible française du XIIIe siècle et l'Évangile selon Marc.* — *Romanica Gandestina*, XII. *Études de philologie romane*, 1969, p. 53—65. Ср.: *Roberto di Clari. La conquista.*, p. 30.

ренне и сам хронист приемлет подобные проповеди, но, во всяком случае, приводя их в усвоенной им клишированной форме, он безусловно стремится оправдать таким образом рыцарскую агрессию против Византии.

Итак, у Робера де Клари отсутствуют особая глубина и основательность субъективного восприятия религиозных идей. Хотя влияние богословской литературы и официальной крестоносной проповеди сказывается в отдельных местах хроники, но в достаточно дозированной мере, и не им определяются главные направления мысли автора. Помимо существенно снизившегося к началу XIII в. общего накала бывшего крестоносного энтузиазма, это обстоятельство объясняется еще и низким уровнем образования хрониста. Он по-своему убедительно рассказал историю завоевания Константинополя крестоносцами⁴⁰, но так, как это способен был сделать человек невысокой культуры, зато наделенный богатым воображением. Записки Робера де Клари — это, пожалуй, первое в латинской хронографии повествование, созданное автором-рыцарем, не получившим сколько-нибудь солидных по тем временам теологических и литературных познаний, не приобретшим обязательных для тогдашней образованности навыков историописания. Отсюда также проистекает приглушенное звучание в хронике религиозных, в частности, провиденциалистских мотивов (например, в гл. I, XXIV, XXXIV, XXXVI, LXVI). Если они и пробиваются сквозь плотную «мирскую» ткань произведения, то преимущественно в тех местах его, где речь идет о некоторых наиболее драматичных и, с точки зрения автора, важных событиях, которые он не в состоянии уяснить иначе как допустив вмешательство всевышнего. В этих случаях мысль хрониста всерьез, а не только в виде дань традиции обращается к небесному промыслу. К событиям тут «въявь» подключаются сверхъестественные силы, и тогда движение истории действительно направляется перстом божьим: он чудесным образом ведет к торжеству «справедливого» дела крестового похода, а «зло» и те, кто его воплощал, несут заслуженную «кару». «Реализм» исторического видения, иначе говоря, имеет у Робера де Клари свои пределы. Так, жизнь Кирсаку

⁴⁰ Многие исследователи отмечают у хрониста «интуицию подлинной историчности», «стихийное начало историка», справедливо отвергая попытки некоторых скептиков противопоставлять записки пикардийца произведению Жоффрау де Виллардуэна, который представлялся «настоящим историком», тогда как Клари этого звания не удостоивался. В действительности, писал А. Пофилэ, «Робер де Клари гораздо менее далек от Виллардуэна как «настоящий историк», чем это кажется на первый взгляд. Он вполне прилично для человека его положения осведомлен о многом, утаиваемом Виллардуэном, по крайней мере у него «не больше ляпсусов и неверных толкований, чем у какого-нибудь образованного грека вроде Никиты Хониата» (*Pauphilet A. Sur Robert de Clari*, p. 290—292, 294 etc. Ср.: *Dufournet J. Op. cit.*, p. 343; *Dembowski P. La Chronique de Robert de Clari: Etude de la langue et du style*, p. 121; *Bagley C. P. Op. cit.*, p. 109).

(ведь ради его «законного» восстановления на константинопольском престоле крестоносцы и переменяют впоследствии направление своего похода) некогда сохранил спустившийся с небес ангел: он избавил Кирсака от смертоносной стрелы, которую готов был пустить в него Андром (Андроник I), — небесный посланец порвал тетиву лука «предателя» (гл. XXIII—XXV). В день вторичного штурма Константинополя (12 апреля 1204 г.) корабль епископа Суассонского «чудом божьим» вплотную пристал, точнее, был прибит волной к башне, которой крестоносцы затем успешно овладели (гл. LXXIV). При этом герой-рыцарь Андрэ де Дюрбуаз, невзирая ни на что, сумел вскарабкаться на укрепления и, устояв перед многочисленными греками, проложить дорогу своим соратникам: он смог это сделать, поскольку храброго рыцаря «оберегал господь, который не хотел, ни чтобы его избивали и дальше, ни чтобы он здесь умер» (Там же). Точно так же господь поражает спящего Иоанна Валашского (Калояна), когда тот вознамерился захватить «Андринополь», уже вошедший в состав Латинской империи, — небесный покровитель города св. Димитрий пронзил болгарского правителя копьем (гл. CXVI).

Что касается священных небылиц, то в хронике детально передается только одна-единственная церковная история такого типа, но лишь для того, чтобы объяснить происхождение реликвии, найденной крестоносцами в константинопольском храме св. Софии (гл. LXXXIII).

Итак, в основе своей записки Робера де Клари окрашены в живые, «мирские» тона, проникнуты земным восприятием происшедшего. Да, всевышний оберегает Андрэ де Дюрбуаза от врагов, но для Робера существеннее отвaga этого рыцаря сама по себе, как и всех других, которые «совершили там более всего ратных подвигов» (гл. I). На переднем плане у хрониста — самоценность «ратных подвигов», а не сопричастность к ним трансцендентных сил.

Характеристика духовного облика Робера де Клари была бы неполна, если пройти мимо того факта, что он излагает события на разговорном языке и в этом отношении его хроника тоже является одним из самых ранних во французской литературе прозаических повествований такого рода. В Северной Франции (как и во Фландрии) разговорный язык входит в литературный обиход на рубеже XII—XIII вв.⁴¹ Обращение к прозе стало считаться показателем серьезности намерений писателя⁴². Робер де

⁴¹ См.: *Wolledge B., Clive H. P. Répertoire des plus anciens textes en prose française.* Genève, 1964, p. 271; *Jeanette Beer M. A. Villehardouin: Epic Historian,* p. 2—3.

⁴² См.: *Köhler E. Zur Entstehung des altfranzösischen Prosaromans.— Wissenschaftliche Zeitschrift der Fr. Shiller-Universität Jena.* 1955—1956, V, S. 287—292; *Wolledge B., Clive H. P. Op. cit.,* p. 24—25, 34, 100; *Jeanette Beer M. A. Villehardouin: Epic historian,* p. 2.

Клари и не умел, конечно, писать стихами: для овладения этим искусством простому рыцарю требовалось иное образование сравнительно с тем, которым обладал пикардиец. Он изъяснялся простонародным стилем, понятным читателям и слушателям его хроники, т. е. ориентировался на аудиторию, чей культурный уровень, как и его собственный, был более чем скромным. Произведение его действительно — на это указывают, в частности, периодически повторяющиеся обращения автора к потенциальным слушателям («теперь мы расскажем вам» — гл. LXVI, «теперь вы слышали правду» — гл. CXX) — предназначалось для чтения вслух. Язык хроники, несмотря на то что автор поручил «предать письменам правду» грамотному копиисту (гл. CXX), сохраняет свежесть и непосредственность разговорной речи⁴³. В передаче переписчика удерживается все своеобразие пикардийского диалекта — собственно разговорного французского языка севера страны в XIII в.⁴⁴ Хроника Робера де Клари — первый историко-литературный труд, созданный на этом диалекте. Хронист пользуется обиходным языком вовсе не для того, чтобы оградить свое произведение от элементов мифологизации, что часто было связано с употреблением литературной речи. Робер де Клари прекрасно осознает, что повествует об исторических событиях и поэтому подчеркивает правдивость рассказанного им как свидетелем происшедшего (гл. CXX). Просто хронист (а равно и его переписчик), как видно, не владел французским литературным языком, на котором, скажем, диктовал свой труд, сочиненный примерно в тот же период, Жоффруа де Виллардуэн. Иногда, впрочем, Робер де Клари включает в ткань своего рассказа — словно вопреки собственному желанию — литературные синтаксические обороты, но все равно сохраняет пикардийскую диалектную специфику (и в морфологии и в орфографии)⁴⁵. С наибольшей же живостью, динамизмом и экспрессией он передает события все-таки там, где прибегает к одному только разговорному языку.

Сказанное в особенности верно в отношении тех случаев (подсчитано, что их в хронике 95), когда воспроизводится прямая речь действующих лиц⁴⁶. Конечно, Робер де Клари черпает тут

⁴³ См.: *Tyssens M.* Le style oral et les ateliers de copistes.— In: *Mélanges de linguistique romane et de philologie médiévale offerts à M. Maurice Delbouille*, Gembloux, 1964, t. 2, p. 659—675.

⁴⁴ См.: *Dembowski P.* La Cronique de Robert de Clari..., p. 13—59.

⁴⁵ См.: *Schon P.* Studien zum Stil der frühen französischen Prosa: Robert de Clari, Geoffroy de Villehardouin, Henri de Valenciennes. Frankfurt a. M., 1960, S. 43—44; *Dembowski P.* La Chronique de Robert de Clari..., p. 80.

⁴⁶ Введение прямой речи как способ драматизации повествования — прием, широко применявшийся и в chansons de geste, и в художественной прозе, и в хронографии. См.: *Frappier J.* Les discours dans la chronique de Villehardouin.— In: *Etudes romanes dédiées à M. Roques*, P., 1946, p. 39—55; *Idem.* Le style de Villehardouin dans les discours de sa chronique.— *Bulletin of the John Rylands Library Manchester*, 1946, XXX, N 1, p. 56—70.

вдохновение исключительно в своей фантазии: он не мог слышать разговоры, которые вели между собой знатные сеньоры, византийские вельможи или греки из простонародья за 20 лет до описываемых событий (гл. XXI, XXII). Однако речи эти — от кратких реплик до пространных монологов и диалогов — типичный пример и образа мышления хрониста и его манеры выражать свои взгляды. В гл. LIX дож Энрико Дандоло, разгневанный неуплатой Алексеем IV денег, которые тот обещал выдать крестоносцам за оказанную услугу, бросает ему в лицо с угрозой слова: «Дрянной мальчишка, мы вытащили тебя из грязи... и мы же втолкнем тебя в грязь» (*Garchons malvais, nous t'avons... gete de la merde et en la merde te remetrons*). В гл. CXI, упоминая о надписи на одной из статуй в Константинополе, содержавшей якобы пророчество о плачевной участи, которая постигнет в Византии пришельцев с Запада, Робер де Клари формулирует это пророчество прямой речью, позволяющей представить непристойный по грубости смысл предсказания. Даже когда хронист силится творить «литературно», он не может удержаться от того, чтобы не употребить простецких (иначе он и не умеет) словечек и выражений (гл. LVIII).

В целом лексикон Робера де Клари беден. Сравнительно разнообразнее его словарный запас лишь в тех пассажах, где ему приходится говорить о наиболее близком ему предмете — о воинах-крестоносцах. Чрезвычайно существенная черта духовного и культурного облика хрониста — его наблюдательность, острота социального зрения. Робер де Клари отчетливо видит различия в общественном положении участников крестового похода⁴⁷. Он выделяет среди них несколько основных категорий. Это прежде всего «могущественные и знатные бароны», предводители крестоносцев, лица высокого происхождения, богатые и влиятельные, те, по отношению к которым хронист, как будет показано далее, питает открытую неприязнь (*li baron, li haut baron, li haut homme, li rike homme haut*); затем «знатные рыцари» и «бедные рыцари» (*chevaliers haus hommes* и *les povres chevaliers*), т. е. все те, кто хотя и принадлежал к феодальной аристократии, но занимал более низкие ступени на ее иерархической лестнице, не пользуясь ни политическим весом, ни имущественным достатком; далее идет «меньшой народ войска» (*menu gens или la quemun de l'ost*), куда относились оруженосцы (*serjans* — гл. LXII), конные (*a cheval* — гл. LXVI, XCVIII и др.) и пешие (*a pie* — гл. XLV, XLVII, LXII и др.). Конные оруженосцы — более высокая социальная группа по сравнению с пешими, следующая тотчас после *chevaliers*: по договору с Венецией плата за перевозку рыцаря

⁴⁷ Подробный анализ см.: *Gougenheim G. De «chevalier» à «cavalier».* — In: *Mélanges de philologie romane et de littérature médiévale offerts à E. Hoepffner.* P., 1949, p. 117—126; ср.: *Dufournet J. Op. cit., p. 384—385.*

составляла 4 марки (гл. XI), за конного оруженосца — 2 марки (Там же); говоря о распределении константинопольской добычи, Робер называет *serjans a cheval* поименно (гл. XCVIII). Наконец, упоминается масса людей, сопровождавших войско — «низший люд» (*bas gens*): это обслуга, например: повара (*cuisiniers* — гл. XLV), конюхи, охранявшие лошадей (*garchons qui les chevaux gardoient* — гл. XLV), щитоносцы (те самые — по два на каждого рыцаря, — о которых упоминает Жоффруа де Виллардуэн в V гл. своих записок), а также женщины и дети, следовавшие за родителями (гл. XCVIII), и, наконец, женщины легкого поведения (гл. LXXIII).

Сказанное выше о точности лексических нюансов в словаре нашего автора верно и для случаев, где он старается разъяснить употребляемые им военные термины, которые не всеми могли быть поняты: *арьергард* (гл. XLV), *юиссье* (гл. XLIII), командир боевого отряда (*maistre-meneur de la bataille* — гл. XLVII). В то же время Робер де Клари не слишком задерживается на церковных понятиях — потому ли, что они хорошо знакомы его аудитории, либо оттого, быть может, что он и сам не представлял себе как следует их значения⁴⁸, а если подчас пытался выказывать свою «образованность», то допускал явные ляпсусы (так, св. Софию в Константинополе он отождествлял с христианской троницей — гл. LXXXV)⁴⁹.

Робер де Клари, несомненно, обнаруживает яркие способности рассказчика. Он стремится увлечь свою аудиторию, сделать рассказ понятным и интересным, придать ему драматизм и правдоподобие. Бросается, однако, в глаза однообразие употребляемых им прилагательных: словами *rike* (могущественный), *biaus* (красивый), *poble* (знатный, прекрасный), *haut* (высокий — в смысле знатный) определяются довольно разнородные объекты — одушевленные и неодушевленные; все они предстают какими-то нивелированными, тусклыми. Вряд ли это можно объяснить только ограниченностью общей культуры автора⁵⁰. Перенасыщенность лексическими стереотипами была характернейшей чертой литературы того времени, включая хронографию⁵¹, и стиль Робера де Клари полностью находится в русле тогдашних литературных канонов. Вместе с тем он обладает своей спецификой, неповторимой манерой речи. В его хронике события проходят перед нами в их по-

⁴⁸ См.: *Dembowski P.* En marge du vocabulaire de Robert de Clari: *buhotiaus*, *conterre*, *sydoines*. — *Romance Philology*, 1961, XV, p. 12—18; *Gougenheim G.* A propos de *l'habitaclie* chez Robert de Clari. — In: *Gougenheim G.* *Etudes de grammaire et de vocabulaire français*. P., 1970, p. 330—339.

⁴⁹ *Dufournet J.* *Op. cit.*, p. 366 etc.

⁵⁰ *Dembowski P.* *La Chronique de Robert de Clari...*, p. 80; *Gougenheim G.* *Le sens de noble et des ses derivés chez Robert de Clari*. — *Romance Philology*, 1950, N 3, p. 270—272.

⁵¹ *Dembowski P.* *La Chronique de Robert de Clari...*, p. 73—84; *Idem.* *A propos de l'application de la stylistique...*, p. 577—588.

вседневной обыденности, и одним из важнейших средств в такой житейски подлинной передаче исторических фактов служит разговорный — скудный по необходимости — язык хрониста. Он описывает все то, что казалось ему необыкновенным, в самых обычных словах, употребляя выражения, доступные слушателям из его социальной среды. Там же, где он вводит термины, точного значения которых и сам не понимает, да еще опасается, что они окажутся неясными и слушателям (читателям), хронист разъясняет их с помощью описательных оборотов простой, понятной речи: «икона» (anscoppe) — «образ пресвятой девы» (un umage de Nostre Dame — гл. LXVI); «терем» над алтарем (habitacle) — сооружение, «сделанное наподобие колокольни» (ains fais, comme un clokiers — гл. LXXXV); императорский паллий (palle) — «одеяние, которое, подобно сутане, ниспадало впереди от шеи до сапожек, а сзади было таким длинным, что его свертывали и потом перебрасывали позади через левую руку» (гл. XCVI).

Отметим еще одну особенность исторического менталитета и повествовательной манеры Робера де Клари — его несомненное пристрастие к описаниям удивительного и великолепного («две трети земных богатств», якобы собранных в Константинополе (гл. LXXXI), величайшие сокровища Влахернского дворца (гл. LXXXIII), «чудо, которое было в городе» (кроме ипподрома) (гл. XCI) или даже «все чудеса, о которых я вам здесь поведал» (гл. XCII) и т. д.). Примечательно, однако, что набор выразительных средств у Робера де Клари почти лишен цветов. Палитра хрониста, как установила А. М. Нада Патроне, состоит из трех: белого, черного и алого (не считая, разумеется, золота и серебра). А ведь Робер де Клари видел перед собой и пышный венецианский флот во всем многоцветье рыцарских флажков, украшавших борта кораблей, он лицезрел красочное богатство дворцовых и церковных мозаик Константинополя, был очевидцем красочнейшей церемонии коронации Бодуэна IX Фландрского, о которой пишет весьма предметно, но... бесцветно (гл. XCVI). Видел там Робер и баронов: все они «были очень богато одеты... не было ни одного француза или венецианца, который не имел бы одеяния из парчи или шелковой материи» (гл. XCVI). Каких цветов были все эти одежды? Таким вопросом рассказчик даже не задается.

Лексикон Робера де Клари по-своему строго и точно отражает его феодальное восприятие виденного: хронист интересовал лишь предметные черты константинопольских ценностей, лишь вещественные атрибуты коронационного ритуала, он замечал только золото и серебро, парчу и шелк, но не обращал никакого внимания на их цветовые признаки: они его не занимали. Прimitивный человек XIII в., он был не в состоянии, конечно, давать сколь угодно тонкий анализ происходившего, применяя изысканную лексику. Эти неизбежные изъяны повествования искупаются и

возмещаются четкостью, живостью описаний, искренностью, ясностью передаваемых автором впечатлений, меткостью и простотой суждений.

В этом отношении рассказ Робера де Клари, особенно когда он выступает очевидцем, намного ближе к действительности, чем изложение событий в хронике Жоффруа де Виллардуэна. Робер де Клари впечатлительнее, непосредственнее, экспансивнее, он не в силах «упрятать» свои эмоции в «кольчугу» литературно отделанных фраз. В «человеческом» плане его повествование ближе к исторической правде и не имеет себе равных в латинской хронографии XIII в.

*Историк: концепция, ее идейная доминанта
и социально-политическая направленность*

В связи с выявлением культурно-исторической специфики, исходных позиций и принципов освещения Робером де Клари событий Четвертого крестового похода неизбежно возникает вопрос о побудительных мотивах, заставивших рядового, полуграмотного или вовсе не грамотного участника рыцарской авантюры повествовать современникам и потомкам ее историю. Иначе говоря, возникает проблема концептуального содержания рассказа о задарско-константинопольском предприятии крестоносцев. Только раскрыв это содержание, мы сумеем оценить труд Робера де Клари как закономерное порождение исторической мысли западного средневековья «классического» периода.

Авторы всех латинских хроник крестовых походов декларируют свою бескорыстную приверженность к истине как главный стимул их написания. Робер де Клари также верен такого рода риторической декларативности. В заключение записок он счел необходимым продиктовать писцу фразу, по меньшей мере трижды уведомлявшую будущих читателей и слушателей о том, что они «слышали правду, как был завоеван Константинополь». И хотя многие «добрые рассказчики смогли изложить все это лучше него», но его труд имеет то неоспоримое, как он считает, преимущество перед прочими, что в нем «во всем» передана «подлинная правда», пусть кое-что и пропущено, поскольку он просто не смог всего вспомнить (гл. СХХ). В этом пассаже ощущается какой-то скрытый полемический подтекст — в самом повествовании не встречается инвектив против кого-либо из «добрых рассказчиков». Чтобы уяснить концептуальный смысл произведения и его направленность, историку и здесь приходится обратиться к самой «материи» записок.

Авторы хроник крестовых походов, в том числе и Четвертого, писали свои сочинения, преследуя (умышленно либо бессознательно) практические (политические, нравственно-дидактические,

религиозные) цели⁵². Жоффруа де Виллардуэн хотел обелить вождей крестоносного предприятия, окончившегося при их прямом содействии завоеванием христианской Византии. Венецианские хронисты рассчитывали своей версией событий реабилитировать политику Венеции — одной из главных политических сил, толкнувшей крестоносцев в сторону Св. земли. Безвестный составитель «Деяний Иннокентия III» старался представить папу непричастным к «уклонению» крестоносцев с пути и даже принципиальным противником нападения на Константинополь и т. д. Были ли у Робера де Клари подобного же рода внутренние стимулы, чтобы поведать «одну только правду» о завоевании Константинополя?

Высказывалось предположение, что хроника Робера де Клари была инспирирована монахами Корбийского аббатства с целью удостоверить аутентичность переданных им туда «святынь»⁵³. В двух главках «Завоевания Константинополя» (XXXII и XXXIII) действительно рассказывается о реликвиях, которые Робер де Клари видел в часовне дворца Вукoleon (они идентичны, кстати, упоминаемым русским паломником Добрыней Ядрейковичем (Антонием Новгородским) в его описании Константинополя), но, кроме этого факта, нет никаких данных, которые могли бы подтвердить такую гипотезу. В повествовании Робера де Клари отсутствует малейший намек на те церковные ценности, которые он вывез из Константинополя и передал в Корби. Ясно, что пикардиец задумал свой труд отнюдь не с религиозными целями и вряд ли создавал его по внушению корбийских монахов.

Высказывалось предположение, будто цель хрониста состояла в том, чтобы воспеть подвиги своего сюзерена — Пьера Амьенского. Последний, однако, вообще не занимает в хронике сколько-нибудь значительного места. О действиях этого сеньора в качестве боевого командира *chevaliers* говорится только один раз (гл. XLVII—XLVIII): автор подробно рассказывает здесь о продвижении отрядов крестоносцев к Константинополю, о том, как граф Фландрский, опасаясь огорчаться от основных сил, отошел назад, а Гюг де Сен-Поль и Пьер Амьенский отказались последовать за ним, пригрозили ему разрывом и т. д. Хронист, кажется, одобряет поведение сюзерена — ему импонирует наступательный дух Пьера Амьенского⁵⁴. Тем не менее считать на основании только данного отрывка, что вся хроника была задумана во имя апологии видама Амьенского, не приходится.

⁵² См.: Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов, с. 26—38.

⁵³ См.: *Roberto di Clari. La conquista...*, p. 64.

⁵⁴ Жоффруа де Виллардуэн довольствуется в данном случае указаниями на численное неравенство сил (у крестоносцев было всего 6, а у греков — 40 боевых отрядов) и кратко оттеняет особенности тактики сторон. Факты же, которым Робер де Клари придает столь важное значение, маршал Шампанский вовсе опускает. См.: *Geoffroy de Villehardouin. Op. cit., XXXVII, p. 122. Co.: Dufournet J. Op. cit., p. 372.*

Робер де Клари приводит немало фактов о деяниях крестоносцев в Константинополе — о захватах земель, расхищении богатств, уничтожении памятников искусства и т. д. Может быть, он собирался своим рассказом предьявить своеобразный обвинительный акт вождям крестоносцев, уличив их в алчности, в том, что она одержала у них верх над религиозными соображениями? Подобное предположение было бы искусственным. Очень немногие западные наблюдатели начала XIII в. вроде генуэзского хрониста Оджеро Пана осуждали варварство крестоносцев в Константинополе, да и позиция упомянутого хрониста объясняется тем, что он выражал взгляды купечества соперницы Венеции на Средиземном море — Генуи⁵⁵. Остальные современники в Западной Европе молчали (сбросим со счетов лицемерные и быстро прекратившиеся lamentации Иннокентия III): создания Латинской империи оказалось достаточным, чтобы заглушить голоса «христианской совести» католических авторов. Нашелся даже хронист (немец Оттон Сен-Блезский, продолжатель Оттона Фрейзингенского), посчитавший завоевание Константинополя «знаком божьего милосердия»: господь ведь отдал город не сарацинам, а как-никак христианам⁵⁶. Открытые обличения содеянного крестоносцами исходили почти исключительно из среды византийских и других восточноевропейских очевидцев. (константинопольский историк Никита Хониат, безымянный русский автор «Повести о взятии Царьграда фрягами»)⁵⁷. Приписывать такого рода замыслы Роберу де Клари нет ровно никаких оснований.

А. М. Нада Патроне склоняется к некоей «нейтральной» точке зрения: Робер де Клари не питал, по ее мнению, каких-либо иных намерений, кроме тех, которыми он сам чистосердечно делится со своими читателями и слушателями в гл. СХХ: рассказать правду об этом завоевании, представив некий отчет о необычайном предприятии, участником которого он сам являлся⁵⁸. Такие свидетельства очевидцев выше всего ценились в сфере истории и, как показал Э. Г. Мак Нил (США), были широко распространены в XIII в.⁵⁹ Записки пикардийца не составляли чего-либо из ряда вон выходящего. Схема Нада Патроне поначалу мо-

⁵⁵ *Ogerii Panis Annales.*— In: *Annali Genovesi di Caffaro e di suoi continuatori dal MCLIV al MCCXXIV/A* cura di L. T. Belgrano, C. Imperiale. Roma, 1901, vol. 2, p. 89. См.: Заборов М. А. Крестоносцы на Востоке. М., 1980, с. 252.

⁵⁶ *Otonis Sancti Blasiensis Chronicon.*— MGHSS, t. XX, p. 331—332.

⁵⁷ См.: Заборов М. А. Известия русских современников о крестовых походах.— В кн.: ВВ. М., 1971, т. 31, с. 100—102; Мещерский Н. А. Древнерусская «Повесть о взятии Царьграда фрягами» как источник по истории Византии.— В кн.: ВВ. М., 1956, т. X, с. 178—180; *Freidank D.* Die altrussische Erzählung über die Eroberung Konstantinopels 1204 (*Chronista Novgorodensis*).— *Byzantinoslavica*, 1968, N 2, S. 334—359.

⁵⁸ *Roberto di Clari.* La conquista..., p. 64.

⁵⁹ *McNeal F. H.* The Conquest of Constantinople of Robert de Clari. N. Y., 1925, p. 23—26.

жет показаться привлекательной своей ясностью и простотой. Труд Робера де Клари не единственное произведение, созданное крестоносцем, вернувшимся с Востока; подобно другим участникам событий, пикардиец хотел лишь описать увиденное — без какой-либо задней мысли; толчком к созданию хроники послужили только переполнявшие рыцаря впечатления, простодушное, естественное желание приобщить к ним тех, кто не побывал в Константинополе. Ни о каких глубинных, социально-политических корнях его замысла не может быть и речи — таковых будто бы и не существовало.

Схема Нада Патроне, уподобляющей Робера де Клари бездумному соловью, который поет свою незамысловатую песнь лишь потому, что поется, принципиально неубедительна, хотя ее частным наблюдениям и выводам нельзя отказать в меткости и обоснованности. Анализ хроники позволяет нащупать все же заложенную в ней идею, понять замысел хрониста в его социально-политической обусловленности, определить существо исторической концепции Робера де Клари, короче, выяснить, в чем состоит та «правда», которую Роберу де Клари так важно было поведать своей аудитории, в отличие от других «добрых рассказчиков».

Так же, как и Жоффруа де Виллардуэн — и в этом, собственно, новизна осмысления причинно-следственной взаимосвязи событий, — Робер де Клари спонтанно был «прародителем» концепции, которая обозначается в современной историографии как «теория случайностей»⁶⁰. Все перипетии крестового похода — это не результат ни осуществления промысла божьего, ни человеческих предначертаний, а в основном только игра случая. Все совершилось вследствие сцепления множества разрозненных, случайных причин, коренившихся в превратности происходящего. Действительно, не успели графы, бароны и рыцари, вняв проповеди Фулька из Нейи (гл. I), взять крест, как скончался только что избранный предводитель граф Тибо Шампанский (гл. II) — первая случайность. Вместо него избирается маркиз ломбардец Бонифаций Монферратский: он представляется им умудренным и доблестным военачальником (гл. III—IV). Крестоносцы не собираются плыть в Сирию, предпочитая отправиться в Египет, откуда рассчитывают действовать наиболее эффективно против сарацин (гл. V). Для найма флота снаряжаются послы в Геную, Пизу и Венецию (гл. V—VI). Договорится насчет фрахта кораблей удается только с Венецией (гл. VII). «Пилигримы» отправляются туда (гл. IX—X) и там их настигает вторая неожиданность: вместо 4 тыс. рыцарей и, по Роберу де Клари, 100 тыс.

⁶⁰ Об эволюции воззрений историков XIX—XX вв. на Четвертый крестовый поход и причины его отклонения от первоначального направления см.: *Queller D. E. The latin conquest of Constantinople. L.: N. Y., 1971; Idem. A Century of Controversy on the Fourth Crusade. — In: Queller D. E. Diplomacy and the Fourth Crusade. L., 1980, p. 235—277.*

пеших воинов, в Венецию прибыли всего 1 тыс. рыцарей и якобы 50—60 тыс. пешеходов. Крестоносцы не в состоянии сполна расплатиться с Венецией (гл. XI) и потому — третья случайность! — вынуждены согласиться с предложением дожа: овладеть далматинским Задаром с тем, чтобы из захваченной добычи рассчитывать с займодавцем (гл. XIII). Задар взят, что навлекает на «пилигримов» папское отлучение (гл. XIV—XV). Правда, от него крестоносцы быстро освобождаются, однако тут наступает зима; выясняется, что деньги, как и съестные припасы, почти иссякли. О походе в Египет не может быть и речи (гл. XVI). Крестоносцы в четвертый раз делаются жертвой случая, ибо вдруг возникает новая ситуация — ее опять-таки предлагает дож Дандоло, снова вызволяющий участников похода из затруднений: приобрести деньги и пополнить съестные припасы можно... в Греции. Чтобы отправиться туда, необходим подходящий предлог (гл. XVII). Он тотчас подвертывается — еще одна, пятая случайность, казалось бы никакого отношения к крестовому походу не имеющая: в Византии свергнут законный государь, а его сын, царевич Алексей, находится в Германии; Бонифаций Монферратский готов быть связующим звеном между Алексеем и крестоносцами, поскольку тот является братом супруги «германского императора», при дворе которого маркиз уже побывал раньше (гл. XVII).

Далее Робер де Клари пускается в историю Византии, дабы объяснить, каким образом и почему отец Алексея — Кирсак (Исаак II) — лишился трона. Оказывается, это произошло тоже вследствие переплетения серии случайностей и в конечном счете из-за оплошности самого Кирсака, который, проявив отвагу в борьбе против Андромы (Андроника I) и сумев овладеть тронном (гл. XXII), опрометчиво приблизил к себе брата, Алексея (III) (гл. XXVI), избавив его от сарацинского плена. Оплошность дорого обошлась Кирсаку: неблагодарный брат-властолюбец коварно лишил его державы, ослепил и заключил в тюрьму (гл. XXVIII). Сыну Кирсака удалось все же бежать в Германию, и вот так-то, в силу счастливой случайности, крестоносцы обрели в его лице предлог для похода в Византию с целью подкрепления своих денежных средств и продовольственных ресурсов (гл. XXX). Молодой Алексей со своей стороны по совету деверя, германского государя, женатого на его сестре, ухватился за представившийся ему шанс — «с помощью бога и крестоносцев»⁶¹ (гл. XXXI) восстановить в Византии законную власть. На о-ве Корфу, куда двинулся флот крестоносцев, их предводители заключают сделку с византийским царевичем: он обязуется, «если его поставят импе-

⁶¹ Аналогичную формулу употребляет и Жоффруа де Виллардуэн (в другой связи): *Geoffroy de Villehardouin*. Op. cit., XL, p. 125 (par Dieu avant et par les pelerins après). Ср.: *Jeanette Beer M. A. Villehardouin: Epic Historian*. p. 58.

ратором», выдать воинству христову 200 тыс. марок и помочь ему отвоевать Заморскую землю (гл. XXXII). Несмотря на противодействие некоторой части сеньоров, дело было решено, как того хотели дож и Бонифаций Монферратский (гл. XXXIII), который особенно настаивал на оказании поддержки юному царевичу.

В этом месте повествования Робер де Клари вновь прерывает его связную нить, чтобы пояснить, какие мотивы заставили Бонифация столь рьяно стремиться в сторону Константинополя. Следует длинная цепь случайностей сугубо личного, вернее, семейного порядка, связанных с заключением бонифациева брата Конрада (гл. XXXIII—XXXVIII). Бонифаций якобы стремился отплатить византийскому императору за обиды, нанесенные брату.

Чисто случайные, непредсказуемые события продолжали обрушиваться на крестоносцев и после подписания соглашения с византийским наследником. Прибыв к Константинополю, они убедились, что вопреки их ожиданиям горожане не собираются признавать правителем царевича Алексея (гл. XLI). Пришлось восстанавливать его на престоле силой (гл. XLII—LII). Крестоносцы стали господами положения в Константинополе, но поставленные ими у власти императоры (Исаак II и его сын) не смогли полностью выполнить денежные обязательства. Начались бесконечные оттяжки и проволочки с уплатой половины их долга (гл. LVI—LVIII), последовали репритательства, пока наконец Ангелы совсем не отказались платить. Тогда разразился конфликт. В это время дела в Константинополе опять приняли неожиданный для крестоносцев оборот: престол захватил Морчофль (Алексей V Дука) (гл. LXI). Он расправился с Алексеем (IV) (гл. LXII) и потребовал от крестоносцев убраться прочь из Византии. Теперь у них, по Роберу де Клари, и вовсе не оставалось другого выхода, кроме как вступить в борьбу не на жизнь, а на смерть с «предателем Морчофлем», который убил своего «сеньора» (гл. LXII) — должника латинян. Итогом ожесточенной войны — а крестоносцев принудили к ней обстоятельства — явился захват ими Константинополя (гл. LXVIII—LXXX).

Таково в самом схематичном виде переплетение причин и следствий, обусловившее в изображении Робера де Клари завоевание Византии и создание Латинской империи. Перед нами — цепь внутренне не связанных друг с другом обстоятельств, перед лицом которых крестоносцам, оказывается, просто нельзя было «устоять», цепь, замкнувшаяся на захвате ими византийской столицы. Робер де Клари как натура непосредственная, возможно, не отдавал себе отчета в том, что концепция, содержащаяся в его изложении событий и сводившая все извывы похода к нагромождению неожиданностей, означала апологию крестоносной авантюры, но в действительности это было именно так.

В хронике налицо и другие, столь же незаметные, элементы панегирического освещения крестового похода. Так, Робер де

Клари, сам, несомненно, принимавший участие в грабежах в Константинополе, ни словом не упоминает о поведении рыцарей по отношению к его жителям (молчание на сей счет хранят и Жоффруа де Виллардуэн и прочие западные хронисты). Далее весь византийский экскурс в записках Робера де Клари, сколь бы ни была относительно здесь степень достоверности, нацелен по существу на то, чтобы оправдать вторжение крестоносцев в константинопольскую землю. В этом же и подоплека повествования (во втором экскурсе) о злоключениях Конрада Монферратского в Византии и на Востоке. Оказавший бесценную услугу императору в подавлении мятежа «Вернаса» (Алексея Враны), он вынужден затем — в страхе за свою жизнь — бежать из Константинополя. Бонифаций не может простить грекам такого «предательства». Личная враждебность к константинопольскому императору — вот «историческая» причина, превратившая маркиза в энергичного сторонника поворота крестоносцев к византийской столице (гл. XXIII). Более завуалировано оправдание изменения маршрута дается в следующей части этого же экскурса. Тут как бы проводится своеобразная параллель между двумя историческими ситуациями: сложившейся у франков в Тире во времена его обороны против Саладина и у крестоносцев — после захвата ими Задара. В первом случае запертые сарацинами в городе франки испытывали большие затруднения с продовольствием. Чтобы выйти из них, они хитроумно «разыграли» противника, а затем нанесли ему поражение и, проявив таким образом смелую инициативу, преодолели трудности. Во втором случае (по завоевании Задара) крестоносцы также попали в стесненное положение, остались почти без денег и продуктов. И если в Тире, обороной которого руководил Конрад Монферратский, франки разрешили возникшую перед ними проблему пополнения съестных припасов, выказав находчивость и отвагу, то теперь венецианцы, предложившие двинуться в Византию для подкрепления ресурсов, лишь обратились к испытанному в прошлом методу: храбрость и предприимчивость должны были выручить крестоносцев и на этот раз. Иными словами, «исторический опыт», по мысли Робера де Клари, призван служить в поучение и, значит, по-своему тоже в обоснование перемены направления крестового похода.

Существенно — в плане выявления «ментального ключа» записок — и следующее обстоятельство: Робер де Клари нарисовал такую картину случайных фактов, в которой божественному промыслу отводилось маргинальное место. События в целом разворачиваются не как «деяния бога через франков» (*gesta Dei per Francos*), а обуславливаются человеческими стремлениями, страстями, практическими потребностями, которые возникают сами собой в результате сцепления независимых друг от друга «рядов» происшествий: царевич Алексей оказывается в распоряжении крестоносцев потому, что его отец совершил некогда промах,

приблизив к себе брата, который потом отнял у него престол; к войне с Византией рыцарей вынуждают сперва финансовая несостоятельность восстановленных ими императоров, а затем дерзость «Морчофля»: не в обычаях благородных *chevaliers* снести такое вероломство, как убийство им своего «сеньора», и т. д. Крестоносцами руководят в их действиях то чувство рыцарского долга (необходимость рассчитаться с Венецией, отсюда — поход на Задар), то желание восстановить поправленную «справедливость» (отсюда — поддержка Исаака (II) и Алексея (IV)), то жажда отомстить за былые оскорбления (как это было, по Роберу де Клари, у Бонифация Монферратского)

Причинами исторических событий в их взаимосвязи выступают реальные, посюсторонние факторы, порожденные порой запутанной и многообразной жизненной практикой, где высокое сочетается с низменным, любовь — с ненавистью, сердечность — с коварством, бескорыстие — с ненасытным властолюбием и т. п. Такое «заземленное» преподнесение событий и составляет одну из важнейших черт хроники Робера де Клари как памятника исторической мысли средневековья, памятника, пусть еще очень отдаленно, но все же достаточно выразительно предвещающего новые времена в историописании. Детерминированные небесным промыслом мотивы поведения людей, творящих историю, в значительной мере уступают место земным побуждениям, провиденциалистская основа исторических акций в определенной степени если и не разрушается, то все же подрывается. С этой точки зрения хроника рыцаря из Амьенуа — крупный шаг вперед не только в освещении крестовых походов, в высвобождении их истории, хотя еще далеко не полном, от вмешательства сверхъестественного и в перенесении центра тяжести событий на земную почву. Это крупный шаг вперед в принципиальном понимании истории вообще.

Концептуальное содержание хроники, однако, не исчерпывается апологией рыцарской авантюры, сводимой к взаимосцеплению роковых случайностей. Через рассказ Робера де Клари красной нитью проходит еще одна важная идея, раскрывающая социальные истоки, социальный смысл и направленность «Завоевания Константинополя». Хроника эта в противоположность запискам Жоффруа де Виллардуэна — панегирик рядовому рыцарству. Пикардиец воспевает деяния простых рыцарей. В его хронике ясно звучит голос *roves chevaliers*, той массы, которую постигло в походе жестокое разочарование, поскольку она сама стала отчасти жертвой корыстолюбия, высокомерия, неприкрытого эгоизма, политических интриг своих вождей — знатных сеньоров и венецианского дожа, быстро нашедших общий язык. Они сговарились за спиной рыцарей, не посвящая их в свои планы. Так, бароны и прочие «высокородные крестоносцы» приняли на совете предложение дожа насчет завоевания Задара, а все остальные в войске и че ведали об этом совете, «кроме самых могущественных

лиц» (гл. XIII). Они хитростью отбирали у рядовых воинов то, что, с точки зрения последних, причиталось им за их ратные труды. Все повествование Робера де Клари ведется как бы от имени этих в конечном счете обделенных добычей, обманутых, ущемленных в своих притязаниях простых *chevaliers*, рассчитывавших не на жалкие подачки *like homme* и не на крохи от завоеванного в Константинополе «добра», а на нечто гораздо большее.

«Правда», которую хочет поведать и передает Робер де Клари,— это правда об «обиде», нанесенной знатью рыцарям, т. е. «правда», отражающая внутрикласовые противоречия в «воинстве божьем», двинувшемся было против «неверных», а оказавшемся — якобы волею случая — в Константинополе. Ярче всего настрой маленького рыцаря, его неприязнь по отношению к *haut hommes* проступает в сценах, где описываются различные эпизоды битвы за Константинополь и того, что последовало за взятием города. Командиры боевых отрядов во время схватки в июле 1203 г., накануне вступления крестоносцев в город, враждуют между собой, а граф Фландрский даже проявляет малодушие (гл. XLVII). Если рыцари передовых отрядов, бесстрашно устремляющиеся навстречу превосходящим силам противника, уподобляются хронистом «прекрасным ангелам» (гл. XLVII), то графа Фландрского сами его соратники укоряют в пассивности: он совершает «весьма постыдное дело», не атакуя врага (гл. XLVIII). Незадолго до решающего приступа предводители договариваются между собой о разделе власти и добычи после того, как Константинополь будет завоеван. Всех ратников заставили при этом горжественно поклясться, что добычу «в золоте ли, серебре ли или в новых тканях, стоимостью в пять су и больше, они снесут в лагерь для справедливого дележа» (гл. LXVIII). Когда же город перешел в руки завоевателей, то клятву сдержали только рядовые рыцари, а их вожди, угождая собственной корысти, повели себя крайне вероломно и недостойно. Сперва они условились, причем, как с нескрываемой горечью рассказывает хронист, «ни меньшей люд, ни бедные рыцари вовсе ничего об этом не знали», взять себе «лучшие дома в городе» (гл. LXXX). Именно с тех пор бароны «начали предавать меньшей люд, и выказывать свое вероломство, и быть дурными сотоварищами» (Там же), за что потом дорого заплатились,— уже с явным злорадством отмечает Робер де Клари. Он выступает выразителем настроений неблагоклонного по отношению к верхам меньшого люда (*menue gent*). Хронист возмущен тем, что знать завладела самыми лучшими зданиями, заняв их «прежде, чем бедные рыцари и меньшей люд успели узнать об этом»: им пришлось довольствоваться домами, оставшимися свободными (Там же). В дальнейшем меньшому люду причинялись новые обиды. Захваченное у греков имущество — «а оно было очень богатым» — снесли в некое аббатство, и для

охраны отрядили 10 сеньоров и столько же венецианцев, считавшихся вполне честными людьми. И что же? «Те самые люди, которые должны были охранять добро», принялись растаскивать «драгоценности из золота и все, что хотели» (гл. LXXXI). Робер де Клари с досадой рисует картину своекорыстного поведения «могущественных людей»: каждый из них «брал себе либо золотую утварь, либо златотканые шелка, либо то, что ему больше нравилось, и потом уносил» (Там же). Принципы разбойничьей «справедливости» были таким образом нарушены знатно — и этого Робер де Клари ей не прощает. Он негодует — не потому, что захватчики учинили грабеж христианского города, а едва ли не исключительно из-за «несправедливости», содеянной сеньорами, ибо «ничто не было разделено к общему благу войска, или ко благу бедных рыцарей, или оруженосцев, которые помогли завоевать это добро» (Там же). Напротив, «добро, которое оставалось для дележа, было расхищено таким вот худым путем» (Там же). Гнев Робера вызван дополнительно еще и тем, что ловкие торгаши, венецианцы «так или иначе получили свою половину», в накладе оказались только рядовые участники крестового предприятия (Там же).

Робер де Клари не упускает случая уличить знатных предводителей в политических амбициях и просчетах, гордыне, алчности. Лишенные дальновидности, надменные бароны отвергли предложение Иоанна Валашского (Калояна) стать их вассалом и даже предоставить им стотысячное войско, если они помогут ему получить царскую корону (гл. LXIV). Причем столь выгодное предложение было отклонено как раз тогда, когда сами крестоносцы испытывали сильные затруднения. Вместо того чтобы пойти навстречу «Иоанну ли Блаки», его подвергли оскорблениям, выказали презрение к куманам, сочтя их (за внешний облик) чуть ли не оравой малолетних, и заносчиво угрожали «Иоанну ли Блаки». В конце концов он все равно добился царского венца — при содействии «апостолика» (Иннокентия III), который направил своего кардинала для его коронации (гл. LXV). Бароны же впоследствии пожалели плоды своей опрометчивости; они виновники адрианопольской катастрофы, поражения, нанесенного крестоносцам куманами, которые оказались способными наголову разбить рыцарей (гл. LXV, CXII). Выборы императора Латинской империи, по описанию Робера де Клари, проходили в обстановке открытого соперничества претендентов — маркиза Бонифация Монферратского, дожа Энрико Дандоло, графа Бодуэна Фландрского (гл. XCIII, XCIV): высокие бароны две недели «не могли договориться» о том, кого избрать в коллегию выборщиков. Когда, наконец, трон достался графу Фландрскому, разразился острый конфликт между ним и маркизом Монферратским из-за Салоник (гл. XCIX—CII). В адрес маркиза, силою занявшего — наперекор воле латинского императора, своего сеньора — окрестности

Салоник, хронист направляет слова морального осуждения, вкладывая их в уста самого этого сеньора: он понял в конечном счете, что «поступает очень дурно», и изъявил готовность «загладить зло, которое содеял» (гл. CIV).

Излагая события, последовавшие за взятием Константинополя, Робер де Клари неоднократно возвращается к «несправедливому» дележу добычи. Участвовавшие в рейде на Салоникскую землю рыцари графа Фландрского узнают через гонцов, что пока предпринимались попытки овладеть Салониками, оставшиеся в Константинополе «разделили добро, которое еще оставалось неподделенным». Рыцари, особенно молодые воины, возмущены: «Как? — ...вы поделили наше добро, то самое, из-за которого мы вынесли столько мучений, столько трудов, претерпели голод и жажду, холод и жару, а вы поделили его без нас?». Среди простых воинов слышатся угрожающие голоса: баронов, воспользовавшихся удалением этой части войска и поспешивших присвоить всю оставшуюся добычу, клянут как «предателей» (гл. CV). Гонцов, прибывших из Константинополя со столь недобрыми вестями, рыцари готовы растерзать на части. Войско незамедлительно возвращается в Константинополь, где обнаруживается, что рыцарям вовсе не осталось места в столице: «дома, из которых они уезжали, уже не были их домами, ибо город поделили»; меньшему люду пришлось довольствоваться жильем «в одном или целых двух лье от тех домов, из которых они уезжали» (гл. CV).

Кульминация указанной линии повествования — рассказ об Адрианопольском разгроме 14 апреля 1205 г. (гл. CXII). Он в особенности примечателен — с точки зрения анализа концептуальных установок Робера де Клари — своей концовкой. Это один из сравнительно редких случаев, когда автор, сохраняя верность провиденциалистским традициям, ищет объяснение событиям не на земле, а на небесах. Он полагает, что, позволив болгарам нанести поражение баронам, «господь поистине отомстил им за их гордыню и за вероломство, которое они выказали к бедному люду войска» (гл. CXII). Это и единственный случай, кстати, когда Робер де Клари, возможно, обнаруживает проблески понимания того, что деяния завоевателей в Константинополе совершенно не соответствовали официальной программе крестового похода: поражение под «Адремитом» расценивается как отмщение божье «за ужасные прегрешения, которые они содеяли в городе после того, как они его захватили» (гл. CXII)⁶².

⁶² Впрочем, относительно смысла, который хронист вкладывал в данном случае в понятие «ужасные прегрешения» (*les oribles pekiés*), высказывалось мнение, что автор имел в виду вовсе не убийства, насилия и грабежи, произведенные захватчиками, а все тот же «несправедливый» раздел константинопольской добычи, «предательство» баронами интересов рыцарства. Не случайно, рассказывая о захвате византийской столицы (12 апреля 1204 г.), Робер де Клари подчеркивает, что пилигримы «не причинили зла ни беднякам, ни богачам» (гл. LXXX). А накануне завоевания Константинополя

Такова социальная подоплека в целом апологетической, но вместе с тем включающей в себя порицание предводителей концепции хроники о завоевании Константинополя, таков подтекст той «правды», которой Робер де Клари стремился поделиться со своими читателями и слушателями.

*Происхождение и характер хроники.
Степень правдивости автора*

Вероятно, первоначально история крестового похода частями рассказывалась аудитории самим Робером де Клари, а уже потом была записана каким-нибудь грамотеем и «выправлена» автором. В пользу этой гипотезы свидетельствуют часто встречающиеся в ней речевые обороты, в которых присутствуют слова «слышать» (*oïr*) и «говорить» (*dir, parler*)⁶³. Повествователь находит нужным время от времени возвращать слушателей к прерываемой им самим хронологической нити рассказа или, напротив, предупреждать их о своем намерении отойти от основного сюжета: «Теперь мы оставим... пилигримов и флот и расскажем вам об этом юноше и императоре Кирсаке, его отце» (гл. XVIII); «Теперь вы слышали, как Кирсак возвысился» (гл. XXIX); «Теперь мы расскажем вам об этом дитяти и о крестоносцах...» (Там же); «Ну вот, теперь мы поведали вам о кознях, по причине которых маркиз Монферратский...» (гл. XXXIX) и т. д. Показателем того, что первоначально повествование Робера де Клари представляло собой живой рассказ или серию таких рассказов, служат и логические разрывы в хронике, резкие, внешне бесвязные переходы от одних ситуаций к другим, неожиданно меняющиеся «декорации» и действующие лица. Единственным «мостиком» в таких случаях оказывается чисто разговорный оборот «а потом» или «после чего» (с первого начинаются 27 главок из 120, со второго — 5 главок). Возможно также, что записки Робера де Клари изначально являлись произведением, предназначенным для чтения вслух — «читаемой рыцарской эпопеей»⁶⁴. Во всяком случае, из самого повествования видно, что, находясь в войске крестоносцев, будущий автор записок не проявлял заботы о том, чтобы систематически собирать те или иные сведения, добывать непременно достоверную и точную информацию, пристально вглядываться в то,

все якобы принесли клятву в том, что они не поднимут руки ни на женщин, ни на клириков — под угрозой смерти (гл. LXVIII) (ср.: *Bagley C. P.* Op. cit., p. 114, note 11). Не исключено, однако, и иное толкование *les oribles pekîés*: ведь поражение под Адрианополем потерпели не только бароны — на поле боя остались трупы и трех сотен рыцарей!

⁶³ П. Галлэ, изучивший 370 рыцарских романов за период 1120—1250 (1260) гг., установил, что в 310 из них 165 раз употребляется глагол *oïr*, 65 — *escouter*, 67 — *entendre* (все они означают «слушать»). См.: *Gallais P.* Op. cit., p. 483—484.

⁶⁴ См.: *Martin de Riquer M.* *Épopée jongleuresque à écouter et épopée chevaleresque à lire.* — In: *La technique littéraire des chansons de geste.* Liège, 1959, p. 75—84.

что встречалось ему по пути, дабы получить таким образом наиболее благоприятную возможность вспомнить впоследствии все увиденное и запечатлевшееся в его уме. У него и мысли не было о том, что ему придется когда-либо рассказывать о перипетиях крестового предприятия. Должно быть, запись этих рассказов и произведена-то была не по собственной инициативе автора, а по настоянию его слушателей, которые порекомендовали ему или попросили его записать все то, что он видел и слышал (гл. СХХ). Ведь истории эти выглядели столь похожими на излагавшееся в эпических сказаниях, которыми заслушивались как миряне, так и клирики! Надо полагать, что Робер де Клари охотно откликнулся на такие советы и уговоры: таким путем он мог бы сызнова окунуться в казавшуюся ему героической атмосферу рыцарской авантюры и хотя бы в воображении выбраться на время из своего захолустья, а заодно поведать об обидах, нанесенных крестовою знатью рядовым рыцарям, излить душу.

Рассказ Робера де Клари — это искренняя апология рыцарского героизма, но характер повествования с этой точки зрения тоже противоположен вилардуэновскому. Насколько маршал Шампанский скрупулезен в подробностях и субъективен в истолковании фактов, настолько он в общем сух в изложении событий и вместе с тем постоянно выказывает свое тщеславие, стараясь везде, где это возможно, выпятить собственные заслуги в предводительстве походом, в дипломатических переговорах, в совете «высоких баронов» и проч., настолько же Робер де Клари расплывчат и иногда неточен в передаче событийной стороны рассказываемого, допускает прямые ошибки, хотя в то же время явно стремится нарисовать объективную картину истории похода. В отличие от маршала Шампанского пикардиец подчас добавляет к рассказам о виденном и слышанном изрядную толику собственной выдумки, проявляя в определенной мере художественный вкус. Все это придавало его повествованию элемент занимательности, делало его «актуальным» для той аудитории, которой оно предназначалось.

Робер де Клари зачастую неточен в хронологии — датировка событий у него почти всегда приблизительна: «прошло немного времени», «а потом случилось однажды» и т. д. Труднообъяснима ошибочная датировка начала крестового похода: в первой главке оно отнесено то ли к 1203 г., то ли к 1204 г. «от воплощения». Между тем Робер де Клари в это время находился с войском у Константинополя, давно покинув свою Пикардию... Может быть, виновник ошибки — тот, кто записывал его рассказ? Как бы то ни было, хронологические лягусы — минус произведения Робера де Клари, давший основание ряду исследователей «дисквалифицировать» его труд⁶⁵. Необходимо, однако, прини-

⁶⁵ См.: *Dembowski P.* La Chronique de Robert de Clari..., p. 118—123; Ср.: *Bagley C. P.* Op. cit., p. 109; *Dufournet J.* Op. cit., p. 366.

мать во внимание общий характер хроники как своеобразного памятника исторической мысли XIII в.; Робер де Клари предлагает в определенной мере новеллистическую, одобренную его собственными вымыслами версию событий. Он не стремится к педантичной точности и строгой последовательности. Его рассказ, например, о «чудесах» Константинополя, архитектурных достопримечательностях, церквях и т. д. сумбурен, беспорядочен и неполон. Автор полагается на всякого рода рассказы, некритично принимает на веру предания и небылицы, проявляет легкоеверие. Да Робер де Клари, собственно, и не собирался рисовать исчерпывающую картину событий крестового похода. Он хотел поведать только то, что видел собственными глазами. В тех же случаях, когда ему недостает непосредственного знания, он, как человек малообразованный, обращается к легендарной традиции, поверьям, словом, в плане исторической достоверности к сомнительным источникам информации.

Сам Робер де Клари, как мы видели, не склонен был переоценивать свои таланты повествователя. Он отдавал себе отчет в том, что другие «добрые рассказчики» смогли превзойти его в искусстве повествования. Тем не менее автор по-своему искусен в компоновке материала. Он умеет привлечь внимание слушателей и, главное, последовательно провести свою концепцию, даже когда прерывает логическую нить рассказа. Именно так обстоит дело с многочисленными «вставными эпизодами» и отступлениями: экскурсами в политическую историю Византии (гл. XVIII—XXIX), рассказами о приключениях Конрада Монферратского в Иерусалимском королевстве (гл. XXXIII—XXXVIII), о попытке болгарского царя Калояна («Иоанна ли Блаки») воспользоваться крестовым походом в собственных интересах, об истории его возвышения, союза с куманами, о содействии, оказанном ему апостольским престолом в коронации (гл. LXIV—LXV), заметками относительно образа жизни кочевников-куманов (гл. LXV), эпизодом, где фигурирует некий «король Нубии», совершающий длительное паломничество и временно проживающий в Константинополе (гл. LIV).

Все эти факты независимо от степени их исторической достоверности только на первый взгляд кажутся вставленными нарочито, ради оживления повествования, но на самом деле включены в него таким образом, что каждый из них подкрепляет общую авторскую концепцию, служит, несмотря на «вырванность» из логического контекста и обособленность, реализации целостного замысла — идеи, в соответствии с которой бароны, «предавшие» *menue gent*, в конечном счете получают заслуженную кару, хотя сам по себе захват Константинополя хронистом оправдывается.

Эпизоды эти, видимо, казались автору и особенно интересными, соответствовали его вкусу и темпераменту — пылкому и дерзостному. Пикардийцев называют «северными гасконцами» (*pi-*

card, gascon du Nord), и Робер де Клари-историк как бы воплощал в себе нравы рыцарской среды своей родины. Человек безусловно умный и обладавший наблюдательностью, он в то же время был и поверхностно болтливым. Драматические коллизии дворцовых переворотов в Византии изображаются хронистом на уровне ходячей молвы и эффектных анекдотов. Поведать аудитории «одну только правду» Роберу де Клари не удалось. Подлинная история в его повествовании порой деформирована: она перемежается домыслами, вольными толкованиями фактов, ошибками в их оценках, что, впрочем, вообще свойственно средневековой хронографии.

Нужно иметь также в виду, что Робер де Клари, при всем его субъективном стремлении передавать «одну только правду», и не в состоянии был точно рассказать обо всех событиях Четвертого крестового похода — прежде всего по той причине, что о многом он вообще не знал и не мог знать. «Пункт наблюдения», с которого хронист вел свой рассказ, не обеспечивал ему ни полноты, ни точности информации.

Не приходится, однако, сомневаться, что субъективно он действительно старался быть беспристрастным — в той мере, в какой эта беспристрастность укладывалась в прокрустово ложе социальной ориентированности его рассказа. Если, с одной стороны, данные хронистом истолкования ряда фактов неадекватны истине и отражают лишь «общественное мнение» рыцарской массы, то, с другой — Робера де Клари трудно обвинить и в намеренной тенденциозности. Напротив, едва ли кто-нибудь из латинских историков крестового похода 1202—1204 гг. (прежде всего это относится к Жоффруа де Виллардуэну) сумел сохранить такую объективность, как пикардийский рыцарь. Для всей латинской хронографии в высшей степени характерна тенденция обелить крестоносцев, снять с них обвинения в алчности, корыстолюбии, тщеславии и пр. Робер де Клари тоже не свободен от «пропагандистских» трафаретов, исходивших от власть имущих, но он и не мог ведь целиком от них отгородиться: в какой-то степени и ему присуще видение событий, которое навязывали воинству «высокие бароны» и венецианцы, державшие в своих руках нити предводительства⁶⁶. Тем не менее Робер де Клари именно благодаря своей субъективной честности сумел быть и критичным по отношению к силь-

⁶⁶ Как показал А. Пофилэ, «верхи» вели весьма искусную пропаганду среди *menue gent*, которая нацелена была на то, чтобы убедить массу, что каждый очередной поворот в направлении похода — единственный путь для достижения его конечной цели. Основные доводы этой «ловко проводившейся пропаганды» получили свое отражение прежде всего в мемуарах Жоффруа де Виллардуэна и в хронике «Константинопольское опустошение», а также в письме Бодуэна Фландрского папе Иннокентию III, где аргументация препарирована уже в расчете на западноевропейскую аудиторию и на потомков (см.: *Pauphilet A. Sur Robert de Clari*, p. 293). Отзвуки такой «обработки» общественного мнения слышны и у Робера де Клари.

ным мира сего. В этом смысле концепция его хроники кардинально отличается от идейного содержания всех остальных созданных на Западе в XIII в. «историй» похода.

Записки пикардийца, несомненно, несут на себе отпечаток удовлетворенности и горделивого изумления тем, что Запад сумел претворить в жизнь давние противовизантийские стремления, которые в конформистском сознании католического духовенства, а также светской феодальной аристократии переплетались с идеей воссоединения латинской и греческой церкви. Однако вслед за первоначальным энтузиазмом у части рыцарства родилось нечто вроде смятения. Оно обнаружилось еще до захвата Константинополя. Робер де Клари красноречиво передает неустойчивость настроения и растерянность в стане рыцарей. Епископам пришлось увещевать воинство идти на штурм города, воздействовать на рядовых крестоносцев доводами, соответствовавшими уровню их общественного сознания. Греки-де — коварные предатели, убийцы своего государя, а главное, они «неверные», они вышли из повиновения римскому закону (гл. LXXII, LXXIII). «Пилигримы» могут поэтому, идя на приступ, вполне заслужить прощение от бога и от папы, именем которых священнослужители отпускали грехи тем, кому предстояло атаковать христианский город (гл. LXXIII). Факты преподносятся в хронике таким образом, что «епископы и клирики» старались как бы внести успокоение в смятенные умы, погасить смутно ощущавшееся некоторой частью крестоносцев чувство «неправедности» совершаемого ими завоевания и, напротив, разжечь у них пламя негодования против схизматиков, которые якобы считали «псами» тех, кто исповедует римский закон, утверждая, что римская вера «ничего не стоит» (гл. LXXII). Как и остальные «воины креста», Робер де Клари не смог устоять перед столь концентрированным пропагандистским нажимом — ведь крестоносное воинство не было обременено чрезмерной совестливостью, а его рядовые участники не обладали способностями к трезвому рассуждению, которое позволило бы им усомниться в обоснованности церковной проповеди. Увещевания «епископов и клириков» одержали верх над неясными укорами религиозной совести у отдельных элементов рыцарства. Робер де Клари думал и чувствовал в полном соответствии с таким исходом коллизии, едва намечавшейся в массе воинов, — между ее довольно чахлым эмоциональным порывом к «праведным деяниям» и официальными установками духовных пастырей. Уступая им, пикардец тоже признает, что война против греков является «справедливой».

В данном случае Робер де Клари мыслил целиком в русле насаждавшегося церковниками конформизма, который выражал общественно-политические воззрения всех слоев феодального класса. Однако, как мы видели, во многих других случаях он сохраняет определенную свободу суждений, независимость мысли. Именно

эта черта отличает его записки от исторических произведений других современников, посвященных крестовому походу.

В хронике встречается только один случай, когда автор нарочито умалчивает о хорошо известном ему факте — попытке многих крестоносцев (во время пребывания на о-ве Корфу) уклониться от похода на Константинополь. Перечисляя имена рыцарей и сеньоров, намеревавшихся вырваться из цепких когтей венецианцев и предводителей крестоносной рати (Бонифация Монферратского и др., сговорившихся с ними), Жоффруа де Виллардуэн называет среди прочих и Пьера Амьенского⁶⁷. Его вассал Робер де Клари, надо полагать, также находился среди потенциальных «дезертиров». Тем не менее в хронике (гл. XXXI) данный эпизод вовсе обойден. Быть может, в то время, когда автор диктовал ее, он испытывал нечто вроде смущения за собственное поведение на Корфу и потому даже не намекнул на попытку своего сеньора уехать оттуда?

Робер де Клари плохо осведомлен в дипломатической истории крестового похода. Как историку, не лишенному проникательности, ему, однако, свойственно чутье, проявляющееся как раз там, где его реальная информация скудна. Во всяком случае, о самом главном он догадывается: хронист сообщает, например, про встречу маркиза Бонифация Монферратского с германским королем и византийским царевичем, состоявшуюся в декабре 1201 г. «при дворе монсеньора императора» (гл. XVII) Пикардиец интуитивно уловил значение этой встречи, действительно имевшей серьезные последствия для хода событий, и счел нужным упомянуть о ней. Конечно, сведения подобного рода у него неизбежно поверхностны: автор знал о таких фактах лишь понаслышке. Политическая неподготовленность и пробелы в информации этого провинциального рыцаря-историка мешают ему разглядеть подлинный смысл и детали «тайной дипломатии»; способности верно понимать происходящее явно оказываются ниже любознательности хрониста⁶⁸. Часто он изображает действительность, покрывая ее мишурой рыцарских условностей, риторики.

Вообще персонажи хроники редко живут настоящей жизнью, выступают в своем индивидуальном обличье. Как правило, они обрисованы в трафаретных, стилизованных характеристиках и напоминают героев баллад. Характеристики эти оценочны, лишены жизненных оттенков, приводятся всегда с пунктуальной перечислительной старательностью — даже в тех случаях, когда герои действуют в обыденной ситуации, прекрасно знакомой хронисту, равно как и его вероятным слушателям: епископ Нивелон Суассонский, сыгравший большую роль в дипломатической истории событий 1202—1204 гг., — человек «очень мудрый и доблест-

⁶⁷ *Geoffroy de Villehardouin. Op. cit., XXIV, p. 109.*

⁶⁸ *Pauphilet A. Sur Robert de Clari, p. 293.*

ный как в решениях, так и, коли в том имелась необходимость, в действиях» (гл. I); цистерцианского аббата из Лоосской обители (Фландрия) историк также характеризует как «весьма мудро и праведного» человека (Там же); Матье де Монморанси рисуется «весьма доблестным» рыцарем, такая же оценка дается и Пьеру де Брасье и т. д. Портретные зарисовки у хрониста схематично иконописны. Лишь иногда в них проступают элементы психологизации на житейски достоверной основе («Маркиз-возненавидел императора» — гл. XXXIII и т. п.). В основном же автор остается на почве традиции, предполагавшей символизированное, условно стилизованное, фиксированное в общепринятых эпитетах описание действующих лиц.

Совершенно иные качества повествователя обнаруживает Робер де Клари, рассказывая о Константинополе. Здесь он умеет превосходно поведать именно то, что, с его точки зрения, заслуживает внимания аудитории, может вызвать ее восхищение и что надлежит возвеличить перед слушателями, которые никогда в жизни не видели ничего прекраснее графского двора в Амьене. В этих описаниях ярко проявляется одаренность хрониста как безыскусного рассказчика. Вслед за множеством более или менее скупых сведений о перипетиях крестового предприятия, за этой в общем-то чахлой пустыней фактов словно открывается пышный оазис — пышный, несмотря на то что интерес Робера де Клари приковывает его взор преимущественно к внешним деталям увиденного в Константинополе. Он замечает главным образом то, что блестит, сверкает, является драгоценным, свидетельствуя о чем-то необыкновенном и чудесном. Известный французский медиевист Жак ле Гофф писал о пилигримах: «Для этих варваров, живших жалкой жизнью в своих примитивных укреплениях или столь же жалких городках-крепостцах, — западные «города» насчитывали тогда всего несколько тысяч жителей... — Константинополь с его, вероятно, миллионом жителей и обилием памятников, с его лавками — это было открытие города»⁶⁹. Такое представление в основном соответствует действительности (за исключением преувеличенной оценки численности константинопольского населения). Из хроники Робера де Клари явствует, что произведения искусства восторгали его не сами по себе — ему не дано было их понять, а лишь те аксессуары памятников архитектуры, скульптуры, прикладных искусств и т. д., которые более всего поразили провинциального французского рыцаря, простого и по-деревенски бедного. Он увидел в Константинополе прежде всего богатство — мрамор и порфир колонн, драгоценные камни, украшавшие оклады икон, и золото алтаря в храме св. Софии, сотню лампадных люстр на его своде. Взглядом грабителя Робер оценивает каждый светильник — в 200 марок серебра (гл. LXXXV). Еще более по-

⁶⁹ *Le Goff J. Civilisation de l'Occident médiéval. P., 1964, p. 181.*

ражен суеверный рыцарь магическими свойствами храмовых столпов, целебной силой странного трубчатообразного предмета, висевшего у великих врат св. Софии (бухотиаус), пророческими письменами на статуе, якобы изображавшей императора Ираклия (гл. LXXXVI—LXXXIX). Потрясенная всей этой невидалью, память молодого рыцаря запечатлела детали увиденного с удивительной свежестью. Вместе с тем Робер де Клари привязан к родной земле, и неуемная жажда разглядеть «чудеса», встретившиеся ему в чужой стороне, сочетается у него с невольным желанием «перенести» эти словно неправдоподобные картины из их действительного топографического контекста в «подлинники» памяти, понятные его соотечественникам. Конечно, Константинополь, где сохранились античные одеяния, произведения искусства, собранные в течение столетий, где высились памятники разнообразной и сложной архитектуры, должен был поразить Робера де Клари. Интересно, однако, что он перечисляет только императорские дворцы, церкви, монастыри (гл. ХСII), ворота, площади, места развлечений, словом, то, что составляло контраст привычному для пикардийца скромному антуражу. Робер де Клари описывает лишь главные магистрали и здания в восточной части города, залив Золотой Рог, где возвышался новый императорский дворец, воздвигнутый при Комнинах, стояли просторные и пышные дома богачей, где сосредоточены были десятки церквей, включая величественный храм св. Софии. Вероятно, хронист имел возможность видеть и «оборотную сторону» Константинополя — узкие и темные улочки, где располагались домишки ремесленников и городской бедноты, но об этом, нищем Константинополе автор записок умалчивает, если не считать одного вскользь брошенного замечания об опасностях, которые ожидали завоевателей на улицах, «столь узких, что они не смогли бы там как следует защищаться» (гл. LXXVIII). Подобно всей, титулованной и нетитулованной, крестносной деревеншине, Робер де Клари был изумлен прежде всего византийской роскошью, обилием золота, великолепием мозаик, громадностью общественных сооружений. Об этом хронист и стремился в первую очередь рассказать таким же, как он, провинциальным мелким феодалам. Описывая, к примеру, Вукелеонский дворец в гл. LXXXII («500 покоев», примыкающих один к другому, и проч.), Робер де Клари скрупулезно обозначает пропорции и приводит другие данные, свидетельствующие о конкретности авторского восприятия, но придающие самому описанию налет ирреалистичности. В то же время в описаниях красот Константинополя и их подробностей очень многое воспроизведено с большой точностью — здания и церкви, упоминаемые хронистом, вполне узнаваемы. До мельчайших деталей описан церемониал коронации Бодуэна Фландрского — ничто не выпало из зрительной памяти хрониста, включая такие частности, как красные шелковые саложки, широкая туника, украшенная драгоценными камнями, импера-

торская мантия, ритуальные действия епископов и знатных сеньоров в различные моменты коронационного церемониала (гл. ХСVI). Пробелы в собственной памяти Робер де Клари, по видимому, имел возможность восполнять, обращаясь к своим соотечественникам, вернувшимся вместе с ним на родину.

Структура произведения

Хроника Робера де Клари (в оригинале, изданном в 1924 г. Ф. Лоэром) подразделяется на 120 главок; какие-либо другие формальные единицы структурного членения отсутствуют. Тем не менее логика изложения материала позволяет выделить в «Завоевании Константинополя» несколько частей. Историки предлагали различные варианты такого деления, обособляя от двух или трех (К. П. Бегли, Ж. Дюфурнэ) до семи (П. Шарло) частей. Наиболее убедительна все же схема, выдвинутая А. М. Нада Патроне, по мысли которой записки пикардийца более или менее отчетливо распадаются на четыре части.

Первая (гл. I—XXXVIII) целиком посвящена подготовительной стадии крестового похода. Здесь повествуется также об отплытии его участников из Венеции и о захвате ими Задара. Заканчивается эта часть рассказом о решении предводителей похода повернуть войско в сторону Константинополя под предлогом сказания помощи византийскому царевичу. В эту часть включены две обширные вставки: одна трактует дворцовую историю Византийской империи со времен Мануила I Комнина и до свержения Исаака II в 1195 г., другая рисует — на фоне событий, происходивших в Иерусалимском королевстве в конце XII в., — приключения маркиза Конрада Монферратского в Византии и на франкском Востоке (во время Третьего крестового похода).

Вторая часть — история (гл. XXXIX—LXXX) отклонения крестоносцев от цели, в результате чего они захватили Константинополь. Завершается эта часть описанием его последней осады и завоевания.

В третьей части (гл. LXXXII—CXII) Робер де Клари передает восторженное и проникнутое безудержной алчностью изумление крестоносцев Константинополем, рассказывает о конфликтах в воинстве в связи с дележом добычи, об избрании императора, о разделе территории Византии и создании Латинской империи.

Четвертая, завершающая часть хроники (гл. CXIII—CXX) — наиболее лаконичная и фрагментарная: события 11 лет (1205—1216 гг.) освещены в восьми главках. Рассказ ведется торопливо и несколько небрежно. Тут излагаются события, которых сам Робер де Клари не был ни участником, ни свидетелем и о которых разузнал от сподвижников, вернувшихся на родину после него.

Как исторический источник эти четыре части неравноценны. Первая почти полностью опирается на рассказы, услышанные Ро-

бером де Клари в лагере крестоносцев или в пути; она изобилует фактическими неточностями и лакунами. Вторая и третья части, напротив, освещают события, в которых Робер де Клари принимал личное участие, хотя оставался в неведении относительно многообразных акций «тайной дипломатии» (обмен посольствами, переговоры и проч.), составлявшей немаловажную пружину крестового похода. Третья часть, включающая описание Константинополя, в историческом отношении значительнейшая во всей хронике. Никто из западных современников крестовых походов, когда-либо бывавших в Константинополе (Одо Дейльский, Гийом Тирский, Жоффруа де Виллардуэн), не дал столь обстоятельного описания города. Четвертая же часть записок наименее насыщена реалиями и наиболее легковесна в содержательном смысле. Приводимые в ней сведения, как уже говорилось, получены хронистом из вторых рук.

Какая бы из предлагавшихся схем структурного членения записок ни была верна, существеннее всего обстоятельство, с наибольшей четкостью сформулированное канадским историком П. Дембовски, самым крупным исследователем творчества пикардийского хрониста: «Структура хроники Робера де Клари, с его условно традиционными вступлением и заключением, тщательно соблюдаемым хронологическим порядком изложения, с его анекдотами, рационально оправданными отступлениями, вкрапливаемыми в повествование, — все это показывает, что перед нами не спонтанный рассказ-экспромт, ведущийся с „детской живостью“, а, напротив, строго организованная композиция»⁷⁰. Это суждение лишней раз подтверждает ценность записок Робера де Клари как документа, ярко раскрывающего специфику и уровень исторического менталитета эпохи.

Хотя Робер де Клари обладал относительно невысоким интеллектуальным уровнем и весьма ограниченным культурным кругозором, все же он являлся историком — по интуиции. Хронист не удовлетворяется описанием фактов как таковых (подобно большинству анналистов), а ищет их причины. Его объяснения упрощены, но все-таки Робер де Клари — первый повествователь о Четвертом крестовом походе, ощутивший потребность объяснить историю главным образом из нее самой, первый из множества других, которые сохранили для потомства, может быть, более надежные, но гораздо менее одухотворенные живую мыслью и игрой фантазии свидетельства о своем времени. В заключительных словах Робера де Клари просматривается ясное обоснование его принципиальной позиции: он освещает события как рядовой рыцарь, участвовавший в походе. В этом — мера его правдивости и достоверности, делающая хронику по-своему выдающимся памятником исторического рассказа и исторической мысли феодальной эпохи.

⁷⁰ Dembowski P. La Chronique de Robert de Clari..., p. 121; Ср.: Pauphilet A. Sur Robert de Clari, p. 289; Dufournet J. Op cit., p. 366.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предлагаемый вниманию читателя перевод хроники Робера де Клари базируется на издании рукописного текста, осуществленном французским историком Филиппом Лоэром свыше полувека тому назад и ныне считающемся образцовым (*Robert de Clari. La conquête Constantinople/Ed. Ph. Lauer. P., 1924*). В этом издании были сохранены наибольшая верность и близость оригиналу (в палеографическом отношении), хотя кое-где встречались мелкие неточности, подмеченные в свое время в рецензиях А. Жанруа и П. Дембовски на публикацию Ф. Лоэра (*Jeanrou A. Corrections à Robert de Clari, La conquête de Constantinople/Ed. Ph. Lauer.—Romania, 1927, LIII, p. 392—393; Dembowski P. Corrections à l'édition de la Chronique de Robert de Clari de Ph. Lauer.—Ibid., 1961, LXXXII, p. 134—138*).

Переводчик стремился донести до читателя особенности хроники (отсутствие «закругленности» речевого склада и строго логичных переходов, частые, притом неожиданные «перескакивания» от одного события к другому, лексическое однообразие, изобилие «общих мест», стереотипных оборотов и т. п.), не прибегая к искусственной литературной обработке ее языковой ткани, избегая стилового «подтягивания» текста оригинала к современности.

Наш перевод сохраняет и начертание собственных имен и географических названий (французских, итальянских, немецких, византийских, болгарских), имеющиеся в оригинале: их идентификация дается в комментарии. Следует сказать, что в этом отношении предлагаемый перевод хроники Робера де Клари отличается от существующих английского и итальянского переводов ее, выполненных американским историком Э. Г. Мак Нилом (*McNeal E. H. The conquest of Constantinople of Robert of Clari. N. Y., 1936*) и итальянской исследовательницей А. М. Нада Патроне (*Roberto di Clari. La conquista di Costantinopoli/Studio critico, traduzione e note di A. M. Nada Patrone. Genova, 1972*). Близость к манере повествователя в большей степени, впрочем, сохранена в переводе Мак Нила, в меньшей — в переводе Нада Патроне, нередко «усовершенствующей» подлинник (в литературном смысле).

В нашем переводе оставлено деление текста на главки, или параграфы, введенное Ф. Лоэром, поскольку оно облегчает понимание содержания хроники.

---

¹ Римский папа Иннокентий III (1198—1216). Робер де Клари, подобно Жоффрау де Виллардуэну, называет папу «апостоликом Рима» — термин, широко распространенный в старофранцузском языке XII—XIII вв. (от лат. *apostolicus* — выполняющий миссию посланца, наместника божьего).

² Филипп II Август — французский король (1180—1223).

³ Хронист именует «императором» германского короля Филиппа Гогенштауфена (1198—1208).

⁴ Т. е. «от рождения Христова», которое, по учению церкви, представляло собой акт воплощения «слова божьего», или святого духа в образ человека — Иисуса Христа. Робер де Клари, полагаясь на память, допустил здесь хронологическую неточность, отнеся начало подготовки похода к 1203 или 1204 гг. Крестоносцы собрались в Венеции летом 1202 г. Фульк из Нейи приступил

к проповеди крестового похода — с санкции кардинала Пьетро Капуанского, легата Иннокентия III — с ноября 1198 г.

⁵ Фульк, приходской священник в 1191—1202 гг. в Ланьи (Нейи) на Марне (в 7,5 км от Парижа). Призывая «князей, рыцарей, людей всякого сословия» посещать на подмогу Св. земле, Фульк, как рассказывает хронист Жак де Витри, собирал деньги, намереваясь «раздать их бедным крестоносцам». Однако, «чем больше увеличивались суммы денег, собранные им, тем больше утрачивались страх и почтение, которые он внушал». О Фульке упоминают и другие хронисты, называя его иногда «магистром», т. е. «учителем», «наставником», «набольшим» (от лат. *magis* — более). Робер де Кларе тоже именует священника «мэтром» (*maistre*), желая, возможно, подчеркнуть его образованность. Из биографии Фулька, впрочем, известно, что своими первыми выступлениями он снискал себе репутацию невежды (Жак де Витри называет его «человеком простым и необразованным») и, только проучившись некоторое время у парижских теологов, прославился «мэтром».

⁶ Имеется в виду область Иль-де-Франс, расположенная между реками Сена, Марна, Уаза (территория соврем. департаментов Сены, Сены и Уазы, Сены и Марны, Эн) с главным городом Парижем. Фульк развернул свою проповедь в основном в этом районе.

⁷ «Проповедуя крест» — формула, равноценная по смыслу выражению «проповедуя крестовый поход».

⁸ Смысл выражения «следовали за ним» не вполне ясен: его можно понимать либо буквально («шли за ним»), либо как «следовали его проповеди», т. е. принимали на себя обет отправиться в Св. землю.

⁹ «Святая земля за морем» (*le sainte tere d'outre mer*), или Заморская земля — обычное в хрониках крестовых походов обозначение Сирии и Палестины, которая в представлении католиков символизировала святую землю, ибо там, согласно евангельским рассказам, родился, жил и был распят на кресте, а затем «воскрес» Иисус Христос. Египет и Малая Азия назывались обычно «Вавилонией».

¹⁰ «Крест взяли» — речь идет о церемонии, или ритуале принятия крестного обета.

¹¹ Тибо III, граф Шампани и Бри, племянник Филиппа II Августа и Ричарда Львиное Сердце. Брат Тибо III — Анри II Шампанский участвовал в Третьем крестовом походе, а в 1192—1197 гг. занимал трон фактически уже преставшего существовать Иерусалимского королевства. Крестonosный обет Тибо III принял 28 ноября 1199 г. в день турнира в арденнском замке Экри. Во время приготовлений к походу неожиданно умер.

Бодуэн IX, граф Фландрии и Эно (Бодуэн VI), вассал французской и германской короны. Взял крест в Брюгге 23 февраля 1200 г. — вместе с супругой Марией, сестрой графа Тибо III Шампанского, — и в апреле 1202 г. отправился в Венецию. Впоследствии первый государь Латинской империи Бодуэн I (1204—1205).

Луи, граф Блуаский и Шартрский, один из предводителей крестоносцев. Принял обет во время турнира в Экри. Погиб в сражении с болгарами под Адрианополем (14 апреля 1205 г.).

Симон IV, сеньор Монфора (соврем. департамент Сены и Уазы, округ Рамбуэй) и Эпернона, вассал французской короны, родственник Матье де Монморанси. Принял крест в Экри, но затем, не желая участвовать в нападении на Задар, вместе с Ангерраном де Бовом покинул войско и отправился в Венгрию (см. в гл. XIV). Позднее возглавлял крестовый поход против альбигойцев.

¹² Нивелон I де Кьерзи (соврем. департамент Эн, округ Лаон, кантон Кузи-ле-Шато), епископ Суассонский (1176—1207), участник крестового похода, близкий к Филиппу II Августу. Принял крест в 1201 г. После захвата Задара крестоносцами был ими послан к Иннокентию III добиваться снятия отлучения; в 1205 г. поехал на Запад, чтобы получить помощь для Латинской империи против болгарского царя Калояна, но на обратном пути умер в Барн.

¹³ «Епископ Варнье де Труа» (*li vesques Warniers de Troie*) (1193—1205)

(правильнее — «Гарнье», так у Виллардуэна) находился в окружении Тибо III Шампанского. Был в числе церковных иерархов, которые благословляли все «доблестные деяния» крестоносного воинства, направленные против христианских городов — Задара и Константинополя. 9 мая 1204 г. был одним из шести выборщиков императора Латинской империи. Умер в Константинополе 14 апреля 1205 г.

¹⁴ В оригинале «Hanetaist» так называет хронист Конрада фон Крозига, епископа Гальберштадтского (1201—1209), возглавлявшего один из отрядов крестоносцев.

¹⁵ Симон, аббат цистерцианского Лоосского монастыря (близ Турнэ, во Фландрии). Цистерцианцы — члены католического монашеского ордена, основанного монахами-бенедиктинцами в 1098 г. в Цистерциуме (ныне — деревня Сито, близ Дижона).

¹⁶ По сведениям Жоффруа де Виллардуэна, этот сеньор состоял в отряде графа Гюга де Сен-Поля, хотя его владения (Виньянкур близ Доллана) находились в Амьену. Племянник или двоюродный брат графа де Сен-Поля, он был сюзереном Робера де Клари.

¹⁷ Ангерран де Бов (Бов — в 5 км от Амьена) уже участвовал в Третьем крестовом походе, сопровождая Филиппа II Августа и своего отца Робера де Бова, умершего во время осады Акры.

¹⁸ Робер, граф де Бов, сеньор Фуанкамп (в 3 км юго-восточнее Бова). После захвата крестоносцами Задара участвовал в их депутации в Рим, но в нарушение обязательства, принятого послами, не вернулся в войско, а уехал в Сирию. Умер в 1224 г.

¹⁹ Гюг де Бов, младший брат Ангеррана и Робера, вместе с Ангерраном покинул войско после захвата Задара и отправился в Венгрию, откуда вернулся во Францию.

²⁰ Бодуэн де Бореуар (Бовуар), судя по рассказу Виллардуэна, участвовал во взятии Константинополя и в 1203 г. и в 1204 г., находясь в отряде Анри д'Эно.

²¹ Матье де Валинкур (в 12 км к юго-востоку от Камбрэ, в Эно); Жоффруа де Виллардуэн упоминает его в качестве храброго рыцаря. Осенью 1204 г. был направлен вместе с Макэром де Сен-Менэу в Малую Азию для захвата Никомидии. Погиб в сражении под Адрианополем 14 апреля 1205 г.

²² «Защитник Бетюна» (li avoés de Betune): термином avoüé (от лат. advocatus — «призванный для помощи») обозначался сперва светский феодал, выполнявший должностные функции судебного и фискального характера на территории, подвластной монастырю, и считавшийся его патроном, или «покровителем». Могущественные сеньоры нередко принуждали аббатов избирать такого «покровителя», получавшего часть монастырских доходов, в расчете на присвоение себе в дальнейшем и монастырских земель. В XI в. один из предков обоих братьев из Бетюна стал «защитником» богатой обители св. Вааста в Аррасе. Этот титул носил и их отец — Робер V Бетюнский, погибший при осаде Акры в 1191 г. У Робера де Клари речь идет о рыцаре Гийоме де Бетюне, сведений о котором не сохранилось.

²³ Конон Бетюнский, сын Робера V. Состоял в родстве с домом графов Фландрских и Эно. Видам (должностное лицо, представлявшее интересы епископа) Шартра и шатэлен (букв. «владелец замка», принятое во Франции обозначение крупного феодала, обладавшего в своей округе судебно-политическими прерогативами) де Куси. Конон участвовал в Третьем крестовом походе и сочинил о нем две канцоны. Рыцаря-поэта многократно упоминают и Робер де Клари и Жоффруа де Виллардуэн. Как человека, обладавшего даром слова, его выбрали в состав посольства для переговоров с Венецией; он участвовал и в других дипломатических миссиях во время похода. В 1200 г. ему было около 50 лет. После захвата Константинополя остался в Латинской империи. Умер 17 декабря 1219 г.

²⁴ Юсташ де Кантелэ упоминается в хронике Виллардуэна как один из командиров во время штурма Константинополя в 1203 г.

²⁵ Имя Ансо де Кайо встречается в записках Робера де Клари только в данном перечне, хотя по происхождению он был из той же области, что и сам хронист; Виллардуэн, напротив, говорит о нем и как об участнике похода латинского императора Анри против царя Калояна. В документах начала XIII в. фигурирует среди баронов Латинской империи (октябрь 1219 г.)

²⁶ Ренье де Трит (Трит-Сен-Леже, соврем. департамент Нор, округ и кантон Валансьен в 4 км юго-восточнее Валансьена — в Эно) упоминается только в этом месте повествования. В хронике Виллардуэна его имя фигурирует довольно часто. Когда крестоносцы находились на Корфу, он рьяно выступал за поход на Константинополь; при разделе византийских земель получил Филиппополь, став его герцогом.

²⁷ Гюг де Бовэ принадлежал, должно быть, к числу бедных рыцарей. Упоминается только в данном месте; у Виллардуэна это имя вообще отсутствует.

²⁸ Жак д'Авеня — сеньор Ландреси (в 8 км от Авеня).

²⁹ Эд де Шанлитт у Робера де Клари более нигде не упоминается, тогда как у Виллардуэна называется неоднократно; Гиём де Шанлитт, вскользь упомянутый автором, тоже часто встречается в хронике Виллардуэна, который характеризует его как смелого и доблестного рыцаря. Он являлся одним из вассалов герцога Бургундского; был ранен в руку во время первой осады Константинополя.

³⁰ Жоффруа де Виллардуэн, маршал Шампани, автор хроники, по названию аналогичной произведению Робера де Клари. Последний упоминает его только по титулу. Младший отпрыск феодального семейства средней руки. Виллардуэн — фьеф, находившийся в 6 лье севернее Труа и в 3 лье западнее Бриенна; фьеф являлся подвассальным графам последнего. Кроме того, Жоффруа де Виллардуэн имел ряд других владений. Участвовал в Третьем крестовом походе. Был регентом при малолетнем Тибо III. Играл видную роль при дворе графов Шампани. Во время Четвертого крестового похода являлся «начальником штаба» крестоносцев и наряду с Кононом Бетюнским, видным политиком крестового похода, принимал участие во всех важных дипломатических акциях. В начале своей хроники Жоффруа де Виллардуэн помещает перечень рыцарей, принявших обет крестового похода — 150 имен; список Робера де Клари насчитывает лишь 58 имен, причем 46 из них встречаются и у Виллардуэна. Однако маршал Шампанский перечисляет рыцарей в хронологии принятия ими обета, тогда как Робер де Клари, осведомленный гораздо слабее, довольствуется упоминанием владений того или иного сеньора, притом с ошибками.

³¹ Ожье де Сен-Шерон (в соврем. департаменте Марна, округ Витри, кантон Сен-Реми-ан-Бузмон) — рыцарь из Шампани. Во время осады крестоносцами Константинополя находился в отряде Матье (Майе) де Монморанси. В документе от 1205 г. он фигурирует уже вернувшимся в Шампань.

Макэр де Сен-Менэу — деятельный участник Четвертого крестового похода. Во время битвы за Константинополь в 1204 г. также сражался в отряде Матье де Монморанси.

Имя Кларембо де Шапп (соврем. департамент Об, округ и кантон Барсьюр-Сен, на полпути между Баром и Труа, в 20 км юго-восточнее последнего) упоминается только в этом месте записок Робера де Клари.

³² Милон де Бребан (в Провэнсе) более нигде Робером де Клари не называется. Напротив, Жоффруа де Виллардуэн неоднократно упоминает его, поскольку рыцарь этот, родом из Шампани, был близок к нему. Участвовал в Третьем крестовом походе. Во время сборов в Четвертый поход находился в числе французских послов, ведших переговоры с Венецией, Генуей и Пизой. Позднее один из главных советников Бодуэна I.

³³ Имеется в виду Гюи, шатэлен де Куси (замок Куси — в департаменте Эн, округ Лаон, в 24 км юго-западнее Лаона). Упоминание о нем встречается лишь в данном месте. Он участвовал в Третьем крестовом походе. Во время пребывания крестоносцев на о-ве Корфу в 1203 г. противился походу против Византии. Умер на пути в Константинополь.

³⁴ Матье де Монморанси, упоминаемый автором только здесь, был близок к Жоффруа де Виллардуэну, который неоднократно говорит о нем. Во время первой осады Константинополя командовал отрядом крестоносцев из Шампани. Умер в 1203 г. и был похоронен в церкви госпитальеров.

³⁵ Пьер де Брасье (правильно — Брашэ, в соврем. департаменте Луары и Шер, близ Бове) ошибочно отнесен здесь к числу рыцарей из «Франции». Он был вассалом графа Луи Блуаского и находился в его отряде.

³⁶ «Были из Франции» (estoient de Franche), т. е. из Иль-де-Франса.

³⁷ Бовези — район близ города Бове.

³⁸ Шартрэн — область города Шартра.

³⁹ Оба эти рыцаря упоминаются только Робером де Клари, который ошибочно причисляет Пьера д'Ало, Пьера Амьенского (вторично, в первом случае среди рыцарей из Амьену) и шатэлена Корби к вассалам Луи Блуаского; в действительности они были из Северной Франции. Точно так же ошибочно Робер де Клари включает в этот отряд Манессье Лилльского (он был из Шампани) и Матье де Монморанси.

⁴⁰ Манессье из Лилля в дальнейшем не называется; Виллардуэн упоминает Манессье де л'Иль. По-видимому, оба автора имеют в виду одно и то же лицо. Это был вассал графа Шампанского, владелец замка Жуи-ле-Шатель на о-ве Иль-ле-Вилленуа (соврем. департамент Сены и Марны, округ Мо, кантон Клэ), в 6 км к юго-западу от Мо. Во время Третьего крестового похода был тяжело ранен в ногу. Снискал репутацию храброго рыцаря и дипломата.

⁴¹ «Носили знамя» (portoient baniere): один из первых в западной хронографии случаев употребления слова «флаг» («штандарт») в его «техническом» смысле — знамя, носимое в бою. Право на ношение знамени было признаком высокого положения в феодальной иерархии. Французский историк А. Пофилэ, уточняя значение формулировки «si portoient baniere», переводил ее в том смысле, что речь идет у хрониста о коннетаблях, командовавших отрядами в 25 рыцарей-копейщиков.

⁴² Робер де Клари вторично говорит об Андрэ де Дюрбуазе в гл. XXIV, повествуя о штурме константинопольских стен в апреле 1204 г., где этот рыцарь отличился при захвате одной из башен. Умер 31 января 1206 г.

⁴³ П. Дембовски считал, что хронист употребляет эпитет *biaus* в смысле «чистый нравом», «благородный» и т. д., т. е. в качестве оценочного обозначения морального порядка. По мнению А. М. Нада Патроне, Робер де Клари хотел в данном случае просто подчеркнуть красоту физического облика своего сюзерена.

⁴⁴ Родной брат Робера де Клари.

⁴⁵ Первый совет баронов — в Суассоне.

⁴⁶ Второй совет баронов — в Компьене.

⁴⁷ См. примеч. 11. Виллардуэн не упоминает об избрании Тибо III предводителем крестового войска; известие пикардийца сомнительно. По данным новейших исследований (в частности, английского историка Э. Киттель — 1981 г.), формально граф Шампани не был избран главнокомандующим.

⁴⁸ Дата кончины Тибо III — 24 или 25 мая 1201 г.

⁴⁹ Жоффруа де Виллардуэн, находившийся в близких отношениях с графом Тибо III, не называет точной суммы, оставленной им крестоносцам, но отмечает, что хотя многие клятвенно обещали отправиться в поход и уже получили деньги, однако не поехали.

⁵⁰ Фульк умер в Нейн в мае 1202 г., завещав собранные им денежные пожертвования тем, кто отправлялся в крестовый поход. Распространилась молва, что часть этих денег присвоил себе он сам и его помощник Пьер де Росси, а часть получил граф Бодуэн Фландрский. По сведениям автора хроники «Константинопольское опустошение», «огромные денежные суммы», собранные Фульком, забрали в свое распоряжение Эд де Шанлитт и Гюн де Куси, действовавшие «в соответствии с повелением французского короля».

⁵¹ Второй совет баронов в Суассоне — вероятно, в июне 1201 г., тотчас после смерти Тибо III Шампанского. Собравшиеся предложили было предводительство походом герцогу Одо Бургундскому, потом графу Тибо Бар-ле-Дюк,

но оба отказались принять на себя командование, дело хотя и почетное, но в то же время весьма обременительное. Только после этого всплыло имя Бонифация Монферратского, кандидатура которого, возможно, была выдвинута Виллардуэном. Участники совета приняли это предложение.

⁵² Маркиз Бонифаций Монферратский принадлежал к знатной семье ломбардских феодалов, находившейся в родственных отношениях с Капетингами и Гогенштауфенами. Представители этой семьи были давно и тесно связаны с восточносредиземноморской политикой европейского рыцарства. Отец Бонифация — Гилельм III — принимал участие во Втором крестовом походе 1147—1149 гг. и долго жил в Палестине. В битве при Хаттине (4 июля 1187 г.) попал в плен к Салаху ад-Дину. Старший брат Бонифация — Гилельм Длинный Меч был женат на сестре иерусалимского короля Бодуэна IV (1174—1185) — Сибилле и являлся графом Яффы и Аскалона. Король Бодуэн V (1185—1186), его сын, приходился Бонифацию племянником. Другой, тоже старший брат маркиза — Конрад некоторое время занимал видное положение при византийском дворе: в 1187 г. он вступил в брак с сестрой императора Исаака II Ангела — Феодорой и оказал большие услуги своему тестю при подавлении мятежа Алексея Враны. Возбудив против себя недовольство придворной аристократии, Конрад Монферратский отправился в Палестину. Руководил обороной Тира в войне с Салахом ад-Дином в 1187 и 1188 гг. Женившись на Изабелле, дочери короля Иерусалимского Амори I (1163—1174), Конрад получил корону Иерусалимского королевства. В 1192 г. был убит в Тире двумя фанатиками из мусульманской секты ассасинов. Младший брат Бонифация — Райнерий, женатый на дочери византийского императора Мануила I Комнина — Марии (1179 г.), носил титул кесаря (1180—1182). Погиб во время дворцового переворота в Константинополе в 1183 г. Бонифаций Монферратский должен был и еще в начале 80-х годов пытался унаследовать г. Фессалонику (Солунь) — то ли как приданое Марии Комнины, то ли как пожалование (пронию), данное императором Райнерию. В силу семейной традиции Бонифаций был гибеллином: он участвовал в завоевании Сицилии германским императором Генрихом VI (1194 г.). Предложение, сделанное маркизу французскими сеньорами, застало его воюющим с городами Пьемонта. Поэтому вначале он, вероятно, и колебался, но затем отбросил сомнения и согласился взять на себя командование.

⁵³ Жоффруа де Виллардуэн ничего не сообщает о колебаниях маркиза; в ответ на обращение Бонифаций тотчас отправился в путь и через Шампань прибыл во Францию. В исторической литературе высказывалось предположение, будто еще во время возвращения из Венеции через Монферрат Жоффруа де Виллардуэн и Алар де Макэро вступили в переговоры с маркизом на предмет привлечения его к крестовому походу. Это предположение беспочвенно: тогда никто не мог предвидеть ни смерти Тибо Шампанского, ни того, что герцог Бургундский и граф Бар-ле-Дюк отклонят предложения о предводительстве.

⁵⁴ Щедрость Бонифация Монферратского воспевается также в канцонах провансальского трубадура Раимбаута де Вакейраса, который в молодости был близок к маркизу.

⁵⁵ Мон-Жу — Малый Сен-Бернарский перевал в Альпах; часто хронисты называют таким образом Альпы вообще.

⁵⁶ Бонифаций Монферратский принял крест 18 августа 1201 г. в суассонской церкви из рук епископа Нивелона. Интересно, что в гл. I хронист называет его имя первым в перечне князей церкви, изъявивших готовность отправиться в крестовый поход.

⁵⁷ Об этом же подробно рассказывается и в записках Виллардуэна.

⁵⁸ Сарацины — распространенное на Западе XII—XIII вв. собирательное обозначение восточных (мусульманских) народов: арабов, тюрок-сельджуков и т. д.

⁵⁹ В этом диалоге нашли отражение отголоски встречи баронов с Бонифацием Монферратским (в конце августа или в сентябре 1201 г.). Их нежелание плыть в Сирию легко объяснимо. Уже участники Третьего крестового похода

оказались вовлеченными в распри феодальных группировок в Иерусалимском королевстве, что продемонстрировало нецелесообразность «любовой» атаки на Заморскую землю и предпочтительность обходного маневра, способного обеспечить надежный тыл крестоносному войску.

⁶⁰ Вавилон — принятое в XII—XIII вв. на Западе наименование Каира, точнее, старинной крепости, расположенной на некотором расстоянии от города, которая, согласно преданию, была выстроена одним из последних фараонов, чтобы привлечь на египетскую службу вавилонских наемных воинов.

⁶¹ Вопрос о найме флота у какой-либо из итальянских республик освещается хронистами по-разному. В изложении Жоффруа де Виллардуэна уполномоченные крестоносцев обратились к Генуе и Пизе лишь после того, как успешно завершили свои переговоры с Венецией, что было бы нелогично и потому вызывает сомнения. Менее сведущий Робер де Клари проявляет и большее легковерие, передавая свою версию на этот счет. Однако если он просто не знает, то Виллардуэн, скорее всего, умалчивает о том, что предводители крестоносцев твердо рассчитывали нанять флот именно в Венеции.

⁶² Более осведомленный Жоффруа де Виллардуэн, сам находившийся в составе посольства в Венецию и, вероятно, возглавлявший его, приводит полный перечень участников миссии. Это были Жоффруа де Виллардуэн и Милон де Бребан (от Тибо Шампанского), Конон Бетюнский и Алар де Макэро (от Бодуэна Фландрского), Жан Фризский и Готье де Годонвиль (от Луи Блуасского). Те же лица упоминаются в тексте договора с Венецией о перевозе (апрель 1201 г.). По данным венецианских хронистов, в составе посольства было 10 человек. У Робера де Клари число послов не указано: он приводит лишь имена Жоффруа де Виллардуэна и Конона Бетюнского, видимо более всего известные рядовым крестоносцам, не называя даже своего «земляка» Ала-ра де Макэро.

⁶³ В действительности после того, как участники совета в Суассоне раз-
ехались, Бонифаций Монферратский не сразу отправился восвояси: 14 сентяб-
ря 1201 г. он побывал в бургундском аббатстве Сито на заседании капитула
цистерцианцев и, надо полагать, добился согласия аббата Пьетро де Лочедно
сопровождать его в крестовом походе. Отсюда маркиз направился на Рейн и
в конце декабря 1201 г. прибыл в Гагенау, к королю Филиппу (гл. XVII).

⁶⁴ Первое число близко к тому, которое фигурирует и в договоре с Вене-
цией от 1201 г., обязавшей поставить флот для перевозки 4500 рыцарей;
второе — 100 тыс. пеших воинов — домysel Робера де Клари; текст договора
называет 9 тыс. щитносцев и 20 тыс. пеших воинов. Данные Виллардуэна
совпадают с содержащимися в договоре и венецианских источниках.

⁶⁵ По малодостоверному рассказу Жоффруа де Виллардуэна, четверо из
шести французских послов якобы отправились в Геную и Пизу после подписа-
ния договора с Венецией. В этих городах еще раньше по указанию Иннокен-
тия III была развернута проповедь крестового похода. Может быть, послы на-
деялись, что там крестоносцам тоже будет оказано содействие? Генуя и Пиза —
соперницы Венеции в Средиземноморье — отказались, однако, принять участие
в походе.

⁶⁶ Послы приехали в Венецию между 4 и 11 февраля 1201 г., преодолев
путь в 970 км (расстояние от Компьяна до Венеции через Мон-Сени). Чтобы
доехать до цели в столь краткое время, им нужно было проделывать в сутки
в среднем по 32 км. Аноним Гальберштадтский сообщает, что французские
сензоры якобы направили в Венецию вместе со своими послами также и Бо-
нифация Монферратского, что очень сомнительно. Вообще сведения этого
хрониста приобретают достоверность лишь начиная с его повествования о со-
бытиях после 15 августа 1202 г., когда сам он приехал в Венецию и стал
очевидцем происходившего.

⁶⁷ Венецианский дож Энрико Дандоло (1192—1205).

⁶⁸ Марка — денежная единица, равная в XIV в. приблизительно стоимо-
сти 23⁴ г серебра.

⁶⁹ В соответствии с условиями договора, заключенного дожем Венеции,
с одной стороны, и посланцами графов Шампани, Фландрии и Блуа (см.

примеч. 62) — с другой, Венеция обязалась предоставить сроком на один год суда для перевозки 4500 тыс. рыцарей и стольких же коней, 9 тыс. оруженосцев, 20 тыс. пеших воинов вместе с их оружием и снаряжением, а также съестными припасами, которыми она бралась снабдить войско на девять месяцев (в соглашении особо оговаривались нормы продуктовых поставок). Кроме того, «из любви к богу» Венеция принимала обязательство снарядить на годичный срок 50 вооруженных галер за свои средства. Год, в течение которого республика св. Марка должна была построить флот, исчислялся с 29 июня 1201 г. Крестоносцы должны были уплатить Венеции за услуги 85 тыс. марок чистым серебром кельнской меры («с каждого коня четыре марки, с каждого человека две марки») в рассрочку четырьмя взносами: 15 тыс. марок — к 1 августа 1201 г., 10 тыс. марок — к 1 ноября 1201 г., столько же — к 20 февраля 1202 г. и остальные 50 тыс. марок — не позднее конца апреля 1202 г. Венеция выговорила себе половину долю всего, что будет завоевано.

В отличие от Робера де Клари Жоффруа де Виллардуэн, сам ведший переговоры с венецианцами, нигде не упоминает о каких-либо спорах по поводу цены фрахта. Ни в его сообщении, ни в известиях венецианских хроник не указывается и сумма в 100 тыс. марок, якобы затребованная первоначально с крестоносцев. Относительно же 87 тыс. марок, будто бы выторгованных послами у венецианцев, предполагают, что Робер де Клари слышал о займе в 2 тыс. марок, сделанном послами перед отъездом из Венеции (на оплату первых расходов по строительству флота), и приплюсовал эти 2 тыс. марок к общей стоимости фрахта (85 тыс. марок). Цена, назначенная Венецией, равнялась двойному годовому доходу английского и французского королевств. Следовательно, заключая договор, венецианцы ясно отдавали себе отчет в невыполнимости для крестоносцев его условий.

⁷⁰ По сообщению Жоффруа де Виллардуэна, дож потребовал уплатить одновременно 5 тыс. марок, которые послы и «одождали в городе», т. е. у венецианских занмодавцев, вручив полученную сумму Энрико Дандоло (чтобы обеспечить отплытие флота к 24 июня 1202 г.).

⁷¹ Известие, по-видимому, недостоверно: коль скоро такое распоряжение было отдано дожем, то Робер де Клари мог узнать о нем только позднее, по прибытии крестоносцев в Венецию летом 1202 г. Коммерческие документы, однако, свидетельствуют, что уже после подписания договора 1201 г. из Венеции был отправлен на Восток один из ее самых крупных кораблей («Рай»), впоследствии участвовавший в боевых действиях крестоносцев.

⁷² Известие о совете баронов в Корби по возвращении послов из Венеции также не соответствует действительности. Робер де Клари допускает и хронологическую путаницу: из его рассказа явствует, что в дни совета в Корби графа Тибо III уже не было в живых; значит, совет собрался отнюдь не тотчас же по возвращении послов из Венеции. Ведь из повествования Виллардуэна ясно видно, что когда он вернулся в Труа, то застал графа больным, тот был рад его прибытию. По Роберу де Клари, венецианцам вручили в Корби 25 тыс. марок, что не соотнобразуется ни с одним из условий договора о перевозке. Заслуживает внимания только сообщение о том, что общая сумма уплаченного им ко времени совета в Корби достигла 25 тыс. марок, следовательно, были внесены два первых платежа, обусловленные договором (15 и 10 тыс. марок). В таком случае все описываемое здесь происходило в конце октября 1201 г. (срок уплаты второго взноса — 1 ноября 1201 г.).

⁷³ В гл. VI Робер де Клари говорит об одном венецианском посланце во Францию, здесь же — то об одном, то о нескольких, которым были оказаны почести французскими баронами. Эта путаница — результат либо неточности переписчика, либо сбивчивости повествования самого хрониста.

⁷⁴ Пятидесятница (троица) — церковный праздник, отмечаемый на 50-й день после пасхи. В 1202 г. приходился на 2 июня.

⁷⁵ Это утверждение, явно не согласующееся с последующими данными хрониста. По условиям договора предполагалось, что в Венецию придут 33,5 тыс. воинов (а по Роберу де Клари, даже свыше 100 тыс., см. примеч. 64). В действительности численность собравшихся была значительно меньшей.

⁷⁶ Пилигримами, или паломниками, назывались участники благочестивых странствий к «святым местам». По представлению, распространенному в Западной Европе, крестоносцев также причисляли к пилигримам, сами крестовые походы рассматривались как своего рода «вооруженные паломничества». Поэтому Робер де Клари, подобно многим другим хронистам, нередко именуется участниками описываемого им крестового похода «пилигримами».

⁷⁷ Нефы — крупные, тяжеловесные вместительные суда круглой формы с несколькими мачтами и большими парусами, крепившимися с помощью длинных рей («антенн»). Для повышения устойчивости нефа на носу и корме устанавливались деревянные башни, или «замки» («шато»). Нефы передвигались медленно и отличались слабой маневренностью. Управление ими требовало умения и опыта.

Дромоны — византийский по происхождению термин, редко встречающийся во французском прозаическом лексиконе и лишь иногда употреблявшийся в поэтических произведениях. Быстроходный военный корабль. В XII—XIII вв. так называли и большие грузовые суда (иначе — галиоты).

Юисье — военно-транспортные парусные корабли с глубоким трюмом, в который по перекидному мостику через двери в кормовой части (huis — отсюда и наименование данного типа судов) можно было прямо с причала вводить коней и таким же образом выгружать их на берег.

Галеры — узкие и длинные, легкие гребные военные суда, оснащенные также и парусами. Обладали высокой маневренностью и быстроходностью.

⁷⁸ Ныне о-в Лидо вблизи Венеции. Его средневековое название происходит от наименования церкви, в которой хранились «мощи» св. Николая. На острове имела стоянка для кораблей.

⁷⁹ Как явствует из рассказа хрониста, крестоносцы решили расположиться на Лидо по собственному выбору: в Венеции для них якобы не оказалось достаточного места. Иначе рисует ситуацию автор хроники «Константинопольское опустошение»: венецианцы вынудили крестоносцев разбить лагерь на острове, фактически выдворив их из города.

⁸⁰ Речь идет здесь и далее о венецианцах, способных носить оружие.

⁸¹ Сходка эта происходила в соборе св. Марка.

⁸² Часть крестоносцев отправилась через Бургундию и Ломбардию, другая (вассалы графа Фландрского) погрузилась на корабли в Марселе.

⁸³ Вопрос о численности крестоносцев, собравшихся в Венецию к лету 1202 г., спорен, ибо сведения хронистов расходятся и не совпадают между собой. По скрупулезным подсчетам А. Кариле, в Венецию прибыли 10 589 крестоносцев. Согласно мнению Д. Э. Квеллера и других американских специалистов, скорректировавших арифметические погрешности А. Кариле, 11 166 или 13—14 тыс. человек. Ж. Лоньон полагает, что собралось от 1500 до 1800 рыцарей. Б. Хендрик признает минимальную численность крестоносцев равной 11 167 человекам, максимальную же — 21 750 человек. Э. Г. Мак Нил и Р. Л. Уолф оценивают ее в 10—12 тыс. человек. Так или иначе, очевидно, что Робер де Клари находился не в ладах с цифрами — в Венецию прибыли всего 10—13 тыс. крестоносцев, т. е. третья часть тех, кто должен был явиться, как это предполагали французские послы, подписывая в 1201 г. договор с Венецией.

⁸⁴ «Не дозволил» (si ne laissa). В тексте хроники нечетко дифференцируются по смыслу слова laissa — «дозволил» и lassa — «прекратил», так что данное предложение может быть переведено и прямо противоположным образом: «Не дозволял из-за этого доставлять им в достаточном количестве еду и питье». Автор хроники «Константинопольское опустошение», обычно сгущающий краски, когда дело касается политики венецианцев, рисует положение крестоносцев так, что они содержались на острове подобно узникам Венеции; хлеб им продавали очень дорого, они несли тяжкие потери от голода и болезней, начавшихся из-за недоедания («смертность была столь велика, что живые едва успевали хоронить умерших»). Напротив, Виллардуэн, принадлежавший к той части знати, которая готова была пойти на компромисс с дожем, изображает ситуацию в самых благополучных тонах («венецианцы предлагали им на

продажу все в таком изобилии, что хватало всего, что необходимо было для коней и для людей»).

⁸⁵ Задар — крупный торговый центр на восточном побережье Адриатического моря, в Далмации. В XII в. велась упорная борьба между Венецией и Венгрией за овладение городом, который не раз переходил из рук в руки. В 1183 г. Задар отдался под покровительство венгерского короля Белы III — венгры изгнали венецианского правителя и возвели в городе мощную крепость. Венеция попыталась в 1192 или 1193 г. отвоевать его, но потерпела неудачу. Венецианская плутократия не оставляла мысли о том, чтобы вернуть Задар и покончить с торговым могуществом соперника. К тому же по условиям договора 1201 г. республика св. Марка получила бы в свою пользу половину всей захваченной добычи. Не случайно дож, судя по рассказу Робера де Клари, указывал на богатства Задара.

⁸⁶ Повествуя о тех же событиях, Виллардуэн лишь мельком упоминает о недовольстве части крестоносцев предложением дожа насчет завоевания Задара. Если Робер де Клари явно оттеняет непричастность «меньшого люда» к этому плану, то, по сообщению Виллардуэна, в конце концов было достигнуто общее согласие — принять условие венецианцев, готовых в этом случае отсрочить рыцарям уплату их долгов.

⁸⁷ 8 октября 1202 г.

⁸⁸ Кимвалы (tabours) — большие барабаны, в отличие от обычных барабанов (tymbres).

⁸⁹ «Приди, о дух всевиждущий» — начальные слова литургического гимна.

⁹⁰ Здесь в рукописи полстроки пропущено.

⁹¹ Об отплытии флота из Венеции примерно с теми же деталями повествует и Жоффруа де Виллардуэн. Его рассказ содержит и некоторые сведения, в том числе хронологические, отсутствующие у Робера де Клари: на нефях «везли более 300. метательных орудий и таранов», флот покинул Венецию «на восьмой день праздника св. Ремигия (т. е. 8 октября — М. Э.), в год 1202 от воплощения Иисуса Христа».

⁹² Рыцарские флажки с изображениями фамильных гербов, прикреплявшиеся обычно на корабельные шато.

⁹³ Данные источников относительно численности флотилии, отплавшей из Венеции, различны. По сведениям автора хроники «Константинопольское опустошение», эскадра насчитывала 40 нефов, 72 галеры, 100 юиссье (всего 212 судов). По сообщению византийского историка Никиты Хонната, в ее состав входили более 70 «круглых судов» (нефов), 60 «длинных судов» (галер), 110 дромонов (юиссье) (всего 240 судов). Венецианские анналы гласят, что там было 310 грузовых кораблей, из коих 240 — с квадратными парусами (на этих судах перевозили воинов) и 70 — для поклажи, а кроме того, 50 бирем (галер) и 120 юиссье (всего 480 кораблей). Венецианский хронист Андреа Дандоло называет число в 300 кораблей. По подсчетам А. Кариле, явно завышенным, численность венецианцев, отправившихся с флотом, составляла 17 264 человек.

⁹⁴ Пола, точнее, Пула — портовый город в Истрии, находившийся под властью Венеции.

⁹⁵ Праздник св. Мартина приходится на 11 ноября, следовательно, флот прибыл к Задару в ночь с 10 на 11 ноября, т. е. спустя месяц с небольшим после отплытия из Венеции (см. примеч. 87).

⁹⁶ Иннокентий III знал о предстоящем походе против Задара. В октябре 1202 г. его известил об этом легат римской курии, прикомандированный к войску крестоносцев, кардинал Пьетро Капуанский, который, по словам папского биографа, «ясно открыл папе злое намерение венецианцев». Возможно, что папа был информирован о подготовке войны против Задара и Бонифацием Монферратским, посетившим Рим одновременно с легатом — в октябре 1202 г. Туда же направились и гонцы от тех крестоносцев, которые, как писал Гунтер Пэрисский, считали «недопустимым для христиан... обрушиваться на христиан же убийствами, грабежами, пожарами». Тем не менее папа занял двусмысленную позицию. Он действительно отправил к крестоносцам аббата Пьетро де

Лочедно (монастырь в Пьемонте) с посланием, в котором под угрозой отлучения запретил им нападать на христианские земли, включая владения венгерского короля, взявшего крест. Однако это, скорее всего, была лишь дипломатическая уловка, призванная обеспечить престиж апостольского престола. Вполне вероятно, что передаваемые Робером де Клари факты (Задар заручился папской грамотой, угрожавшей отлучением всякому, кто нападет на него, а горожане переслали затем эту грамоту дожу и предводителям крестоносцев, чтобы предотвратить нападение) соответствуют действительности. Именно эти факты, возможно, и послужили поводом для выступления аббата Гюи из Во де Сернэй, воспротивившегося осуществлению антизадарского плана. Однако нельзя исключать и того, что хронист допускает в изложении фактов неточности. Если рассказываемое им верно, значит, из Рима были посланы два документа: один — задарцам, другой — дожу и крестоносцам. Во всяком случае, рассказ Робера де Клари свидетельствует, что в лагере крестоносцев было известно о папской грамоте, запрещавшей им воевать против христианского города. Виллардуэн, повествуя о задарских событиях, опускает все, что могло бы бросить тень на апостольский престол. Двусмысленность курса Иннокентия III в той или иной степени признают многие западные исследователи.

⁹⁷ Монах-хронист Пьер из цистерцианского аббатства Во де Сернэй (к юго-западу от Парижа), автор «Альбигийской истории», живо воспроизводит в ней конфликт дожа и графа Симона де Монфора, вспыхнувший в то время, когда аббат Гюи, дядя хрониста, прочитал в совете военачальников папскую грамоту, которая предостерегала крестоносцев. Венецианцы хотели убить Гюи, но Симон де Монфор взял его под защиту. Судя по этому рассказу, граф покинул лагерь, уехал в Барлетту (Апулия) и оттуда, наняв корабли, направился в Св. землю, где оставался свыше года. Жоффруа де Виллардуэн, подобно Роберу де Клари, утверждает, что Симон де Монфор отбыл в Венгрию и выступил затем в поход на Восток. «Большой папист, чем папа» (Л. Уссель), граф был не единственным, кто отказался участвовать в завоевании Задара. Предложение об этом, внесенное через Бонифация Монферратского, вызвало поначалу замешательство среди какой-то части вождей и рыцарства, а также оппозицию «меньшого люда», у тех, кто, по словам Гунтера Пэрисского, имел с собой мало денег и, израсходовав имевшиеся, не располагал средствами для продолжения пути: «Оставив войско, они повернули стопы свои назад и возвратились восвоиси». Таким же образом, добавляет он, поступали и «некоторые могушественные и богатые мужи, причем не столько из-за нехватки средств, сколько будучи охвачены ужасом [при мысли] о совершении [такого] бесчестного деяния». В исследованиях западных историков XIX—XX вв. проводится обычно точка зрения, будто такие рыцари руководствовались религиозными мотивами: благочестие не позволяло-де им участвовать в осаде христианского города — тезис, который в сущности повторяет объяснение, предлагавшееся еще хронистами. Конечно, определенную роль могли играть и соображения такого рода, однако не меньшее значение, надо полагать, имело недоверие к Венеции, укоренившееся за время пребывания на Лидо и глумлений «хозяев флота» над «воинами христовыми». Рыцари не хотели рисковать жизнью ради ее корыстных интересов, предпочитая сражаться на Востоке за собственные цели. В конечном же счете и те, кто опасался церковных санкций за нападение на Задар, решил «пойти на риск» и пренебречь своими «страхами». Что касается основной массы крестоносцев, то для нее, по единичному признанию Д. Квеллера, «важны были цели, достижимые средствами, с помощью которых их можно было реализовать, а они в этом мире не согласовывались с велениями совести».

⁹⁸ Задар пал 24 ноября 1202 г., после пятидневного приступа. Какие-либо подробности осады неизвестны. Иннокентий III в послании крестоносцам, «простив» им завоевание христианского города, утверждал, будто оно не повлекло за собой ни особого кровопролития, ни существенных разрушений. Это сообщение расходится с фактами, засвидетельствованными далматинским хронистом XIII в. Фомой Сплитским, который, в частности, отмечал, что захватчики, овладев Задаром, выгнали оставшихся жителей и «разрушили все окружавшие его стены и башни и все здания».

⁹⁹ Это известие подтверждается и данными других хронистов: Задар поделили «посредине на две части, в одной расположились пилигримы, в другой — венецианцы» (Аноним Гальберштадтский). Позднее Задар восстал, но был приведен к повиновению сыном Энрико Дандоло — Райнерием.

¹⁰⁰ Об острых столкновениях массы крестоносцев с венецианцами вскоре после захвата Задара более детально рассказывает Жоффруа де Виллардуэн. Пончины распри, однако, у обоих хронистов не объясняются: вызвана ли она была неурядицами из-за дележа добычи или недовольством рыцарской гольтыбы в связи с тем, что ее втянули в предприятие, чуждое непосредственным целям похода и чреватое «неприятностями» (церковное отлучение), вследствие чего захват Задара мог восприниматься как «несправедливая» акция, — эти вопросы не раскрываются ни Робером де Клари, ни Жоффруа де Виллардуэн. Другие хронисты вообще умалчивают о раздорах в Задаре. Есть основания думать, однако, что сама возможность «недоразумений» изначально имела в виду венецианскими политиками. Не случайно дож добивался включения в договор, подписанный в 1201 г. французскими послами, дополнительного пункта об избрании шести человек, «которые в случае какой-либо распри, коль скоро таковая возникнет между вашей и нашей сторонами..., уладили бы ее и привели бы дело к согласию и миру».

¹⁰¹ Согласно рассказу Жоффруа де Виллардуэна, крестоносцы выбрали послами двух священнослужителей — епископа Суассонского и Жана Нуайонского и двух сенюров — Жана Фриэзского и Робера де Бова. По Гунтеру Пэррисскому, в составе делегации якобы находились три духовных лица, включая епископа Нивелона. Робер де Клари, по-видимому, впадает в ошибку, утверждая, будто и венецианцы вместе с крестоносцами просили у папы снять отлучение и добились удовлетворения своей просьбы (см. примеч. 103).

¹⁰² «Греция» — название, очень часто применявшееся в XII—XIII вв. для обозначения Византии.

¹⁰³ «Подходящий повод» (*raisnavle ocoison*) — дело в том, что Иннокентий III, снимая отлучение с крестоносцев после захвата ими Задара (правда, письмо, содержавшее отлучение, не было отправлено!), еще раз запретил им нападать на какие-либо земли христиан, однако с оговоркой: «Разве только сами они станут необдуманно чинить препятствия вашему походу или же представится какая-либо другая справедливая либо необходимая причина, по которой вы сочтете нужным действовать иначе». Дожд, судя по рассказу Робера де Клари, и искал лазейку, «предусмотрительно» оставленную папой крестоносцам для нападения на Византию: «необходимой причиной» вполне могла служить та, которую указывал Дандоло, — пополнение продовольственных запасов и проч. давало оправдание для антивизантийских проектов венецианской plutократии. Характерно, что впоследствии Бонифаций Монферратский, объясняя папе причины захвата Константинополя, употребит выражение самого «апостолика»: «Прирожденное коварство греков с помощью огня, хитрости и отравы часто чинило препоны вашему походу».

¹⁰⁴ Заявление дожа, приводимое Робером де Клари, — независимо от того, сделано ли оно было действительно с такой предельной откровенностью — косвенно подтверждает обоснованность суждений византийских хронистов XII—XIII вв. об алчности франков, или латинян (так называли греки западноевропейцев). Никита Хониат определял крестовый поход как подлинно пиратское вторжение, разбойничий поход.

¹⁰⁵ Бонифаций Монферратский находился при дворе Филиппа Гогенштауфена в Гагенау с конца декабря 1201 г. приблизительно в течение одного месяца.

¹⁰⁶ Имеется в виду византийский царевич Алексей (впоследствии Алексей IV, 1203—1204), сын Исаака II Ангела. Сведения Робера де Клари в этом пункте, однако, неточны: находясь в Германии, Бонифаций мог в лучшем случае узнать о готовившемся побеге царевича; в Германию последний прибыл много позже (см. примеч. 110). Верно лишь то, что царевич действительно приходился братом супруге германского короля Ирине.

¹⁰⁷ Византийский император Исаак II Ангел (1185—1195 и 1203—1204).

Робер де Клари называет его «Кирсаком», допуская фонетическое искажение на греческий лад (Кугас (кир-Исаак) — господин Исаак). Это имя вообще воспринималось в Европе в переназначенном виде. Виллардуэн передает имя императора в форме «Сюрсак», вероятно, по созвучию «сир Исаак» (sir Isaac), которое он «подгоняет» под привычную Французскую терминологию.

¹⁰⁸ Алексей III (1195—1203).

¹⁰⁹ Речь идет о дворцовом перевороте в Константинополе в 1195 г.

¹¹⁰ Время бегства царевича Алексея и его прибытия в Европу — один из центральных пунктов дискуссии, делящейся десятки лет, о причинах «отклонения» крестового похода от первоначальной цели. Судя по известиям Виллардуэна, царевич, бежавший на пизанском корабле весной 1202 г., высадился в Анконе (Италия) и в конце лета, после встречи в Иннокентием III, направился в Германию (см. примеч. 106). По мнению некоторых исследователей, он покинул Константинополь осенью или зимой 1201 г.

¹¹¹ *От vous lairons chi ester des pelerins et de l'estoire* — буквально: «Теперь да будет нам дозволено оставить здесь рассказ о пилигримах...» и т. д. — традиционная у Робера де Клари «формула» перехода к новому сюжету.

¹¹² Мануил I Комнин (1143—1180).

¹¹³ Т. е. католик.

¹¹⁴ Алексей II, родившийся в 1169 г. от второй жены Мануила I, Марии Антиохийской (Ксени). С 1171 г. соправитель отца. В 1180 г. 11-летнего Алексея (II) обвенчали с Агнесой, сестрой Филиппа II Августа. Греки называли ее Анной. Династическим браком Филипп II стремился обеспечить Капетингам права на византийский престол.

¹¹⁵ Византийские вельможи сопровождали в 1179 г. племянницу Мануила I Комнина — Евдокию, выданную замуж за Гийома VIII де Монпелье. На обратном пути они побывали при дворе Людовика VII, к которому и обратились по поручению Мануила I с просьбой отдать в жены царевичу Алексею (II) упомянутую Агнесу. Возвращаясь вместе с 8-летней невестой, посольство погрузилось на корабль в Генуе.

¹¹⁶ Феодора — племянница Мануила I, а не его сестра, как считает хронист.

¹¹⁷ Византийский император Андроник I Комнин (1183—1185), двоюродный брат Мануила I.

¹¹⁸ Конья — Иконий в Малой Азии.

¹¹⁹ Этот эпизод имеет мало общего с подлинной историей взаимоотношений Андроника и Феодоры и представляет собой образец псевдонсторичных романтических вымыслов хрониста. В действительности Андроник после ряда безуспешных заговоров против Мануила I был им выдворен из Константинополя; много лет провел на Руси (при дворе великого князя галицкого Ярослава Осмомысла) и на Востоке. В Палестине в 1167 г. познакомился с Феодорой Комниной (см. примеч. 116), вдовой Бодуэна III Иерусалимского. В отличие от прежних скоропреходящих связей сиятельного авантюриста, эта оказалась длительной. Влюбленные уехали в Дамаск, потом в Харран и Багдад. Сельджукский эмир Салтук предложил Андронику поселиться в крепости Колонее вблизи Черного моря, и он довольно долго жил здесь «вольным рыцарем» — с Феодорой и двумя прижитыми от нее сыновьями.

¹²⁰ Празднества по случаю бракосочетания мануилова наследника детально описал их очевидец — архиепископ Гийом Тирский, находившийся с дипломатической миссией в Константинополе.

¹²¹ 24 сентября 1180 г. Похоронен в церкви Христа Вседержителя.

¹²² Робер де Клари, не разбиравшийся в тонкостях византийской терминологии, которая употреблялась для обозначения титулов и званий императорских сановников, применяет знакомый ему французский термин. Баби в Северной Франции с конца XII в. — должностное лицо, которое по поручению короля ведало управлением, главным образом судом в какой-либо подвластной ему области. Последняя и составляла бальяж.

¹²³ Мария из Пуатве, принцесса Антиохийская.

¹²⁴ Непосредственными исполнителями убийства были Стефан Айохристорит, Константин Трипсих и Феодор Дадибрен, который задушил Алексея II веревочной петлей.

¹²⁵ Византийские авторы конца XII — начала XIII в. (Евстафий Солунский, Никита Хоннат) освещают этот matrimonialный акт Андроника в тоне морального осуждения: император был почти на 50 лет старше девочки Агнесы — Анны.

¹²⁶ Резко отрицательные суждения об Андронике I, наполняющие византийский экскурс Робера де Клари, — отголосок оценок и представлений, которые получили широкое хождение на Западе в конце XII — начале XIII в. и имели своим источником антилатинскую политику василевса.

¹²⁷ В основе рассказа Робера де Клари в данном случае византийская традиция: речь идет об убийце юного Алексея II — Стефане Айохристорите, который, будучи «выскочкой» (сыном сборщика налогов), прославился при дворе Андроника I своей жестокостью и фанфаронством (его втайне называли «Антихристоритом»). После убийства Алексея II он усердно агитировал в синклите и в низах за коронацию Андроника. Став императором, последний, целиком доверяясь этому человеку, назначил его логофетом (главой гражданской администрации) и присвоил высший титул севаста. Никита Хоннат называет Айохристорита «самым бесстыжим из прислужников Андроника».

¹²⁸ На последующих страницах Робер де Клари передает историю падения Андроника I, низвергнутого 11—12 сентября 1185 г. в результате возмущения столичного плебса. Изложение событий в целом соответствует основным историческим фактам.

¹²⁹ Ангелы — феодальная династия в Византии. Ее родоначальник — Константин Ангел, женатый на дочери Алексея I Комнина (1083—1118). В данном случае, однако, Робер де Клари ошибается: братьев Ангелов было пятеро. Андроник Ангел, враждебно настроенный по отношению к императору Андронику I, предпринимал неоднократные попытки организовать среди знати заговор против василевса. Последний учинил жестокие расправы, от которых Андронику удалось ускользнуть. Вместе с шестью сыновьями он бежал в Сирию, где и умер. Туда же бежали остальные его братья: Константин, Феодор, Алексей и Исаак. Константин после случившегося в столице мятежа (не позднее весны 1183 г.) неосмотрительно вернулся в город, где был схвачен и ослеплен. Феодор в сентябре 1183 г. выступил одним из главарей нового мятежа против Андроника I, вспыхнувшего в Брусе; после ее сдачи тоже был ослеплен и изгнан из пределов империи. Алексей Ангел (впоследствии император Алексей III) был любимым и единственным братом Исаака. Исаак Ангел находился в числе руководителей мятежа, происшедшего в области Никеи (сентябрь 1183 г.). После смерти Феодора Кантакузина, главного предводителя мятежников, Исаак принужден был остановить восстание и был доставлен в Константинополь узником. Все эти данные приводятся византийскими писателями Евстафием Солунским и Никитой Хоннатом.

¹³⁰ Робер де Клари тут неточен: как рассказывают византийские авторы, бегство удалось не двум, а трем братьям Ангелам (Алексею, Исааку, Феодору). Схвачен в Константинополе был Константин, хотя Исаак, как и он, тоже находился в городе.

¹³¹ *Blakie*, Валахия — географический термин, часто употребляемый Робером де Клари (а также Жоффруа де Виллардуэном) для обозначения, как полагают, части территории Восточных Балкан, охватывавшей древние области Фессалию и Эпир; иногда территория эта именовалась византийскими авторами «Великой Валахией». Иными словами, Валахия — северная часть современной Болгарии. В конце XII — начале XIII в. составляла особую территориально-административную единицу империи. Локализуется исследователями в районе городов Ламии, Дамокоса и Халмироса (от Олимпа на севере до Пармаса на юге и Пинда на западе). Валахами (валахами) западные и византийские писатели XII—XIII вв. (Ансберт, Никита Хоннат, Георгий Акрополит и др.) называли пастушеские племена, обитавшие главным образом в горных местностях Болгарии (Хемос, Родопы и др.). Иннокентий III употреблял термины «бол-

гары» и «влахи» как синонимы; применялся также термин «болгаровлахи» или «влахоболгары». Мнения новейших исследователей относительно реального значения обоих слов разошлись: одни считают, что оно обозначает некий народ, отличный от болгар и происходивший от колонов, поселенных некогда римским императором Траяном в Дакии; другие — что это лишь синоним понятия «болгары». Г. Г. Литаврин привел убедительные доводы в пользу той точки зрения, согласно которой влахи — это латино-романский этнический элемент, уцелевший на левобережье среднего и нижнего Дуная.

¹³² О пребывании Алексея Ангела в Палестине сообщается в ряде источников.

¹³³ На самом деле Исаак Ангел, арестованный в Никее, летом 1184 г., вернувшись в Константинополь, проживал там вполне «легально».

¹³⁴ Вероятно, мысль об аресте Исаака подал Андронику I не кто иной, как Стефан Айохристофорит. Вечером 11 сентября 1185 г. в сопровождении двух или трех стражников он явился к дому Ангелов (в юго-западной части Константинополя, у монастыря Перивлепта) с целью схватить Исаака, но был умерщвлен последним. Та же участь постигла и сопровождавших его воинов. В довершение всего Исаак отрезал у каждого из убитых по уху. Как видно из этих фактов, сообщаемых Никитой Хониатом и Михаилом Сирийцем, в основе рассказа Робера де Клари и в данном случае находились подлинные события, которые, однако, хронист украсил домыслами, чтобы придать повествованию наглядность и живость, необходимую для восприятия его читательской аудиторией.

¹³⁵ Le moustier Sainte Souphie — буквально: монастырь св. Софии. Так называет Робер де Клари главную константинопольскую церковь — храм св. Софии. Сходным термином Жоффруа де Виллардуэн обозначает собор св. Марка в Венеции.

¹³⁶ В изложении этого эпизода Робер де Клари обнаруживает в общем и целом хорошую осведомленность. Действительно, как рассказывает Никита Хониат, после убийства Стефана Айохристофорита Исаак Ангел, опасаясь за последствия своего поступка, побежал по главной константинопольской улице — Месе к храму св. Софии и укрылся в ее алтаре. Вначале «все думали, что не успеет солнце зайти, как Исаак будет схвачен и обречен Андроником на невероятные и невиданные муки». Однако от императора никто не появлялся — «ни кто-либо из знатных, ни из верных слуг, ни варвары-секироносцы, ни жезлоносцы в пурпурных одеяниях». Настроение толпы постепенно стало меняться, Исааку была обещана поддержка. Он оставался в храме всю ночь. Утром 12 сентября народ пришел в волнение, требуя низложения Андроника и возведения на престол Исаака. Днем прибыли сторонники императора, но изменить что-либо было уже невозможно. Люди побуждали друг друга к действию и, наконец, даже те, кто прежде выражал недовольство Андроником, но медлил, считая дело слишком рискованным, «открыто примкнули к мятежникам».

¹³⁷ Исаака II короновал патриарх Василий Каматир, выведенный из своего дворца и принужденный совершить обряд коронации вопреки собственной воле.

¹³⁸ Андроник I находился в те дни во дворце Милудий на азиатском берегу Босфора, неподалеку от столицы. Он получил первые сообщения об убийстве Айохристофорита в ту же ночь с 11 на 12 сентября. Чтобы продемонстрировать собственную силу, император отправился с большой пышностью в Константинополь, ведя весь флот через Золотой Рог к своему дворцу.

¹³⁹ Андроник занимал Большой дворец (Робер де Клари называет его дворцом Львиной Пасти — Bouke de Lion), примыкавший к св. Софии. Из описания этого дворца известно, что через ход, о котором идет речь, можно было действительно пройти от Халке («бронзовый зал»), вестибюля при входе во дворец со стороны площади Августеон (здесь находилась обычно стража) к верхним галереям храма св. Софии.

¹⁴⁰ Примерно ту же версию излагают венецианские источники и продолжатели Гийома Тирского. В отличие от западных повествователей Никита

Хониат передает, видимо, более точные детали поведения низвергнутого de facto императора: он поднялся на башню Кентинарий и стал оттуда из лука обстреливать толпу, штурмовавшую Большой дворец.

¹⁴¹ Передавая этот эпизод, Робер де Клари наполняет свой рассказ явными домыслами. На самом деле, потеряв надежду покончить с Исааком, Андроник I, по известию Никиты Хониата, сбросил с себя пурпурные императорские одеяния, облачился в одежду «варвара», сел на императорскую галерею и отправился в Милудий, где находились его жена (Агнеса—Анна) и любимая фаворитка гегера Мараптика.

¹⁴² Исаака II действительно при ликовании столичного плебса пронесли до императорского дворца, который, однако, уже не было надобности занимать силой, поскольку Андроник I бежал. Здесь Исаак был провозглашен «самодержцем и автократом ромеев». В последующем изложении, вкладывая в уста Исаака речь, в которой якобы выражалось восхищение необычайным сопадением событий (в один и тот же день он избежал ареста и был коронован), Робер де Клари допускает хронологическое смешение событий: в пределы одного дня вмещаются факты, происходившие в течение двух дней (арест Исаака намечался на 11 сентября, коронация состоялась 12 сентября).

¹⁴³ Власть императора признавалась в Византии божественной. Это представление закреплялось и коронационным ритуалом и системой придворных церемоний, в частности славословий, сопровождавших публичное появление императора перед константинопольцами. Такие славословия (аккламации) произносились согласно установленным «формулам», в которых фигурировало и словосочетание «святой император». Вероятно, оно было известно Роберу де Клари, когда он в какой-то мере познакомился с жизнью и обычаями византийцев (после того как крестоносцы завоевали столицу империи).

¹⁴⁴ Судя по рассказу хорошо осведомленного Никиты Хониата, императорская сокровищница отнюдь не была добровольно предоставлена Исааком II в распоряжение народа: огромные богатства, накопленные Комнинами, были просто разграблены толпой. Историк приводит даже «точные» данные о количестве золотых, серебряных и медных монет, а также серебряных слитков, присвоенных плебсом: 12 кентинариев золота, 30 — серебра и 200 — меди.

¹⁴⁵ Влахернский дворец (или, как его обычно называли греки, Влахерны) — один из императорских дворцов. Он находился в той части города, где двойные крепостные стены подходили к заливу Золотой Рог. Дворец был излюбленной резиденцией Комнинов. Как видно из повествования Робера де Клари, Андроник I занимал Большой дворец.

¹⁴⁶ Никита Хониат передает, что бежавший Андроник I прибыл в город Хилу и намеревался через Босфор и Геллеспонт выйти в Черное море, чтобы попробовать добраться до «тавроскифов», т. е. до берегов Крыма, однако встречный ветер отбросил его назад. Он попытался тогда отыскать лодку, но был схвачен преследователями, доставлен в Константинополь и помещен в башню Анемы (неподалеку от Влахернского дворца) — тюрьму для «преступников» высокого ранга. Робер де Клари излагает факты более или менее близко к действительности, хотя, по своему обыкновению, уснащает рассказ «оживляющими» домыслами и хронологически «ужимает» события, опуская пребывание Андроника в Хиле: корабль будто бы сразу же отнесло к Константинополю и там в кабачке он был схвачен.

¹⁴⁷ Венецианские источники также акцентируют то обстоятельство, что в особенности злобствовали женщины, которые выщипывали у Андроника бороду и «швыряли ему в лицо грязь».

¹⁴⁸ Описание обстоятельств гибели Андроника I в какой-то мере основывается на достоверных фактах. О расправе, учиненной над ним, рассказывает и Никита Хониат: Андроник был приведен ко дворцу в цепях на шею, которыми обычно приковывали львов, и в колодках на ногах. Его били по щекам, пинали, ему выбили зубы и вырвали бороду — каждый старался причинить ему боль. Наиболее ожесточенно действовали женщины, чьи мужья были загублены Андроником. Ему отрубили руку, после чего отправили в темницу, где в течение нескольких дней не давали ни есть, ни пить. Потом ему выколо-

ли глаз и, усадив на паршивого верблюда, провели вокруг всего города. Народ всячески над ним издевался: его забрасывали камнями и навозом, избивали дубинками, поливали мочой. У ипподрома его привязали к двум колоннам и прикончили.

¹⁴⁹ Вероятно (по крайней мере, частично), лубочные изображения всех этих сцен в Константинополе и послужили источником, в котором Робер де Клари почерпнул сведения о рассказываемых им событиях византийской истории почти 20-летней давности.

¹⁵⁰ Имеется в виду Алексей Ангел, нашедший прибежище у Салаха ад-Дина. В начале своего царствования Исаак II добился освобождения брата, который фактически жил на положении пленника. Проезжая по пути домой через Акру, Алексей был схвачен там графом Триполи (на франкском Востоке прошел слух о союзе Византии с Салахом ад-Дином) и на родину вернулся уже после падения Акры (1191 г.).

¹⁵¹ По данным венецианских источников, 40 тыс. перперов.

¹⁵² Исаак II действительно пожаловал Алексею титул севастократора, предоставил дворец Вукелеон и назначил внушительный оклад (около 4 тыс. либров в день). В 1192 г. Алексей стал правителем фемы Фракия. Позднее он вернулся в Константинополь, где поддерживал оппозиционные круги придворной аристократии и инспирировал всевозможные интриги против Исаака II.

¹⁵³ Обстоятельства, при которых Алексей III совершил покушение на Исаака II, освещены Робером де Клари с привнесением изрядной толики фантазии. На самом деле весной 1195 г. Исаак II, потерпев поражение от болгар, был во время отступления схвачен в гавани Макра неким Пантевгеном, посланным Алексеем, и передан в его руки. Исаака II заточили в монастырь Виры близ Макры и Кипсеслы, где лишили зрения. Отсюда его перевели в один из дворцов на берегу Золотого Рога.

¹⁵⁴ Сын Исаака II — Алексей родился в 1182 или 1183 г., в 1192 г. был назначен престолонаследником.

¹⁵⁵ См. примеч. 106.

¹⁵⁶ Венецианские источники возлагают ответственность за обращение к царевичу Алексею, «у которого едва-едва стала пробиваться борода», на Иннокентия III: поэту он и «простил им (венецианцам) вину и грехи» (т. е. предоставил полное отпущение грехов, дававшееся только участникам «священной войны»).

¹⁵⁷ Т. е. с германским королем Филиппом, которого Робер Клари называет «императором». Смутно представляя закулисную дипломатию предводителей рыцарства, хронист переиначивает ход конкретных событий, вполне верно, однако, улавливая их общий смысл.

¹⁵⁸ Флот крестоносцев вышел к Корфу в конце апреля 1203 г.

¹⁵⁹ В Задаре остались также в ожидании царевича Алексея маркиз Монферратский и дож Дандоло.

¹⁶⁰ Видимо, он хотел этим подчеркнуть свое влияние на царевича. Виллардуэн отмечает, что палатка юного Алексея была поставлена рядом с палаткой маркиза.

¹⁶¹ Эту сумму называют и венецианские источники, добавляя, что Алексей обязался обеспечить крестоносцев «всеми припасами и всем необходимым», однако умалчивая об обещании принять прямое участие в отвоевании и обороне Св. земли.

¹⁶² Условия соглашения включали уплату 200 тыс. марок, отправку 10 тыс. воинов против «неверных», содержание постоянного воинского контингента из 500 рыцарей в Св. земле и возвращение греческой церкви в подчинение папского Рима.

¹⁶³ Под «баронами» в данном случае имеются в виду знатные сеньоры-крестоносцы.

¹⁶⁴ Об этом сообщает и Жоффруа де Виллардуэн.

¹⁶⁵ Здесь и далее Робер де Клари воспроизводит распространенную в западной хронографии ошибочную версию, будто во время пребывания Конрада Монферратского в Константинополе императором был Алексей III. В действи-

тельности этот факт биографии маркиза относится к 1187 г., т. е. к царствованию Исаака II Ангела. Последний, рассказывает Никита Хониат, отправил послов в Италию с предложением выдать свою сестру Феодору за Бонифация Монферратского. Обнаружив, что тот женат, послы обратились с аналогичным предложением к его брату Конраду. Он принял предложение, приехав в Византию, женился на Феодоре (весной 1187 г.) и получил титул кесаря. По другим данным, Конрад попал в Константинополь случайно: буря прибила сюда его корабль. Как бы то ни было, вмешавшись в политическую борьбу в Константинополе, Конрад оказал Исааку II содействие в подавлении мятежа Алексея Враны (1186 г.). Будучи не удовлетворен, однако, ни достигнутым положением, ни дальнейшими перспективами в Константинополе, он вместе со своими вассалами отправился в Св. землю (между июлем и 1 сентября или 2 октября 1187 г.). В Палестине, пренебрегши браком с греческой царевной, Конрад женился на Изабелле, наследнице трона Иерусалимского королевства, второй дочери короля Амори I.

¹⁶⁶ Речь идет о византийском вельможе, одном из богатейших вотчинников во Фракии — Алексее Вране, которого Робер де Кларн далее называет Вернас (li Vernas). Несколькими годами ранее он пытался овладеть тронном, подняв столичный плебс, но потерпел неудачу. Его «простили» и, вручив командование войском, послали в Валахию. Алексей Врана (женатый на племяннице Исаака II) привлек на свою сторону половцев и повернул обратно. В Адрианополе он был провозглашен императором и двинулся к Константинополю, где возбудил городские низы против Исаака II. Только благодаря энергичным мерам Конрада Монферратского, сумевшего набрать отряды из латинян, тюрок и грузин, приверженцы Алексея Враны были разбиты; сам он погиб в сражении.

¹⁶⁷ Судя по рассказу Никиты Хониата, Конрад вызвал против себя сильное недовольство в придворных кругах, поскольку многие знатные люди были родичами или друзьями Враны, и искал лишь удобного случая, чтобы уехать из Константинополя. Когда Исаак II отправился во Фракию для продолжения прерванной войны с болгарам, Конрад тайно нанял генуэзское судно и уехал на Восток. 13 или 14 июня 1187 г. он высадился в Тире, в обороне которого принял энергичное участие (конец 1187 — начало 1188 г.). Возвышение Конрада Монферратского, вокруг которого сплотилась сильная баронская партия, сопровождалось обострением феодальных распри в Иерусалимском королевстве; Конрад не признавал сюзеренитет титулярного короля Гюи де Лузиньяна и стремился утвердиться в Тире на правах полновластного правителя. Он оказал важные услуги крестоносцам Третьего похода, осаждавшим Акру, разгромив египетский флот. После того как в октябре 1190 г. скончалась королева Сибилла, бароны, враждебные Гюи де Лузиньяну, добились расторжения брака ее 20-летней сестры Изабеллы с Онфруа IV Торонским и выдали последнюю за Конрада Монферратского (24 ноября 1190 г.), к которому и перешли права на корону Иерусалимского королевства.

¹⁶⁸ Сюр (Surg) — так Робер де Кларн называет Тир.

¹⁶⁹ Т. е. до полного разгрома Иерусалимского королевства летом — осенью 1187 г.

¹⁷⁰ Речь идет о Бодуэне IV Прокаженном, умершем 16 марта 1185 г. Робер де Кларн не упоминает о кратком (ноябрь 1185 — сентябрь 1186 г.) правлении его сына и племянника Конрада Монферратского — Бодуэна V, после чего королем был избран женатый на Сибилле с 1180 г. Гюи де Лузиньян. Во время битвы при Хаттине (4 июля 1187 г.) он попал в плен к Салаху ад-Дину, но вскоре был выпущен: султан стремился противопоставить его опасному для себя противнику — Конраду Монферратскому.

¹⁷¹ Обе являлись сводными (по отцу) сестрами, дочерьми короля Иерусалимского Амори I от его первого и второго браков. Старшая, Сибилла, в первом браке (с 1176 г.) была замужем за Гидельмом Длинный Меч (см. примеч. 52). В 1186 г. после смерти Бодуэна V, прибегнув к политическим интригам, Сибилла сумела короноваться, но совет баронов в Напаузе отказался признать законность этого акта: регентом должен был оставаться Раймунд III.

Триполитский. Тем не менее Сибилла возложила корону и на голову супруга — Гюи де Лузиньяна, крайне непопулярного среди баронов. Младшая из двух сестер — Изабелла была с 1183 г. замужем за Онфруа IV Торонским, а в 1190 г. ее выдали замуж за Конрада Монферратского.

¹⁷² Граф Раймунд III Триполитский, ранее регент малолетнего Бодуэна V.

¹⁷³ Имеется в виду резиденция тамплиеров.

¹⁷⁴ Стремясь драматизировать события, точной последовательности которых он не знал, Робер де Клари допускает ошибку: расторгнуть брак Сибиллы решил ее брат, король Бодуэн IV. Убедившись в малодушии Гюи де Лузиньяна и его неспособности держать бразды правления, он лишил его должности бальи; королем-соправителем был провозглашен сын Сибиллы от ее первого брака — 5-летний Бодуэн V, а должность бальи передана графу Раймунду III Триполитскому. Бодуэн IV добился и согласия баронов на расторжение брака Сибиллы с Гюи Лузиньяном.

¹⁷⁵ Романтическая история избрания Гюи де Лузиньяна передается также в хронике «Рассказы реймского менестреля», оригинал которой сохранился в манускрипте конца XIII — начала XIV в., заключавшем в себе и единственный дошедший до нас рукописный текст записок Робера де Клари, изготовленный, вероятно, в Корби. Считается, что это самая ранняя версия рассказа, автору которой было неизвестно повествование пикардийца.

¹⁷⁶ В действительности Сибилла была коронована (при содействии патриарха) еще в то время, когда бароны в Напуле решили продлить регентские полномочия Раймунда III. Тогда же она и возложила корону на голову своего супруга. Повествование Робера де Клари в данном случае отголосок известий, передаваемых продолжателями Гюйма Тирского.

¹⁷⁷ Имеется в виду король Гюи де Лузиньян.

¹⁷⁸ В целом сообщение Робера де Клари верно: военные действия развернулись весной 1187 г., когда фактически было прервано четырехлетнее перемирие, заключенное регентом Раймундом III с Салахом ад-Дином в марте 1185 г.

¹⁷⁹ В сражении при Хаттине (близ Тивериады) 4 июля 1187 г.: в плен попали Гюи де Лузиньян, великий магистр тамплиеров Жерар де Ридфор, коннетабль Амори де Лузиньян, барон Гилельм Монферратский и другие сеньоры.

¹⁸⁰ Изложение событий Робером де Клари схематизировано: Иерусалим тогда оставался еще у франков и был взят Салахом ад-Дином 2 октября 1187 г.

¹⁸¹ В передаче обстоятельств освобождения Гюи де Лузиньяна хронист также дает волю фантазии. Саладин действительно обещал освободить пленника как раз в день капитуляции Аскалона (23 августа 1187 г.), но не выполнил обещания: Гюи де Лузиньян был перевезен в Дамаск, а освобожден лишь в июле 1188 г., после того как обязался уехать в Европу и не вести больше войну против Салаха ад-Дина.

¹⁸² Вместе с Гюи де Лузиньяном были отпущены его брат Амори, Жерар де Ридфор, Гилельм Монферратский и другие бароны.

¹⁸³ В действительности Гюи де Лузиньян подступал к Тиру дважды: летом 1188 г. и в апреле 1189 г., но оба раза не был впушен в город.

¹⁸⁴ Генуэзцы поддерживали торговые связи с городами Восточного Средиземноморья, в том числе с Тиром. В данном случае речь и идет о тех судовладельцах и прочих торговых людях Генуи, которые находились в городе.

¹⁸⁵ Судя по этим данным, Робер де Клари знал о соглашениях Конрада Монферратского с итальянскими купцами в Тире, доставившими ему затем свои корабли для обороны города. Документами засвидетельствованы соглашения с пизанцами (октябрь 1187 г. и май 1188 г.) и генуэзцами (апрель 1190 г.).

¹⁸⁶ Гюи де Лузиньян и его рать появились в окрестностях Акры в конце 1189 г. и разбили лагерь на холме восточнее города (Торон св. Николая), откуда пытались предпринять нападение на Тир, окончившееся, однако, провалом.

¹⁸⁷ В итальянском переводе хроники Робера де Клари, выполненном А. М. Нада Патроне, странным образом говорится о «короле Франции и короле Германии», причем германским королем, якобы повстречавшимся Гюю де Лузиньяну, назван Фридрих Барбаросса, который, как известно, утонул в горной реке в Малой Азии еще 10 июня 1190 г. Хронист, конечно, имел в виду Филиппа II Августа и Ричарда I Львиное Сердце.

¹⁸⁸ О высоких ценах на съестное в Тире пишут все хронисты Третьего крестового похода

¹⁸⁹ Салах ад-Дин осаждал Тир летом 1187 г. и в течение недели, убедившись в бесполезности этого предприятия, снял осаду.

¹⁹⁰ Гюю де Лузиньян умер 18 августа 1194 г. на Кипре. Дата смерти Сибиллы неизвестна, но относится ко времени не ранее 25 октября 1188 г., когда ею еще подписан был документ в пользу марсельских купцов.

¹⁹¹ Все эти детали — плод пылкого воображения хрониста. Историчен лишь сам факт расторжения брака, которое было произведено под давлением Конрада Монферратского и при участии матери Изабеллы — Марии Комнинны.

¹⁹² Бракосочетание Изабеллы и Конрада состоялось 24 ноября 1190 г.

¹⁹³ Дочь Конрада Мария родилась уже после его гибели, когда Изабелла вышла замуж за графа Анри Шампанского.

¹⁹⁴ Ассасины — тайная секта исмаилитов, образовавшаяся в конце XI в. в Иране (ее центром была крепость Аламут). В борьбе с политическими противниками широко практиковали убийства (в современном французском языке «убийца» — l'assassin). Конрад Монферратский был убит в Тире двумя подсланными главой секты («горным старцем») ассасинами 28 апреля 1192 г. Арабский историк Бега ад-Дин утверждал, будто убийство было делом рук Ричарда Львиное Сердце. По версии другого арабского же историка Ибн аль-Асира, оно было инспирировано Салахом ад-Дином, который якобы обратился к главе исмаилитов — Рашиду аль-Дину Синуану. Хронисты из стана крестоносной знати (Эрнуль и автор «История Ираклия») полагают, что это был акт мести Конраду Монферратскому, который некогда захватил сарацинский корабль с богатым грузом, нанятый ассасинами.

¹⁹⁵ В действительности Акра была захвачена крестоносцами 12 июля 1191 г., а Конрад Монферратский убит в апреле 1192 г.

¹⁹⁶ Juger seur sains — формулировка, понимаемая исследователями по-разному: иногда ее переводят «покаяться на св. мощах», в других случаях — «покаяться на Евангелии». Представляется, что Робер де Клари имеет в виду клятву, сопровождавшуюся прикосновением к каким-либо священным реликвиям.

¹⁹⁷ Дата отплытия флота — 24 мая 1203 г.

¹⁹⁸ Bouk d'Ave — буквально: «горловина воды» (Boux d'Ave — Bouche d'Eau). Следуя народной этимологии, Робер де Клари передает таким образом греческое название гавани Авидос (Абидос) при входе в Дарданеллы.

¹⁹⁹ Известие почти соответствует действительности.

²⁰⁰ «Рукав Св. Георгия» — наименование, употреблявшееся на Западе со времени Первого крестового похода для обозначения Босфора в целом. У Робера де Клари — обозначение всего пролива Гелеспонта (Дарданеллы) до конца Босфора. Название произошло либо от монастыря св. Георгия в Мангане, либо от арсенала в крепости Константинополя, господствовавшей над Босфором.

²⁰¹ Флот остановился 23 июня у монастыря св. Стефана, в 3 (а не в одном) мье от Константинополя.

²⁰² Имеется в виду Халкидон, на правом берегу Босфора.

²⁰³ Венецианские источники относят это посольство еще к тому времени, когда крестоносцы собрались в Венеции, и приписывают ему намерение разорвать ее связь с крестоносцами, побудив, напротив, к союзу с Византией. В действительности, как яствует из рассказа Жоффруа де Виллардуэна и некоторых эпистолярных памятников, Алексей III отправил к крестоносцам в Скутари итальянца Николу Росси с грамотой, в которой предлагалась дружба, и с устным сообщением к Бонифацию Монферратскому. Довольно резкий от-

вет послу дал Конон Бэтонский: предводители крестоносцев отказались вести переговоры, пока Алексей V не отречется от власти.

²⁰⁴ Рассказ Робера де Клари полностью совпадает здесь с изложением того же эпизода у Виллардуэна.

²⁰⁵ Из писем крестоносцев известно, что по указанию Алексея III среди населения столицы была развернута враждебная латинянам агитация — они-де намерены уничтожить «старинные свободы» и др.

²⁰⁶ 5 июля 1203 г.

²⁰⁷ Жоффрау де Виллардуэн рассказывает о высадке крестоносцев у Константинополя в следующих выражениях: «И стояло прекрасное утро, солнце только что взошло; и император Алексей на другой стороне ждал их со множеством своих отрядов и многолюдным войском. И вот трубят трубы, и каждая галера была привязана к юиссье, чтобы переплыть более безопасно на другую сторону. Никто не спрашивал, кому выступать вперед первому; кто мог раньше, раньше и причаливал. И рыцари выходили из юиссье и прыгали в море, погружаясь по пояс в полном вооружении, с опущенными забралами и с мечом в руке, и добрые лучники, и оруженосцы, и арбалетчики — все были на своем месте, где случилось пристать к берегу. И греки прикинулись, будто собираются сопротивляться, но как только были нацелены копья, греки обратили тыл и предоставили им берег. И знайте, что еще никогда никакой порт не был взят столь славно. Тогда моряки начали отворять дверцы юиссье и перебрасывать мостики; и стали выводить коней; и рыцари начали вскакивать на коней, и боевые отряды начали строняться, как надлежало».

²⁰⁸ Имеется в виду, вероятно, мост через реку Барбиссу, впадающую в залив Золотого Рога. По Виллардуэну, греки разрушили этот мост, и крестоносцам пришлось его чинить целый день и целую ночь. Некоторые исследователи высказывают сомнения по поводу локализации моста и его существования вообще.

²⁰⁹ Залив Золотой Рог — главный стратегический центр обороны Константинополя. Залив глубоко вдается в сушу, как бы разделяя город надвое.

²¹⁰ Эта железная цепь, укрепленная на громадных «балках» и удерживавшаяся на поверхности воды деревянными брусьями-поплавками, запирала константинопольский порт, позволяя контролировать вход и выход кораблей в открытое море. Подобные цепи имелись также в Афинах, Задаре и других морских гаванях. Чтобы прорвать цепь, нужно было пустить боевой корабль со специальным приспособлением — гигантскими «ножницами» или прочным тараном, под натиском которого цепь разрывалась. Цепь, перегораживавшая Золотой Рог, существовала уже в начале VIII в. На протяжении истории Византии она натягивалась для противодействия вражеским судам по крайней мере пять раз: в 717—718 г. — против арабского флота; в декабре 821 г. — во время восстания Фомы Славянина, пытавшегося в союзе с арабами захватить столицу; в 969 г. — перед лицом опасности со стороны Руси; в 1203 г. — во время событий, описываемых Робером де Клари; в 1453 г. — во время осады Константинополя османами. Цепь тянулась от Акрополя (от башни Кентенарий) в Перу к Галатской башне. Механизм, регулировавший положение цепи, был устроен таким образом, что ее натягивали и отпускали со стороны города, а в Перу она была наглухо присоединена к башне.

²¹¹ Галатскую башню защищали наемники — норманны и датчане, а также пизанцы и генуэзцы, которые, отстаивая свои коммерческие интересы в Византии, стремились воспрепятствовать успеху крестоносцев, ибо он привел бы к усилению позиций Венеции. Венецианские источники обходят данный эпизод молчанием, упоминая лишь о том, что цепь, запиравшая гавань, была разорвана венецианским кораблем «Орел».

²¹² Высказывалось предположение, что здесь имеется в виду Юстинианов мост, или мост св. Каллиника, перекинутый через Золотой Рог в северо-восточной части Константинополя, у Влахернского дворца (чуть выше современного Галатского моста).

²¹³ Лагерь был окружен бревенчатым ограждением. Располагался между Влахернским дворцом и монастырем Космы и Дамиана (см. примеч. 231).

²¹⁴ Венецианские и другие итальянские корабли были оснащены треугольными («латинскими») парусами, которые держались на длинных деревянных рангоутах (или нок-реяx), прикреплявшихся диагонально к мачте.

²¹⁵ Туаза (toise) почти равнялась морской сажени, или шести стопам (футам). Цифры Робера де Клари сомнительны: рангоут в 30 туаз имел бы длину 180 стоп, между тем, например, граф де Сен-Поль в своем письме к Анри Лувэнскому говорит, что мостики из этих рангоутов, переброшенные с кораблей, были каждый в 100 стоп. Хронист, следовательно, впадает здесь в сильное преувеличение. В гл. ХСII он определяет высоту двух колонн в Константинополе в 50 туаз, или 300 стоп, что чуть ли не вдвое превышает их действительную высоту.

²¹⁶ Эсклавина — грубая холщевая ткань.

²¹⁷ Мангоннель (мангонно) — передвижное метательное осадное орудие типа баллисты. Сходно по устройству с так называемым требюшом.

²¹⁸ Аналогичное описание осады — у Виллардуэна и в письме Гюга де Сен-Поля к Анри Лувэнскому.

²¹⁹ Ворота св. Романа.

²²⁰ Данные о численности византийской конницы, выведенной через ворота св. Романа и построенной перед стенами для обороны, недостоверны, они противоречат собственным сведениям Робера де Клари (гл. XLVII, где фигурируют девять боевых отрядов во главе с императором, причем в каждом из них было не менее 3, 4 и даже 5 тыс. всадников, следовательно, всего 30—40 тыс. конных воинов). Если принять среднюю численность отряда равной 4 тыс. воинов, то в 17 отрядах насчитывалось бы 50—70 тыс., а не 100 тыс. воинов!

²²¹ Это были, вероятно, оруженосцы.

²²² По Виллардуэну, командование вторым отрядом вверили Анри Фландрскому, Матье де Валинкуру и Бодуэну де Боревуару.

²²³ Третьим отрядом, по Виллардуэну, предводительствовали Гюг де Сен-Поль, племянник Пьера Амьенского, Юсташ де Кантелэ и Ансо де Кайо.

²²⁴ Бонифаций Монферратский.

²²⁵ Луи Блуаский и Шартрский.

²²⁶ Более детально перечисляет рыцарей, входивших в этот отряд, Виллардуэн, называя Матье де Монморанси, самого себя, Ожье де Сен-Шерона, Манессье де л'Иля, Милона де Бребана, Макэра де Сен-Менэу, Жана Фуанона, Гюи де Шаппа с племянником Кларембо и Робера де Ронсуа.

²²⁷ Виллардуэн приводит имена наиболее видных рыцарей: Эд де Шандитт с братом Гийомом, Рено де Дампьер с братом Эдом, Гюи де Пем с братом Эмоном, Одо де ла Рош и Гюи де Конфлан.

²²⁸ Описание состава и диспозиции боевых отрядов, а также перечень их командиров по большей части довольно точно, хотя и не полностью совпадают с сведениями Жоффруа де Виллардуэна, по которым первым отрядом действительно предводительствовал Бодуэн Фландрский, вторым (см. примеч. 222) — его брат Анри вместе с Матье де Валинкуром и Бодуэном де Боревуаром, третьим — Гюг де Сен-Поль и Пьер Амьенский, четвертым — Луи Блуаский и Шартрский, пятым — Матье де Монморанси (тут был и шампанцы), шестым — бургундцы, седьмым — Бонифаций Монферратский, под начальством которого находились ломбардцы, тосканцы и немцы.

²²⁹ Эпизод отсутствует у всех остальных хронистов крестового похода.

²³⁰ Аррас — город во Франции. По рассказу Никиты Хониата, этот, первый и самый малый из трех пожаров, учиненных крестоносцами в 1203—1204 гг., уничтожил все в той части города, которая охватывала территорию от Влахернского дворца до монастыря Эвергета; выгорела, вероятно, треть этой части городского «треугольника».

²³¹ Палисад — деревянное ограждение (из мощных бревен заостренных сверху, врытых в землю и соединенных поперечными брусьями), которое воздвигалось вокруг лагеря.

²³² Глагол *viñt*, употребленный хронистом, свидетельствует о его собственном участии в боевых действиях.

²³³ Это была река Ликос.

²³⁴ Описание этого эпизода дают также Жоффруа де Виллардуэн, Никита Хониат и другие очевидцы

²³⁵ Разумеется, «порицание», вынесенное константинопольскими «женщинами и девицами» императору, — плод воображения хрониста.

²³⁶ Алексеем III бежал ночью 17 июля. По сообщениям других хронистов, византийских и латинских, он взял с собой все золото, какое только смог, и вместе с дочерью Ириной, несколькими приближенными, родственниками и сожительницами уехал в Адрианополь, где ему якобы уже было подготовлено убежище.

²³⁷ По-видимому, хронист имеет в виду приверженцев Исаака II Ангела.

²³⁸ Имеется в виду Маргарита Венгерская, дочь Белы III и внучка Людовика VII (по матери), вышедшая в 1186 г. замуж за Исаака II Ангела и сменившая имя на Марию.

²³⁹ История восстановления Исаака II Ангела на престоле окрашена у Робера де Клари домыслами. В действительности его освободили и восстановили на престоле уже в ночь бегства Алексея III, чтобы избежать вмешательства латинян в дела Византии. На следующий день, 18 июля, в лагерь крестоносцев отпраздновали вестников с целью уведомить о происшедшем и объявить наследником престола царевича Алексея. Латиняне, опасаясь западни, поручили сперва выяснить положение в Константинополе своим людям (Матье де Монморанси, Жоффруа де Виллардуэну и двум венецианцам, представлявшим дожа Дандоло) и только после того царевича проводили в Константинополь, где он встретился с Исааком II, а 1 августа был коронован в храме св. Софии как соправитель отца.

²⁴⁰ Morchofles — Алексей V Дука, прозванный Мурцфлом («насупленный»), потому что, по разъяснению Никиты Хониата, у него всегда были нахмурены густые брови, сходящиеся на переносице, и глаза были темными, глубоко запавшими. Он принадлежал к знатному семейству Дуков. Гунтер Пэрисский утверждает, будто Мурцфл, «муж знатный, но вероломный», был одним из главарей заговора, составленного некогда с целью низвержения Исаака II и водворения на престоле его брата — Алексея III. Имеются основания предполагать, что он являлся вдохновителем заговора и против Алексея III (31 июля 1201 г.).

²⁴¹ Иконийский султан Гайат аль-Дин Хосров I (1192—1196), действительно, по сообщению Абу-ль-Фиды, лишенный власти своим братом Рокн ад-Дином Сулейманом II. Низвергнутый султан обратился за помощью к Мануилу I и получил ее, но все же был разгромлен и, бежав, укрылся в Византии, благожелательно встреченный Алексеем III Напротив, из повествования Никиты Хониата о событиях 1205 г., а также ряда восточных источников следует, что султан отвоевал свое царство совсем недавно.

²⁴² Агнеса, вдова сперва Алексея II, затем Андроника I Комнина, в третий раз вышедшая замуж за Феодора Врану.

²⁴³ В холодном и даже жестком отношении бывшей француженки к крестоносцам отразилась политическая позиция Феодора Враны, враждебного Исааку II.

²⁴⁴ Граф Луи Блуаский был сыном Алисы, сводной сестры Агнесы, т. е. ее племянником.

²⁴⁵ Имеется в виду Сантьяго-де-Компостелла (северо-западная Испания) — один из центров паломничества в Западной Европе.

²⁴⁶ Сообщение Робера де Клари, по-видимому, отражает реальный факт, о котором он мог слышать от очевидцев. Правда, какие-либо данные для идентификации упоминаемого персонажа отсутствуют, однако в остальном сведение хрониста подтверждаются. Кардинал-епископ Жак де Витри, знавший обычаи нубийцев (во время Пятого крестового похода они уже были христианами яковитского толка), передает, что, прежде чем подвергнуть своих новорожденных крещению водой, на лбу младенцев выжигали знак креста раскаленным железом; иногда такие знаки выжигали на щеках, «ложно думая, будто они таким образом очищены огнем».

²⁴⁷ Робер де Кларн имеет здесь в виду Алексея IV.

²⁴⁸ В предыдущей главе об Алексее говорится как об уже коронованном государе-соправителе, но, скорее всего, речь идет о том, что он фактически был признан императором, чем о формальном акте коронации.

²⁴⁹ 1 августа 1203 г. (см. примеч. 239).

²⁵⁰ По обыкновению, Робер де Кларн путается в цифровых выкладках: если венецианцам выплатили остаток долга в сумме 36 тыс. марок, то из 50 тыс. марок, полученных крестоносцами от Алексея IV, у них — после расчета с венецианцами — осталось всего 14 тыс., а не 20 тыс. марок.

²⁵¹ Судя по рассказу Никиты Хониата, Алексей IV, навлекший на себя неудовольствие придворной аристократии союзом с латинянами, охотно принял эту завоевательную экспедицию: она позволила ему удалиться из города. Крестоносцы последовали за ним, тем более что время для переезда в Св. землю уже было неподходящим (конец лета). Они запросили у императора при этом крупные суммы: так, Бонифаций потребовал 16 тыс. кентинариев (т. е. 1600 фунтов) золота. Поход длился с середины августа до 11 ноября 1203 г.

²⁵² Условия договоренности между Исааком II и крестоносцами, если она имела место во время его восстановления на престоле, неизвестны. По-видимому, были подтверждены обязательства, принятые царевичем Алексеем в 1203 г.

²⁵³ Сведения Робера де Кларн относительно этого похода гораздо гораздо скуднее, чем данные Виллардуэна, заслуживающие и большего доверия, равно как и известия Никиты Хониата, согласно которым под власть Алексея IV перешли все города Фракии, включая Адрианополь. Крайними рубежами завоеванной территории стали Адрианополь и Кипсела.

²⁵⁴ 1 ноября 1203 г.

²⁵⁵ Алексей IV отправился в поход, чтобы на деле лишить Алексея III власти в стране. Между тем 19 августа на город обрушился второй пожар. Как повествует Никита Хониат, банда фламандцев, пизанцев и венецианцев ввязалась в уличную схватку с греками в восточной части города. Латиняне подожгли находившуюся там мечеть. Огонь быстро охватил густонаселенные кварталы от Золотого Рога до Мраморного моря, угрожая храму св. Софии, распространился на улицы, примыкавшие к ипподрому, уничтожил портики главной магистрали столицы и значительную часть самых богатых кварталов. Пожар, по словам Виллардуэна, был столь огромен, что никто не в состоянии был его погасить. Эти события усилили и без того враждебное отношение константинопольцев к крестоносцам, так что у Алексея IV и в самом деле были основания не доверять грекам.

²⁵⁶ Алексей V Дука (Мурцуфл) был известен своей враждебностью к латинянам.

²⁵⁷ Византийский историк Георгий Акрополит также отмечает, что против выполнения обещаний крестоносцам выступали как придворная аристократия, так и простой народ. Вообще византийские авторы изображают Алексея IV игрушкой в руках завоевателей — от начала до окончательного крушения его власти. Примерно так же излагает события и Никита Хониат.

²⁵⁸ Жоффруа де Виллардуэн рассказывает, что в состав делегации входили Конон Бетюнский, Милон де Бребан и он сам от «паллиринов», а три других лица, назначенных дожем, представляли венецианскую сторону. Послы двинулись ко Влахернскому дворцу на конях с мечами наголо, понимая, что подвергаются «из-за вероломства греков» большой опасности.

²⁵⁹ Жоффруа де Виллардуэн умалчивает о решительной позиции Алексея IV, менее же пристрастные западные авторы освещают положение именно таким образом.

²⁶⁰ В рукописи в этом месте пропущены четыре строки.

²⁶¹ Военный флот Византии, как рассказывает Никита Хониат, находился в то время в крайне плачевном состоянии.

²⁶² Попытка сжечь флот крестоносцев была предпринята 1 января 1204 г.

²⁶³ Т. е. увидели греческие брандеры.

²⁶⁴ О стараниях греков уничтожить огнем венецианский флот сообщают также Жофруа де Виллардуэн и автор хроники «Константинопольское опустошение», подтверждающий в частности известие о гибели одного корабля.

²⁶⁵ В Константинополе действительно имели место попытки дворцового переворота.

²⁶⁶ Алексей IV был арестован Мурцуфлом, официальное положение которого давало ему свободный вход во дворец, в ночь на 28 января 1204 г.; его отвели к тюрьме, где через несколько дней, в начале февраля 1204 г., он был задушен. Что касается Исаака II, то, согласно известиям Никиты Хониата и Виллардуэна, он, не выдержав постигших его потрясений, умер еще до убийства Алексея IV.

²⁶⁷ Мурцуфл был провозглашен императором под именем Алексея V 5 февраля 1204 г. К этому же времени относится, вероятно, и умерщвление Алексея IV, которого он дважды или трижды пытался отравить, а затем приказал задушить.

²⁶⁸ Сходным образом рисуют ситуацию и другие латинские хронисты.

²⁶⁹ Речь идет о болгарском царе Иоаннитце, который сам себя называл Калоюанном (Иоанн Прекрасный, или Добрый). Робер де Клари явно не осведомлен о предыстории «Иоанна ли Блаки». Это был младший из трех братьев Асенидов, который, после того как двух его старших братьев Асеня и Петра убили в Византии, унаследовал в 1197 г. власть над Болгарией, добившейся еще в 1186—1187 гг. независимости.

²⁷⁰ В действительности оскорблению — ударом по лицу, нанесенным севастократором Иоанном, — подвергся его старший брат Асень. Сам Иоаннитца с весны 1188 г. находился в заключении в Константинополе, но вскоре был освобожден и в 1197 г. стал правителем Второго Болгарского царства.

²⁷¹ Куманы, или команы (половцы), — кочевые племена тюркского происхождения, занимавшие обширную территорию к северу от Дуная. Разводили коней, верблюдов, быков, коров. Близ Дуная и на Балканах появлялись только в холодное время года — между октябрём и апрелем, в теплые же месяцы передвигались далеко к северу и северо-востоку, к границам Руси. Куманы действительно были вначале союзниками Петра и Асеня, затем Калоюана, который, согласно преданию, даже женился на половчанке.

²⁷² Робер де Клари имеет в виду поражение, нанесенное болгарами войску Латинской империи в битве под Адрианополем 14 апреля 1205 г.

²⁷³ Иннокентий III, добиваясь подчинения Болгарии римско-католической церкви, в 1204 г. уполномочил кардинала Льва короновать Иоаннитцу и облечь архиепископа Василия Тырновского саном примаса Болгарской церкви.

²⁷⁴ Рейд происходил в феврале 1204 г. Филея — город на берегу Черного моря.

²⁷⁵ Способ выражения, к которому прибегает хронист, формулируя свою мысль околичностями, ясно свидетельствует о подтексте формулировки «сделали свое дело» («si fist s'en fait»): участники набега на Филею дотла разорили город.

²⁷⁶ У Робера де Клари — *ansconne*, искаж. греч. *eikon*, т. е. икона. Вероятно, он слышал это слово во время пребывания в Константинополе.

²⁷⁷ Т. е. не был сброшен с лошади.

²⁷⁸ *Misericordes*, «милосердники» — остро заточенные кинжалы, которыми пронзали рыцаря, сброшенного с лошади, сквозь его доспехи, если он не просил пощады (*misericorde*).

²⁷⁹ Из этой фразы явствует, что во время пребывания у Константинополя крестоносцы использовали для своих религиозных надобностей какую-то из православных церквей.

²⁸⁰ Эпизод, случившийся во время грабительского рейда рыцарей на Филею (2 февраля 1204 г.) — захват иконы — упоминается многими хронистами. Идентифицировать икону с каким-нибудь известным произведением византийской иконописи до сих пор не удалось. Средневековые авторы описывают ее как изображение богородицы, якобы нарисованное св. Лукой и называвшееся Одигитрией — икона считалась защитницей Константинополя. Исследователи

ми этот взгляд отвергается. К тому же икона, захваченная рыцарями, никогда не передавалась в аббатство Сито. В описи реликвий, доставленных из Константинополя на Запад (ее составил в конце XIX в. П. Риан), икона эта не значится. Одигитрия же попала позднее в руки венецианцев (см. гл. СХІV).

²⁸¹ Инсигнии (*Penseigne*) — знаки императорского достоинства (скипетр и проч.).

²⁸² Фактически здесь передаются, правда с существенными неточностями, условия подписанного предводителями крестоносцев и венецианцами в марте 1204 г. договора «О разделе империи».

²⁸³ Жоффруа де Виллардуэн ни слова не говорит о такого рода клятвенных обязательствах рыцарей.

²⁸⁴ 10 марта 1204 г.

²⁸⁵ «Кошка» — огромных размеров осадное орудие XII—XIII вв. (до 5 м в высоту и до 10 м в длину), служившее для бросания (с помощью двух рычагов) камней и зажженных факелов на расстояние от 1000 до 1500 м. Один из рычагов по форме напоминал кошачью лапу — отсюда название орудия.

«Повозка» — осадное орудие на трех полуколесах, так что его можно было быстро и вплотную придвинуть к вражеским стенам.

«Свинья», или «черепаха» — передвижная деревянная башня, под прикрытием которой осаждающие, находясь в ней, могли приблизиться к стенам противника.

²⁸⁶ Вербное воскресенье приходилось в 1204 г. на 18 апреля; таким образом, «пятница примерно за 10 дней до него» — 9 апреля. Виллардуэн и приводит эту дату. Значит, Робер де Клари довольно точно указывает день первого приступа.

²⁸⁷ По венецианским источникам, приступ был произведен у той части стен, которая примыкала к монастырю Пантэпонта, расположенному за холме (здесь стоял шатер Алексея V, что в общем совпадает с сообщением Робера де Клари). Жоффруа де Виллардуэн соотносит место приступа с тем же, где был осуществлен первый штурм Константинополя (11—17 июля 1203 г.), — на левом берегу гавани, близ Влахернского дворца; по Никите Хониату, приступ произвели с берега между монастырем Еввергета и Влахернским дворцом.

²⁸⁸ Официально нападение на Константинополь считалось «грехом», ибо, согласно постановлению Нарбоннского собора, происходившего еще в год «великой схизмы» (1054 г.), означало бы пролитие крови самого Христа. У Робера де Клари явно слышится отзвук этой точки зрения.

²⁸⁹ Воскресенье «Страстной недели» — 11 апреля 1204 г.

²⁹⁰ Имеются в виду епископы Нивелон Суассонский, Гарнье де Тренель Труаский, Конрад Гальберштадтский, канцлер Бодуэн Фландрского Жан Нуайонский и аббат Симон Лоосский.

²⁹¹ Т. е. хуже тех, кто некогда, согласно богословской традиции, распяли Иисуса Христа, — аргумент, который, видимо, должен был, по мнению духовенства, показаться крестоносцам особенно убедительным, вызвав у них взрыв религиозной ненависти к грекам.

²⁹² Этот текст отчетливо раскрывает позицию церковников, сопровождавших венецианско-крестоносную армию и осуществлявших волю Иннокентия III. Сведения Робера де Клари, таким образом, один из убедительнейших доводов в пользу той точки зрения, согласно которой папство явилось фактическим соучастником политических сил, придавших крестовому походу антиконстантинопольское направление.

²⁹³ 12 апреля 1204 г.

²⁹⁴ Приступ был произведен со стороны «морских стен», тянувшихся вдоль Золотого Рога.

²⁹⁵ Греческий огонь (*grijois*) — горячая смесь из селитры и нефти, с давних пор использовавшаяся вначале лишь византийцами, притом в морских сражениях: через особые трубы жидкость выбрасывалась на неприятельский корабль, который таким образом предавался пламени. Во времена крестовых походов греческий огонь был уже широко известен и на Западе, и на Востоке, причем применялся как в морских, так и в сухопутных боях. В данном случае

хронист указывает на безрезультатность использования греческого огня крестоносцами, поскольку деревянные башни константинопольских стен были защищены кожей, смоченными водой.

²⁹⁶ В письме латинского императора Бодуэна I папе Иннокентию III (вскоре по взятии Константинополя) отмечается, что башня подверглась атаке священных между собой кораблей епископов Суассонского и Труаского — «Рай» и «Пилигрим». Жоффруа де Виллардуэн также упоминает оба корабля по названиям, причем его рассказ совпадает с повествованием Робера де Клари.

²⁹⁷ Виллардуэн и венецианские хронисты пишут о том, что дул северный ветер («борей»).

²⁹⁸ Их имена известны из других источников: венецианца звали Пьетро Альберти, рыцарей — Андра́ де Дюрбуаз и Жан де Шуази. В хронике Виллардуэна фигурирует лишь Андра́ д'Юрбуаз, венецианец же не назван по имени. Напротив, в венецианских хрониках упоминается только Пьетро Альберти.

²⁹⁹ Речь идет о наемных войсках, находившихся на службе византийских императоров, — англосаксах и датчанах.

³⁰⁰ Тарж — металлический треугольный щит, прикрывавший чуть более половины груди и левое плечо. Обычно на него наносились геральдические изображения.

³⁰¹ Автор говорит здесь о самом себе.

³⁰² Пьеррон — косвенный падеж имени Пьер: имеется в виду Пьер Амьенский.

³⁰³ Виллардуэн умалчивает об этом эпизоде, который, видимо, был решающим при взятии города.

³⁰⁴ О том же сообщают Гунтер Пэрисский, Виллардуэн и другие хронисты.

³⁰⁵ Пожар (третий по счету; о первом говорится в гл. XLVI, о втором ничего не сказано, см. примеч. 255) действительно произошел той ночью. Из рассказа Робера де Клари ясно видно, что поджог города был произведен предводителями крестоносцев умышленно. Иными словами, пикардиец считает вполне правдоподобной злонамеренность этого акта, осуществленного во исполнение решений баронского совета. Напротив, Виллардуэн, стремясь обелить баронов, рисует ситуацию таким образом, будто пожар возник чуть ли не случайно: какие-то люди подожгли квартал «между нами и греками» из опасений, чтобы «пилигримы» не были атакованы с их стороны; что это за люди, он, Виллардуэн, не знает. Т. е., хотя поджог и был учинен крестоносцами в качестве превентивной меры, они руководствовались лишь страхом, притом предводители никакого касательства ко всему этому не имели. По Гунтеру Пэрисскому, распоряжение подкинуть огонь было отдано неким немецким графом (возможно, Бертольд фон Катценельнбоген) с тем, чтобы «легче победить греков», которые оказались бы стесненными «и битвой и пожаром». Пожар, свидетельствует Виллардуэн, продолжался всю ночь и следующий день до самого вечера: «сгорело домов больше, чем имеется в трех самых больших городах королевства Франции». По данным Никиты Хониата, выгорела часть вдоль Золотого Рога — от храма Христа Спасителя до квартала Друнгарион.

³⁰⁶ Он бежал через Золотой Рог во Фракию с царицей Евфросиньей (женой Алексея III) и ее дочерьми.

³⁰⁷ Видимо, Феодор Лаикарь, впоследствии император Никейской империи (1204—1222).

³⁰⁸ 13 апреля 1204 г.

³⁰⁹ Робер де Клари говорит о константинопольском духовенстве.

³¹⁰ Из контекста явствует, однако, что город покинули не «все», а только знатные и состоятельные греки.

³¹¹ Известия о «несправедливом» разделе добычи, об особых выгодах, полученных знатными крестоносцами, содержатся также в хрониках Эрнуля и Бернара Казначая.

³¹² См. гл. СХII.

³¹³ Дворец Вуколеон. Греческое название означало «быколев»: близ дворца, расположенного рядом с одноименной гаванью на берегу Пропонтиды, с наружной стороны от морских стен, высилась огромная античная статуя

льва, который, вспрыгнув на быка, разрывает его. У византийских авторов более раннего времени сохранился ряд описаний скульптурной группы «Быко-льва». Робер де Клари в соответствии с народной этимологией переименовал греческое «быколев» на созвучное ему французское «Львиная Пасть» (Bouche de Lion-Bouche de Lion). Таким же образом именует дворец Жоффруа де Виллардуэн. В научной литературе высказывалось мнение, что искажения греческих названий в записках Робера де Клари объясняются не только незнанием греческого языка, но и неприязненным отношением хрониста-рыцаря ко всему византийскому.

³¹⁴ Т. е. храм св. Софии. Бонифаций Монферратский изъявил притязания на императорский дворец и главную столичную церковь, вероятно, в расчете на то, что это повысит его шансы при избрании императора. С этой же целью он вступил в брак с Маргаритой (Марией) Венгерской, вдовой Исаака II Ангела.

³¹⁵ Так, по рассказу Гунтера Пэрисского, Влахернский дворец был занят графом Анри д'Эно.

³¹⁶ Старания Робера де Клари представить захват Константинополя крестоносцами чуть ли не в виде мирного вступления в город находятся в противоречии с фактами, засвидетельствованными многими другими современными событиями историками, в том числе западными: убитым в Константинополе «не было ни числа, ни меры» (Виллардуэн); «когда вся масса воинов вошла в царственный град, то одних грехов поубивали, других обратили в бегство, третьих, изъявивших готовность повиноваться, пощадили» (Аноним Суассонский); было убито по крайней мере 2 тыс. человек (Гунтер Пэрисский). Сведениями о бесчинствах крестоносцев изобилуют произведения греческих авторов, а также «Повесть о взятии Царьграда фрягами» русского очевидца захвата Константинополя.

³¹⁷ Слово «благородный» (noble) употребляется Робером де Клари не в качестве прилагательного, определяющего знатность происхождения, а имеет специфически «предметное» значение, указывая на изящество отделки, пышность, великолепие, красоту вещи или совокупности вещей, будь то утварь, здание, корабль и т. д.

³¹⁸ Примерно в тех же выражениях сообщает о захваченной в Константинополе добыче и Виллардуэн: после раздела добычи крестоносцы, получив свою долю, «уплатили венецианцам 50 тыс. марок серебром», между собой же поделили 100 тыс. марок; «не считая украденного и доли венецианцев, там было принесено наверняка на 400 тыс. марок серебром» и т. д. В рассказах крестоносцев, вернувшихся в Европу, эти и подобные им числа вырастали до сказочных размеров. Английский хронист XIII в. Радульф Коггесхэйльский писал: «Император Бодуэн получил и разделил между предводителями и войском латинян третью часть императорской сокровищницы, и эта третья часть содержала 1 млн 800 тыс. марок серебром». Разграбление сокровищ византийской столицы, часть которых вывезли на Запад, было, по выражению современного английского историка М. Маклеэна, «настолько эффективным», что сегодня эти предметы «легче оценить в Венеции, Лувре или Вашингтоне, чем в Стамбуле».

³¹⁹ По-видимому, Робер де Клари пытается описать здесь комплекс архитектурных сооружений к югу от храма св. Софии, между ипподромом (восточнее него) и «морскими стенами» — Большой, или Великий (Священный) дворец. В этот комплекс входил и Вуколеон. Хотя Комнины перенесли свою главную резиденцию во Влахернский дворец (северо-западная часть города), тем не менее Большой дворец еще занимали Андроник I и Алексей III, а позднее государи Латинской империи.

³²⁰ Исследователи предлагали различную идентификацию этой Sainte-Capelle. По мнению некоторых, Робер де Клари описывает здесь часовню Спасителя, отличавшуюся пышностью убранства. Другие историки полагают, что речь идет о церкви Богородицы Фаросской, составлявшей часть Большого дворца. При этом ссылались на совпадение в описании ее реликвий у Робера де Клари и в «Книге Паломник» Добрыни Ядрейковича (архиепископа Антония

Новгородского). Русский путешественник, побывавший в византийской столице около 1200 г., в самом деле перечисляет те же «священные предметы», что и пикардиец, говоря, что все они находились «во единой церкви в малей святой богородицы, что во царских златых палатах».

³²¹ Названия материалов, из которых якобы были построены константинопольские здания или сделаны их детали, не следует понимать в буквальном смысле: *jaspe, porphire, riches pierre precieuses* — распространенные в хронографии обозначения общего характера.

³²² *Vraie croix* (буквально «истинный крест») — считающийся в христианстве одной из самых драгоценных реликвий деревянный крест, на котором якобы был распят Иисус Христос. Реликвии приписывали всякого рода сверхъестественные свойства, поэтому часто крест этот именуется в средневековых повествованиях «чудотворным». Новгородец Добрыня Ядрейкович лицезрел его в храме св. Софии.

³²³ Святое копье — христианская реликвия, получившая большую известность за Западе со времени Первого крестового похода. По евангельской легенде, римский воин, находившийся в толпе тех, кто присутствовал при казни Иисуса Христа, пронзил своим копьем ребро распятого «и тотчас истекла кровь и вода» (Иоанн, гл. 19, ст. 34). Это копье и сделалось в дальнейшем религиозной святыней. Согласно византийской традиции, в 614 г., после захвата Иерусалима персами, реликвия была доставлена в Константинополь и положена в храм св. Софии; впоследствии копье будто бы возвратили в Иерусалим, но во второй половине XIII в. снова перевезли в Константинополь и поместили в Фаросской (Маячной) церкви Богородицы, где оно с тех пор якобы и хранится. Латинские хронисты Первого крестового похода, со своей стороны, повествуют о том, как во время осады Антиохии войсками сельджуцкого атабека Кербоги копье, найденное крестоносцами, по указанию «свыше», в храме св. Петра (14 июня 1098 г.), принесло им избавление от ужасов осады и обеспечило победу над «неверными» (28 июня 1098 г.). Уже участники событий заподозрили в антиохийском святом копье фальшивку. В XVIII в. подложность находки официально подтвердил римский кардинал Просперо Ламбертини, впоследствии папа Бенедикт XIV.

³²⁴ В евангелиях рассказывается, что когда Иисус Христос был предан на распятие, то стражники сняли с него одежду «и надели на него багряницу» (Матф., гл. 27, ст. 28; ср.: Марк, гл. 15, ст. 17), а затем, насмеявшись над ним, «сняли с него багряницу и одели его в одежды его, и повели его на распятие» (Матф., гл. 27, ст. 31; ср.: Марк, гл. 15, ст. 20).

³²⁵ Терновый венец, который воины римского наместника Понтия Пилата в присутствии народа якобы возложили на голову Иисуса Христа, арестованного в Иерусалиме (Марк, гл. 15, ст. 17).

³²⁶ Этот рассказ, по-видимому услышанный Робером де Клари от греков, единственный в его записках, в котором передается факт, относящийся к категории «священных небыллиц», наполняющих хроники крестовых походов. В научной литературе высказывалось предположение о том, что хронист воспроизводит здесь один из вариантов распространенной в Византии восточной легенды о «нерукотворной» Эдесской иконе, будто бы доставленной в 944 г. императором Романом I (920—944) в Константинополь. Легенда гласит: Абгар, правитель Эдессы, пораженный неизлечимой болезнью, снарядил посланца к Иисусу Христу с просьбой явиться и исцелить от болезни; ему было поручено также нарисовать Иисуса, но когда вестник прибыл к нему и умыл свои руки, то небожитель взял у него полотенце и, приложив лицо, вернул обратно с отпечатком своих «божественных» черт. С «чудесным» изображением и с грамотой к Абгару, начертанной-де рукой Иисуса, вестник возвратился в Эдессу. На обратном пути случилось так, что полотенце было положено под черепицу, и на ней тоже запечатлелись черты лица Иисуса.

³²⁷ В таких словах выражает Робер де Клари понятие «икона», в данном случае — христианского «великомученика» Димитрия, чьим именем была названа церковь, заложенная при Василии I (867—886). Она находилась севернее церкви Богородицы («Святой часовни» Робера де Кларн) и была связана с ней

галерей. Рассказ об иконе св. Димитрия, которая якобы источала масло, содержится, кроме того, в ряде других латинских, а также византийских памятников. Византийские авторы сообщают о целебном масле, истекавшем из гробницы св. Димитрия в Солуни (Фессалонике), где была построенная в V в. и известная своими мозаиками церковь этого христианского «героя», считавшегося покровителем города. Во время археологических раскопок храма в 1917 г., когда он сгорел, в стене была найдена свинцовая трубка, из которой истекало благовонное масло. Возможно, что с помощью подобных приспособлений церковники устраивали и истечение масла с иконы св. Димитрия, о которой повествует Робер де Клари. Относительно самой иконы известно лишь, что император Мануил Комнин в 1149 г. увез ее из Фессалоники и поместил в храме Христа Пантократора в Константинополе.

³²⁸ Из этих слов видно, что Робер де Клари переходит к описанию Влахернского дворца (со слов «А потом там имелось...»). Вероятно, переписчик хроники пропустил фразу, вводившую в изложение новый сюжет. Она могла выглядеть примерно так, как указано в квадратных скобках.

³²⁹ Переводя таким образом название храма, Робер де Клари допускал ошибку: «святая София» означает «святая премудрость», т. е. согласно богословной терминологии, «святой дух». Иными словами, церковь вовсе не была посвящена святой по имени София, это синоним «божественной мудрости», «слова божьего», второго члена христианской троицы.

³³⁰ По-видимому, здесь описываются боковые сводчатые галереи с северной и южной стороны от главного нефа храма. Они поддерживались аркадами разноцветных мраморных колонн: своды нижнего яруса покоились на четырех, верхнего — на шести колоннах.

³³¹ «И мужи и жены целующе трутся персами и плечама около столпа того на исцеление болезнем, кий коем недугом болен бе», сообщает Антоний Новгородский о целебных свойствах обитого медью столпа св. Георгия.

³³² В оригинале — *abitacle*: иногда это слово переводят как «балдахин». Хронист употребляет термин в четырех случаях: для обозначения палатки куманов (гл. LXV); балдахина, или сѣни над алтарным престолом (гл. LXXXV) и на триумфальной колеснице византийских императоров (гл. LXXXIX); хижины отшельников-столпников (гл. XCII).

³³³ Т. е. амвон: видимо, Робер де Клари не знал этого слова. Из других источников известно, что амвон был сделан из редких пород мрамора; его окружали серебряные столпы с золотыми капителями, осыпанными драгоценными камнями. Здесь не только читались богослужебные тексты, но и совершались особо торжественные обряды, а также ритуал коронации.

³³⁴ Светильники (люстры) — паникадила, или серебряные канделябры (в форме деревьев и кораблей). По подсчетам Добрыни Ядрейковича, таких многолампадных «люстр», освещающих алтарь сверху, лишь в главном нефѣ св. Софии было 80. Русский путешественник добавляет: «А и иных кондид по всей церкви много». Знакома читателей и слушателей с богатствами храма, Робер де Клари обходит молчанием плачевную участь, постигшую их в результате вторжения крестоносцев. Он описывает алтарь, амвон, люстры и проч. преимущественно с точки зрения их материальной оценки. Русский очевидец разгрома Константинополя «латинниками» — новгородец, находившийся там в апрельские дни 1204 г., — напротив, с сокрушением повествует о варварском уничтожении «фрягами» сокровищ храма св. Софии: «Вънидоша в святую Софию и одѣраша двѣри и расѣкоша, а онбол окован бѣше весь сребром, и столпы сребрьные 12, а 4 кивотѣния, и тябло иськоша, и 12 креста, иже над олторем бяху...» и т. д.

³³⁵ Великие врата — главный вход храма; кольцо — дверная ручка, петля.

³³⁶ В оригинале — *bihotiaus*: происхождение и значение термина неясны, П. Рيان сблизил предмет, невнятно описываемый Робером де Клари, с тем, о котором упоминается в «Книге Паломник» Антония Новгородского: «медян романист, рекше нарв», т. е. засов. А. Пофилэ рассматривал термин как производный от слова *bihot*, «горлышко» (кувшина и т. п.), считая, что священнослужители св. Софии «исцеляли» с помощью трубки, соединенной с воз-

душным насосом, откачивавшим «немочь». Х. Лопарев переводил текст Робера де Клари, употребляя слово «ствол» («у кольца великих врат висел ствол»), что не вносило ясности в суть дела. Ф. Мели путем анализа лексики хрониста пришел к заключению, что *buhotiaus* — это дверное кольцо из металла в форме змеиного «горлышка» наподобие других распространенных в Византии «талисманов» в виде животных и насекомых. П. Дембовски полагал, что речь идет вовсе не о какой-либо трубке, рожке или засове, но о чем-то подобном, но ни Антоний Новгородский, ни Робер де Клари никогда раньше этого предмета не видели и потому не знали, каким именно словом его обозначить, поэтому они использовали лишь им самим понятный термин. А. М. Нада Патроне, ссылаясь на мнение Р. Азара, указывает, что слово *buhotiaus*, исчезнувшее из современного французского языка, сохранилось, однако, в пикардийском диалекте в форме *buhot* (*buhotiaus* — уменьшительное от него): так называется стебелек растения либо цилиндр катушки, предмет трубчатой формы и малого диаметра. Кроме того, *buhoteux* — курильщик. Эти значения слова целиком подтверждают описание Робера де Клари (*une fleuste dont chil pasteur fleustent*) и соответствуют истолкованию, предложенному Добрыней Ядрейковичем: засовы имели обычно трубчатую форму.

³³⁷ «...Тот же нарв, — сообщал новгородец, — вкладают в рот мужи и жены, да аще кто будет яд змеин снел, или отравлен како, то не может его выняти изо рта, дондеже вся злоба изыдет слинами изо рта».

³³⁸ Хронист рассказывает здесь о столпе (колонне) императора Юстиниана I.

³³⁹ Иными словами, статуя Юстиниана была обращена на Восток в знак «вызова»; поднятая правая рука также была протянута к Востоку, как бы предупреждая персов; в левой император держал шар с крестом на нем — один из атрибутов власти василевсов, символ могущества Византии.

³⁴⁰ Ираклий — византийский император, в 627—628 гг. разбивший персов и вернувший захваченные ими провинции в Азии и Египте. В действительности речь идет о конной бронзовой статуе Юстиниана I (воздвигнута в 543—544 гг.), находившейся на форуме Августеон, между храмом св. Софии и воротами Большого дворца. Император представлен был в костюме Ахиллеса. Сохранились рисунок XIV в., изображавший статую, и ее описания, которые в значительной мере подтверждают образ, запечатленный Робером де Клари.

³⁴¹ *Set Apostres*: вероятно, Робер де Клари поименовал эту церковь «на слух», спутав слова «*septe*» («семь») и «*saints*» («святые»); речь идет о константинопольской церкви Святых апостолов. Считалось, что в ней якобы был захоронен один из апостолов (св. Андрей) (а не семь!), а также св. Лука и св. Тимофей, о чем сообщает наряду с другими источниками и Антоний Новгородский. Церковь построена была в середине VI в. и послужила прототипом венецианского собора св. Марка.

³⁴² В действительности тут были гробницы ряда византийских императоров и императриц, а также видных церковных деятелей (Иоанна Златоуста, Григория Назианзина и др.). По свидетельству Никиты Хониата, крестоносцы вскрыли императорские гробницы (включая Юстинианову) и унесли все ценности.

³⁴³ Добрыня Ядрейкович в «Книге Паломник» тоже упоминает мраморный столп, к которому якобы «Христос привязан бысть». Вероятно, источник обоих авторов — евангелие от Матфея (гл. 27, ст. 26), где говорится о том, что Понтий Пилат, «Иисуса бив предад на распятие», хотя ни о каком столпе, к которому он был привязан, не упоминается.

³⁴⁴ Мать императора Константина I Великого (324—337), причисленная церковью к лику святых, — Елена (умерла в 327 г.).

³⁴⁵ Вероятно, имеются в виду Гиролимниевы ворота, увенчанные тремя императорскими бюстами, которые были украшены драгоценными камнями. Эти ворота находились в стене напротив Влахернского дворца и служили входом в него.

³⁴⁶ Золотые ворота расположены были в южной части сухопутных стен. Первоначально триумфальная арка, воздвигнутая Феодосием I в 388—391 гг.

в честь победы над узурпатором Максимом. Византийский историк Кедрин рассказывает, что на воротах находилась скульптурная группа — четыре бронзовых льва. Ворота служили для въезда в Константинополь в особо торжественных случаях.

³⁴⁷ «Игралище императора» (*jus l'empereur*) — ипподром. Его длина составляла 400 м, ширина — около 120 м, он вмещал по 120 тыс. зрителей.

³⁴⁸ Императорская ложа помещалась в северо-восточной части ипподрома и была украшена бронзовой квадригой (четверка коней), впоследствии ее перевезли в Венецию, где она и поныне стоит над порталом собора св. Марка.

³⁴⁹ Имеются в виду два происходивших одновременно конных заезда; по длине ипподрома тянулась разделительная стена, одну часть занимали «зеленые», другую — «голубые» участники зрелища.

³⁵⁰ Арабский географ XI в. Идриси сообщает, что на ипподроме стояли в два ряда очень живо исполненные бронзовые статуи людей, медведей и львов. Там же находились два обелиска. Описание ипподрома у Робера де Кларри — одно из самых обстоятельных в средневековой литературе.

³⁵¹ Представление Робера де Кларри, будто фигуры животных и людей на ипподроме некогда двигались силой волшебства (*par enchantement*), показывает, что его воображение переходило границы действительных возможностей средневековой техники. Возможно, впрочем, что «двигались» какие-то части статуй (лапы животных и проч.), которые таким образом словно «играли», и хронист мог слышать рассказы об этом.

³⁵² Вероятно, Робер де Кларри описывает здесь бронзовую статую богини Афины, упоминаемую Никитой Хониатом. Ее левая рука была прикрыта накидкой, правая поддерживала голову, слегка наклоненную к югу. Те, кто не знал подлинного направления, могли думать, что богиня как бы взирает на Запад и рука ее словно призывает западное войско к завоеванию города. Сообщение о пророческих надписях свидетельствует, насколько широко были распространены среди крестоносцев подобного рода «предсказания», создававшиеся *post eventum* (после совершившегося события) и представлявшие собой форму пропаганды. Вторая из двух статуй, называемых Робером де Кларри, возможно, была золотой статуей Ромула.

³⁵³ Безант — византийская золотая монета (номисма) весом 4,5 г.

³⁵⁴ Столп (колонна) со статуей императора Аркадия (сооружена в 402 или 403 г.) на форуме Ксеролофос, и колонна, увенчанная статуей Феодосия I Великого (сооружена в 385—386 г.), на форуме Тавра. Образцом для них послужила колонна Траяна в Риме. Обе колонны имели винтовые лестницы и были покрыты барельефами, изображавшими различные события истории. По некоторым данным, высота столпа Аркадия равнялась 47 м. Описывая колонну, с которой крестоносцы сбросили Алексея V, о чем Робер де Кларри сообщает в гл. CVIII, Виллардуэн и Гунтер Пэрисский говорят о старинных скульптурных изображениях на ней. Греки считали, писал Гунтер, будто тут представлены сивиллины пророчества. Здесь были изображены и корабли и словно поднятые с них лестницы, по которым карабкались вооруженные люди, явно намереваясь, как казалось, «завоевать... город и захватить его». Жители Константинополя, по его же словам, и прежде созерцали эти скульптуры, но не верили, что с их городом когда-нибудь может приключиться что-либо подобное; теперь же, когда они въявь увидели лестницы, «поднятые на наших кораблях», и вспомнили начертанное, они начали придавать гораздо более серьезное значение тому, что «столь долго с презрением отвергали». Константинопольцы даже искалечили многие из скульптур камнями и железными молотками, полагая, что таким образом сумеют обернуть пророчество против завоевателей. Согласно Виллардуэну, среди скульптурных изображений была некая фигура человека в императорском одеянии, который падал вниз, ибо «уже давно было предвещано, что какой-то константинопольский император будет сброшен с этого столпа». Все это подтверждает распространенность «роковых» предсказаний подобного рода как формы пропаганды. Английский хронист Радульф Коггсхэйльский рассказывает о надписи на столпе в Константинополе, согласно которой владычество греков закончится после того, как процар-

ствую три императора по имени Алексей: затем власть в империи перейдет к другому народу. Над тремя статуями императоров, находившимися на столпе, высилась еще одна — ее рука была обращена на Запад. О «пророчествах», якобы начертанных на колоннах, которые описывает Робер де Кларн, сообщают также венецианские источники.

³⁵⁵ Огромная численность столичного духовенства, как ее представляет Робер де Кларн, близка к действительности. Добрыня Ядрейкович писал о 40 тыс. священников, проживающих между Греческим и Русским (т. е. Мраморным и Черным) морями («есть попов 40 000, а кроме монастырских; а монастырей 14000; а у святых Софии 3 тысячи попов»).

³⁵⁶ Трехнефная церковь во Влахернском дворце, построенная в V—VI вв. Ее упоминает и Антоний Новгородский.

³⁵⁷ Li sydoines — одна из религиозных реликвий, так называемая святая плащаница — кусок полотна, которым, согласно рассказам евангелистов, ученик Иисуса Христа, Иосиф Аримафейский, обвил снятое с креста тело «Учителя», отданное ему по распоряжению Понтия Пилата. В этой плащанице Иосиф положил его в гробницу, высеченную в скале (Матф., гл. 27, ст. 59—60; Марк, гл. 15, ст. 46; Лука, гл. 23, ст. 53). «Святыню» видел (правда, в храме св. Софии) и Добрыня Ядрейкович, упоминающий «пелены Христовы».

³⁵⁸ Храм Христа Пантократора (Вседержителя). Воздвигнут при Иоанне II Комнине

³⁵⁹ По рассказу Никиты Хониата, Мануил Комнин поместил эту красного мрамора плиту в дворцовую церковь; позднее ее положили рядом с его собственной гробницей в храме Пантократора. Антоний Новгородский тоже видел там эту плиту («доску»), якобы со слезами богородицы, которые «суть белы видением, аки капля воцаные».

³⁶⁰ В действительности предлагалось выдвинуть по шесть, а не по десять выборщиков. Возможно, впрочем, что вмешательство дожа в ход предварительных переговоров, о котором сообщает далее автор, представляло собой подлинный факт — Робер де Кларн мог узнать о нем из вполне достоверного источника, как это доказывают многие другие приводимые им сведения.

³⁶¹ О притязаниях знатных сенсоров на императорский трон и о страхах, которые разгорелись во время переговоров, сообщает также Виллардуэн. Особенно яростными соперниками — среди прочих кандидатов — выступили Бодуэн Фландрский и Бонифаций Монферратский. В письме Бодуэна Ионнокентия III, написанном уже после избрания, обо всех этих распрях не сказано ни слова. Выборщиками от крестоносцев были епископы Суассонский, Труаский, Гальберштадтский, Вифлеемский, Акрский и аббат де Лочедно, а от венецианцев — Энрико Дандоло, Витале Дандоло, Оттоне Кверини, Бетруччо Контарини, Никколо Наваджеро и Панталоне Барбо. Отдельные венецианские источники называют в качестве избирателей от крестоносцев четырех французов (Бодуэна Фландрского, Гюга де Сен-Поля, Жоффруа де Виллардуэна и некоего Арсюэля де Маршюэля, или Арсуа де Маркуоля) и двух ломбардцев (Джакомо Мальвичини по прозвищу Наваррец и Никколо де Пиччоли), но в научной литературе возможность участия двух последних в выборах императора и вообще их пребывания на Востоке обычно отрицается. В целом Робер де Кларн освещает обстоятельства избрания императора достоверно и убедительно.

³⁶² 9 мая 1204 г.

³⁶³ Судя по венецианским источникам, мнения по поводу возможных кандидатов на трон разошлись. Пятеро выборщиков-венецианцев предлагали избрать императором дожа Дандоло, ломбардцы называли имя маркиза Монферратского, французы — графа Фландрского. После долгих и безрезультатных споров вопрос был решен голосом Панталоне Барбо, поданным против кандидатуры дожа в силу того соображения, что в этом случае «сеньория империи будет обречена, ибо ультрамонтаны (французы.— М. З.) уедут и у империи не останется защитников»; он же проголосовал против Бонифация, считая, что тот не пожелает остаться в Константинополе, поэтому будет «полезным сделать императором графа Фландрии — он и человек королевской крови, могущественный и богатый, и... охотно останется».

³⁶⁴ Т. е. сообщить от имени выборщиков результат голосования.

³⁶⁵ Крестоносцы в большинстве своем были из французских земель, поэтому, естественно, склонялись к стороне графа Фландрского. В их глазах ломбардский маркиз был «чужаком».

³⁶⁶ 16 мая 1204 г.

³⁶⁷ Паллиум — императорское одеяние (античного происхождения) наподобие тоги.

³⁶⁸ Это описание соответствует действительности.

³⁶⁹ Церемония, описываемая хронистом не всегда, правда, достаточно четко, поскольку ему недоставало нужных слов для обозначения тех или иных элементов облачения и проч., лишь отчасти воспроизводит — в модифицированном виде — комниновскую коронационную традицию, которая была известна крестоносцам, поскольку они имели возможность наблюдать соответствующий ритуал во время коронации Алексея IV (1 августа 1203 г.). Пурпурные штаны и сапожки, драгоценный камень, перекинутый через шею на грудь, скипетр — компоненты византийского обряда венчания на царство. Во всем остальном крестоносцы следовали французскому «регламенту»: вручение государю меча, участие пэров и епископов в возложении короны, вынос знамени, меча и короны знатнейшими рыцарями, помазание (не принятое в Византии), усаживание на трон, послекоронационная трапеза.

Византийский историк XII в. Иоанн Киннам оставил описание одеяний Мануила I Комнина во время приема в конце 1161 г. иконийского султана Кылыч-Арслана II: широкая пурпурная хламида, обшитая жемчугом и драгоценными камнями, а на груди — огромный (размером с яблоко) рубин. Зарисовка Робера де Клари в какой-то мере сходна с указанным описанием.

³⁷⁰ Венецианские хроники подчеркивают, что после коронации император и дож прошествовали с символами власти «равного достоинства»: «оба несли перед собой в руке жезл и меч».

³⁷¹ Этот золотой трон обычно использовался при коронации византийских императоров.

³⁷² По сведениям автора хроники «Константинопольское опустошение», во время этого, предварительного, раздела добычи лица духовного звания приравнивались к конным оруженосцам: каждому священнослужителю выдали 10 марок, а рыцарю — 20.

³⁷³ Т. е. «на вдове Исаака II — Маргарите, дочери (хронист ошибочно называет ее сестрой) венгерского короля Бельи III. Бракосочетание состоялось незадолго до избрания императором Бодуэна Фландрского».

³⁷⁴ Речь идет о Салониках (у славян — Солунь), или Фессалонике, втором по значению городе Византии.

³⁷⁵ Робер де Клари рисует весьма идиллическую, далекую от действительности картину взаимоотношений греков с латинянами во время утверждения последних в Византийской империи. Покорность завоевателям выказывала лишь часть греческой аристократии, представители которой сдавали им города и крепости Фракии и Македонии. Низы, в особенности народные массы Болгарии, оказывали стойкое сопротивление захватчикам.

³⁷⁶ Город Дидимотика.

³⁷⁷ Т. е. Адрианополь.

³⁷⁸ Мануил Ангел и его брат (имя неизвестно).

³⁷⁹ Церемония коронации составляла существенный и официально признанный элемент «законности» императорской власти в Византии. И хотя весь диалог — вымысел хрониста, тем не менее в позиции «мудрого человека» косвенным образом отразились настроения адрианопольцев, не желавших отдаваться под власть завоевателей.

³⁸⁰ Бодуэн вернулся в Константинополь потому, что получил через гонцов предупреждение от дожа. Не следует, считал Дандоло, разжигать раздоры между крестоносцами.

³⁸¹ Ла-Бланш — крепость между Христополем и Серрами в Македонии, неподалеку от фракийского города Филиппы, названного так в свое время в честь македонского царя Филиппа II, отца знаменитого завоевателя Алек-

сандра Македонского. Последний родился в г. Пелле: по-видимому, представление Робера де Клари о месте его рождения навеяно ассоциациями, связанными с происхождением Александра.

³⁸² Пьер Амьенский и упоминаемые хронистом 15 рыцарей умерли, видимо, в результате эпидемии. (Виллардуэн говорит о гибели 40 рыцарей.)

³⁸³ По рассказу Виллардуэна, предводители крестоносцев, находившиеся в Константинополе, решили вмешаться в распрю и заставить стороны принять посредничество. Маршал Шампанский и Манессье де Лиль были направлены к маркизу, уже предпринявшему осаду Адрианополя. Он согласился, чтобы посредниками были дож, Лун Блуаский, Конон Бетюнский и Жоффруа де Виллардуэн. Возвратившись в Константинополь, они сообщили о результатах переговоров Бодуэна I, который намеревался открыть военные действия против Бонифация. Император отказался тогда от войны против соперника. На состоявшемся в столице совете баронов был заключен мир: маркиз передавал Виллардуэну (в виде залога) захваченную им (Бонифацием) Дидимотику, а Бодуэн возвращал маркизу Салоники; по получении известия об этом Виллардуэн должен был передать Дидимотику императору.

³⁸⁴ Виллардуэн обходит молчанием этот эпизод, ясно показывающий противоречия среди завоевателей, в том числе между знатью и «бедными рыцарями».

³⁸⁵ Эта главка находится явно не на месте: в ней рассказывается о событиях, одновременных тем, которые излагаются в гл. CXVI и относятся ко времени правления Анри д'Эно (1206—1216 г.). Вероятно, Робер де Клари, вернувшись на родину и уже закончив диктовать свое произведение, вспомнил о забытом им достопримечательном эпизоде, а переписчик включил главку в текст, выбрав для нее место по собственному разумению. Поскольку бракосочетание Анри II с болгарской царевной состоялось в 1211 г., возможно, что эта часть хроники была создана до 1211 г.

³⁸⁶ Второй государь Латинской империи Анри II (1206—1216), унаследовавший трон Бодуэна I после его пленения болгарами (14 апреля 1205 г.).

³⁸⁷ Вероятно, намек на Троянского коня.

³⁸⁸ В записки Робера де Клари здесь «вклинилась» широко распространенная в XIII в. легенда о троянском происхождении франков. Ее передает и придворный хронист Филиппа II Августа — Ригор.

³⁸⁹ По данным венецианских хроник, раздел был оформлен 14 сентября 1204 г.

³⁹⁰ Фьеф — то же, что феодал, т. е. земельное владение, пожалованное васалу за службу. Из описания Робера де Клари явствует, что при разделе завоеватели принимали во внимание условную «стоимость» выделяемых тому или иному сеньору земель: каждый получал владения, размер которых определялся суммой, равной «стоимости» 200, 100, 70 и т. д. рыцарских фьефов, выраженной в анжуйских ливрах.

³⁹¹ Как видно из рассказа, раздел земель осуществлялся согласно принципам иерархической субординации, давно утвердившейся на феодальном Западе. Система вассальных отношений «воспроизводилась» теперь и на завоеванных крестоносцами византийских территориях.

³⁹² Это было в сентябре 1204 г.

³⁹³ Фьефом Тьерри Лоосского (Лоос — в соврем. Бельгии, в районе Лимбурга, в 25 км к северо-западу от Льежа) была Никомидия, и сам он получил титул «сенешала Романии». В 1207 г., сбившись с коня в схватке с греками Константин Ласкаря, был взят в плен; освобожден после перемирия Анри II с Феодором Ласкарем.

³⁹⁴ Сходная игра слов встречается и у Гунтера Пэрисского: «В виду того что хотя он был дрянным, но высокородной крови человеком, князьям угодно было поднять его на высокий столп... дабы тот, кто неожиданно рухнул с высокого царства, падая с высоты же, встретил бы пусть и презреннейшую, но все же не постыднейшую смерть». Виллардуэн также говорит о решении совета баронов покарать «предателя Морчуфля» «таким высоким судом», чтобы его «видел весь свет». Экс-император действительно был сброшен с Аркадиева или

Феодосиева столпа, на котором эта казнь якобы была пророчески изображена еще раньше.

³⁹⁵ См. примеч. 354.

³⁹⁶ Все источники единодушны в свидетельствах насчет способа казни Алексея V Дуки.

³⁹⁷ Адрамитий в Малой Азии (соврем. Эдремид).

³⁹⁸ Луи Блауский получил Никею (Вифиния) и титул герцога Никейского.

³⁹⁹ Гюг де Сен-Поль получил Дидимотику во Влахии (на р. Марица, южнее Адрианополя).

⁴⁰⁰ Город Кизик в Малой Азии на южном берегу Пропонтиды, пожалованный Пьеру де Брасье совместно с Пэяном Орлеанским.

⁴⁰¹ Сведения Робера де Клари о распределении земель, которые еще предстояло захватить, соответствуют действительности. Известно немало других, в принципе аналогичных, случаев: так, Ренье де Трит получил герцогство Филиппопольское, а Жоффрау де Виллардуэн — княжество Ахейское (в Пелопоннесе!).

⁴⁰² Гавань Модона в Море (Пелопоннес).

⁴⁰³ Остров Крит (в средние века — Кандия) был «уступлен» Венецией Бонифацию Монферратскому за 1 тыс. марок серебром.

⁴⁰⁴ Умер, вероятно, вследствие эпидемии. Был похоронен в церкви св. Георгия в Мангане (Константинополь).

⁴⁰⁵ Битва под Адрианополем произошла 14 апреля 1205 г.

⁴⁰⁶ В исторической литературе высказывалось мнение о том, что императора Бодуэна I, попавшего в плен к болгарам, держали там сперва в качестве заложника, но затем в приступе гнева царь Калоян его убил. Некоторые историки считают, что Бодуэн I умер в плену естественной смертью. Болгарская исследовательница Г. Цанкова-Петкова связывает его гибель с мятежом против Калояна в конце 1205 — начале 1206 г. в Филиппополе (соврем. Пловдив), инспирированным частью греческой знати: Бодуэн заподозрили в соучастии и после подавления мятежа казнили вместе с другими пленными баронами. Освещение событий, связанных с битвой при Адрианополе, дано у Робера де Клари очень скупое: он вовсе обходит стороной начавшееся еще до того восстание греков в оккупированных латинянами фракийских городах. В результате совместных действий греческих повстанцев с болгарами господство крестоносцев во Фракия в сущности рухнуло.

⁴⁰⁷ 20 августа 1206 г.

⁴⁰⁸ Хронист рассказывает здесь о прославленной иконе богородицы — Одигитрии, которую, согласно византийскому преданию, якобы написал св. Лука. Робер де Клари был слабо осведомлен о событиях, происходивших в Константинополе после того, как сам он возвратился на родину. Из-за иконы действительно разгорелся спор между венецианцами, с одной стороны, и патриархом Томмазо Морозини и канониками св. Софии — с другой, но это произошло уже после коронации Анри II. В 1206 г. венецианцы ворвались в храм св. Софии и силой забрали икону, которую перенесли в принадлежавший им храм Христа Пантократора.

⁴⁰⁹ Он был коронован 20 августа 1206 г.

⁴¹⁰ Агнеса, дочь Бонифация Монферратского, вышедшая замуж за Анри II 4 февраля 1207 г. Этим браком были скреплены союзные отношения двух наиболее значительных владетелей-латинян и положен конец их раздорам. Вслед затем Бонифаций, захвативший Мосинополь, встретился с Анри II в Кипселах, где признал себя его вассалом. Оба обязались вести совместную борьбу против болгар, наметив поход на Адрианополь в ноябре 1207 г.

⁴¹¹ Изложение этих событий у Робера де Клари весьма упрощено и дано явно понаслышке. Жоффрау де Виллардуэн рассказывает, что спустя пять дней после возвращения в Мосинополь Бонифаций по совету некоторых представителей византийской аристократии предпринял набег в гористые окрестности города, удалившись от него на расстояние дня пути. Обнаружив малочисленность отряда маркиза, болгары сжгли часовых и напали на аррьергард крестоносцев, который обратился в бегство. Бонифация, окруженного противником,

в бою тяжело ранили (в плечо), оставшиеся с ним несколько вассалов — остальные бросили своего истекавшего кровью сеньора — погибли в неравном сражении. Смерть маркиза Монферратского датируется временем между 15 августа и 4 сентября 1207 г.

⁴¹² Маргарита Венгерская (см. примеч. 373).

⁴¹³ Калоян был убит или умер в конце сентября — начале октября 1207 г. Версия, передаваемая Робером де Кларн («явление» св. Димитрия, пронзившего царя копьем), — одна из легенд, связанных с его гибелью. Точные обстоятельства последней неясны. Византийский историк Георгий Акрополит считает, что он умер естественной смертью, другие авторы полагают, что он был умерщвлен наемным убийцей, подосланным латинянами. По мнению некоторых современников и позднейших историков, Калоян пал жертвой заговора, инспирированного, согласно разным источникам, то ли его женой-куманкой, связанной с византийским военачальником (стратигом) Монастыром, то ли болгарской знатью, сплотившейся вокруг племянника царя — Борила. По другой точке зрения в заговоре участвовали греческая знать и латинские бароны из Фессалоники, страшившиеся перспективы усиления Болгарии, а Монастыр действовал по наущению этих заговорщиков. Болгарский ученый Ив. Дуйчев, сопоставив известия письменных источников с данными археологических раскопок в тырновской церкви Сорока мучеников (в 1972 г. там был открыт саркофаг с останками Калояна — его тело было привезено для захоронения в болгарскую столицу), решительно отвергает концепцию заговора как причины гибели царя и склоняется к тому, что он умер от пневмонии.

⁴¹⁴ На следующий день после убийства Калояна болгары действительно сняли осаду Солуни и вместе с телом военачальника отправились в Тырново.

⁴¹⁵ Так называет хронист второго болгарского царя, преемника Калояна — Борила (1207—1218); в других случаях он фигурирует в записках как «Борюс».

⁴¹⁶ В действительности болгарская царица (ее имя — Мария), на которой Анри II женился в 1207 г. вторым браком, была двоюродной сестрой, а не дочерью Борила, дочерью она приходилась царю Калояну.

⁴¹⁷ Оценка, отражающая реальные представления крестоносцев относительно могущества Второго болгарского царства — главной угрозы латинским владениям на Балканах.

⁴¹⁸ Коронация мальчика Димитрия Монферратского, бонифациева сына от Маргариты Венгерской, состоялась 6 января 1209 г. Этому сопротивлялись регент, крупнейший из баронов Солунского королевства Оберто де Бьяндрате и коннетабль Амадео Буффа, добивавшиеся передачи короны Гильельму IV, сыну Бонифация от первого брака (он находился тогда на родине): бароны рассчитывали в конечном счете на его воцарение в Константинополе.

⁴¹⁹ Анри II умер 11 июля 1216 г. в Солуни в возрасте 40 лет. Высказывались предположения, что он был отравлен своей бывшей женой-болгаркой или Оберто де Бьяндрате.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

ИЗДАНИЯ И ПЕРЕВОДЫ ХРОНИКИ РОБЕРА ДЕ КЛАРИ

Публикации

- L'estoire de chiaus qui conquist Constantinople/Ed. par P. de Riant. P., 1868 (réimpr.: Genève, 1871).
- L'estoire de chiaus qui conquist Constantinoble de Robert de Clari en Aminois, chevalier.— In: Chroniques gréco-romanes/Ed. par C. Hopf. B., 1873, p. 1—85.
- Robert de Clari*. La Conquête de Constantinople/Ed. par Ph. Lauer. P., 1924 (Classiques français du Moyen Age, N 40) (réimpr.: P., 1956).
- Robert de Clari*. La Conquête de Constantinople.— In: Historiens et chroniqueurs du Moyen Age. P., 1938, p. 14—72; *Idem*. Ed. établie et annotée par A. Pauthilet. Textes nouveaux commentés par E. Pognon. P., 1952, p. 17—91 (La Pléiade) (réimpr.: P., 1963).

Переводы

- Robert de Clari*. La Conquête de Constantinople/Trad. par P. Charlot. P., 1939. (Poèmes et récits de la Vieille France; XVI).
- Ceux qui conquièrent Constantinople: Récits de la Quatrième Croisade*/Trad. par N. Coulet. P., 1966. (Le monde en 10/18).
- The History of them that took Constantinople being an account of the Fourth Crusade, which Robert of Clari in Amiénois, knight caused to be written down in the Picard tongue about the year 1216. Done into English by E. N. Stone, 1936.— In: Tree Old French Chronicles of the Crusades. Seattle; Washington, 1939, p. 161—246.
- McNeal E. H.* The Conquest of Constantinople of Robert of Clari/Transl. with Intr. and Notes by E. Holmes McNeal. N. Y., 1936. (Records of Civilization: Sources and Studies; Vol. XXIII). (Reprint.: N. Y., 1964, 1969).
- Roberto di Clari*. La conquista di Costantinopoli (1198—1216)/Studie critico, traduzione e note di Anna Maria Nada Patrone. Genova, 1972. (Collana storica di fonti e studi diretta da Geo Pitarino; Vol. XIII).
- Tri starofrancuske hronike o Zadru u godini 1202/Preveo sa starofrancuskova, uvodom i primjedbama P. Skok. Zagreb, 1951.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Вайнштейн О. Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л., 1964.
- Заборов М. А. Современники — хронисты и историки крестовых походов.— В кн.: Византийский временник. М., 1965, т. XXVI, с. 137—161.
- Заборов М. А. Введение в историографию крестовых походов: (Латинская хронография XI—XIII веков). М., 1966.
- Заборов М. А. Основные источники по истории крестовых походов на Восток.— В кн.: История крестовых походов в документах и материалах. М., 1977, с. 6—32.
- Люблинская А. Д. Источники по истории крестовых походов.— В кн.: Источниковедение истории средних веков. М., 1953, с. 116—125.

- Bagley C. P.* Robert of Clari's La Conquête de Constantinople.— *Medium Aevum*, 1971, XL, N 2, p. 109—115.
- Boudon G.* Robert de Clari en Aminois chevalier, Auteur d'une chronique de la IVe Croisade (1200—1216).— *Bulletin de la Société des Antiquaires de Picardie*, 1897, t. XIX, p. 700—734.
- Boudon G.* Documents nouveaux sur la famille de Robert de Clari.— *Bulletin de la Société des Antiquaires de Picardie*, 1899, t. XX, p. 372—379.
- Chambon F.* Un historien peu connu de la Quatrième Croisade: Robert de Clari.— *Bulletin de l'Académie des sciences, belles-lettres et arts de Clermont-Ferrand*, 1897, II sér., p. 264—277.
- Dembowski P. F.* Corrections à l'édition de la chronique de Robert de Clari de Ph. Lauer.— *Romania*, 1961, t. LXXXII, p. 134—138.
- Dembowski P. F.* En marge du vocabulaire de Robert de Clari: buhotiaus, conteres, syndoines.— *Romance Philology*, 1961, vol. XV, N 1, p. 12—18.
- Dembowski P. F.* La Chronique de Robert de Clari: Etude de la langue et du style. Toronto, 1963.
- Dembowski P. F.* A propos de l'application de la stylistique à la prose de l'ancien français.— In: *Actes du Xe Congrès internationale de linguistique et philologie romanes*, Strasbourg, 1962/Publ. par G. Straka. P., 1965, p. 579—588.
- Dufournet J.* Villehardouin et Clari, juges de Boniface de Montferrat.— *Revue des langues romanes*, 1969, t. LXXXIX, p. 29—58.
- Dufournet J.* Les écrivains de la IVe Croisade: Villehardouin et Clari. P., 1973.
- Gougenheim G.* Notes sur le vocabulaire de Robert de Clari et de Villehardouin.— *Romania*, 1944—1945, t. LXVIII, p. 401—421.
- Gougenheim G.* De chevalier à cavalier.— In: *Mélanges de philologie romane et de littérature médiévale offerts à E. Hoepffner*. P., 1949, p. 117—126.
- Gougenheim G.* Le sens de noble et de ses dérivés chez Robert de Clari.— *Romance Philology*, 1950, N 3, p. 270—272.
- Gougenheim G.* A propos d'habitable chez Robert de Clari.— In: *Mélanges de linguistique et de littérature romane offerts à M. Roques par ses amis, ses collègues et ses anciens élèves de France et de l'étranger*. Paris, 1953, t. II, p. 117—125.
- Gougenheim G.* Etudes de grammaire et de vocabulaire français. P., 1970.
- Hartman R.* La quête et la croisade: Villehardouin, Clari et le «Lancelot en prose». N. Y., 1977.
- Jeanroy A.* Corrections à Robert de Clari: La Conquête de Constantinople/Ed. Ph. Lauer.— *Romania*, 1927, t. LIII, p. 392—393.
- La Monte J.* Recension on E. H. McNeal: The Conquest of Constantinople of Robert of Clari.— *Speculum*, 1936, vol. XI, p. 418—421.
- Larmat J.* Sur quelques aspects de la religion chrétienne dans les chroniques de Villehardouin et de Clari.— *Le Moyen Age*, 1974, t. 80, p. 403—427.
- Longnon J.* Les compagnons de Villehardouin: Recherches sur les croisés de la Quatrième croisade. Genève, 1978.
- McNeal E. H.* Chronicle and Conte A Note on Narrative Style in Geoffrey of Villehardouin and Robert of Clari.— In: *Festschrift für M. Blakemore Evans*. Columbus (Ohio), 1945, p. 110—113.
- Meyer P.* Recension de A. Rambaud, Robert de Clari guerrier et historien de la Quatrième croisade.— *Revue critique d'histoire et de littérature*, 1872, vol. VI, p. 395—396.
- Nyrop K.* Zu Robert von Clari.— *Zeitschrift für romanische Philologie*, 1879, III, S. 97—98.
- Pauphilet A.* Robert de Clari et Villehardouin.— In: *Mélanges de linguistique et de littérature offerts à M. Jeanroy par ses élèves et ses amis*. P., 1928, p. 559—564.
- Pauphilet A.* Sur Robert de Clari.— *Romania*, 1931, t. LVII, p. 289—311.
- Pauphilet A.* Villehardouin, Robert de Clari et la conquête de Constantinople.— In: *Pauphilet A. Le Legs du Moyen Age: Etudes de littérature médiévale*. Melun, 1950, p. 219—238.

- Penwarden P. J.* A linguistic and stylistic comparison of the Chronicle by Villehardouin and Robert de Clari of la Conquête de Constantinople: Thesis (Manuscripte). L., 1953.
- Queller D., Katele J. B.* Attitude towards the Venetian on the Fourth Crusade: The Western Sources.—The International History Review, 1982, vol. IV, N 1, p. 1—36.
- Quignon G. H.* Un historien de la Quatrième Croisade: Robert de Clari. Cayeux-sur-Mer, 1908.
- Rambaud A.* Robert de Clari, guerrier et historien de la Quatrième Croisade.—In: Mémoires de l'Académie nationale des sciences, arts et belles-lettres de Caen. Caen, 1873, p. 110—144.
- Raumayer A.* Über die Syntax des Robert von Clari. Erlangen, 1884.
- Schon P. M.* Studien zum Stil der frühen französischen Prosa (Robert de Clari, Geoffroy de Villehardouin, Henry de Valenciennes). Frankfurt a. M., 1960. (Analecta Romanica; VIII).
- Wanner E.* Robert de Clari, ein altfranzösischer Chronist des IV. Kreuzzuges: Diss. Zürich, 1901.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА *

<i>1198, 8 января</i>	— избрание римским папой Иннокентия III
<i>1198, август— сентябрь</i>	— папские послания с призывом к крестовому походу
<i>1198, ноябрь (до мая 1202)</i>	— проповедь крестового похода Фульком из Нейи
<i>1199, 28 ноября</i>	— турнир в замке Экри; графы Тибо III Шампанский и Луи Блуаский принимают обет крестового похода
<i>1199, декабрь</i>	— введение папой экстраординарной крестоносной подати на духовенство
<i>1200, июнь— август</i>	— в Северной Франции организуются отряды участников крестового похода
<i>1200, осень</i>	— совещания французских баронов в Суассоне и Компьене; отправка шести послов в Венецию с целью заключить договор о найме флота для переправы крестоносцев «за море»
<i>1201, 4—11 февраля</i>	— прибытие французских послов в Венецию
<i>1201, апрель</i>	— договор с Венецией о фрахте кораблей для перевозки крестоносцев
<i>1201, 8 мая</i>	— утверждение Иннокентием III договора, заключенного с Венецией послами баронов-крестоносцев
<i>1201, 24 мая</i>	— смерть графа Тибо III Шампанского
<i>1201, май—июнь</i>	— второй совет баронов в Суассоне; выдвижение маркиза Бонифация Монферратского на пост главнокомандующего крестоносцами
<i>1201, середина августа — середина сентября</i>	— Бонифаций Монферратский прибывает во Францию, принимает крест в Суассоне, становится главой войска крестоносцев
<i>1201, 14 сентября</i>	— присутствие Бонифация Монферратского на заседаниях капитула цистерцианского ордена в Сито
<i>1201, сентябрь</i>	— бургундские сеньоры и рыцари «принимают крест»
<i>1201, сентябрь— октябрь</i>	— побег византийского царевича Алексея из Константинополя, приезд в Италию
<i>1201, 25 декабря</i>	— встреча Бонифация Монферратского с германским королем Филиппом Швабским в Гагенау; переговоры об изменении направления крестового похода в сторону Константинополя
<i>1202, март</i>	— Бонифаций Монферратский наносит визит Иннокентию III в Риме; переговоры о возможном изменении направления крестового похода

* В таблице приводятся даты событий, упомянутых в повествовании Робера де Клари и связанных с ними.

- 1202, конец марта — начало апреля — визит царевича Алексея к Иннокентию III в Рим
- 1202, апрель—май — отправление отрядов французских крестоносцев в Венецию
- 1202, июнь—июль — прибытие в Венецию, размещение на о-ве Св. Николая
- 1202, июль—август — финансовые затруднения крестоносцев
- 1202, середина августа — Бонифаций Монферратский с ломбардскими и немецкими отрядами прибывает в Венецию
- 1202, август — крестоносцы принимают предложение дожа Энрико Дандоло завоевать Задар
- 1202, 8 октября — флот с крестоносцами отплывает из Венеции в Задар
- 1202, 10 ноября — прибытие крестоносной армады в Задар
- 1202, 11—24 ноября — осада, захват и разгром Задара крестоносцами
- 1202, ноябрь — крестоносцы проводят зимние месяцы в Задаре; уход части рыцарей из войска, сокращение численности крестоносцев
- 1202, декабрь — прибытие Бонифация Монферратского в Задар; отправка делегации в Рим с просьбой о «прощении»; папа снимает отлучение с крестоносцев
- 1203, январь — прибытие в Задар послов царевича Алексея и Филиппа Швабского
- 1203, февраль — договор вождей крестоносцев с послами византийского царевича и германского короля о походе на Константинополь
- 1203, апрель — флот с крестоносцами направляется к о-ву Корфу
- 1203, 25 апреля — прибытие царевича Алексея на Корфу; брожение среди рыцарства, оппозиция планам похода в Византию
- 1203, 24 мая — крестоносцы покидают о-в Корфу, флот направляется к Константинополю
- 1203, 23 июня — прибытие к Константинополю
- 1203, 5 июля — прорыв цепи Золотого Рога, высадка крестоносцев в Галате
- 1203, 10—16 июля — крестоносцы предпринимают штурм в районе Влахернского дворца
- 1203, 17 июля — приступ византийской столицы
- 1203, 17—18 июля — бегство узурпатора Алексея III
- 1203, 18 июля — восстановление на престоле Исаака II Ангела
- 1203, 1 августа — коронация Алексея IV соимператором
- 1203, август — послания вождей крестоносцев Иннокентию III и западным государям
- 1203, 23 августа — послание Алексея IV римскому папе
- 1203, август—ноябрь — поход Алексея IV вместе с крестоносцами в соседние области империи
- 1203, ноябрь — нарастание недовольства среди греков политикой Алексея IV; ухудшение отношений Алексея IV с крестоносцами; вожди крестоносцев и дож Энрико Дандоло объявляют войну Византии
- 1203, декабрь — начало военных действий между крестоносцами и греками

- 1204, 1 января — попытки греков сжечь флот крестоносцев с помощью брандеров
- 1204, конец января — восстание столичного плебса против Алексея IV; низы выдвигают своим ставленником Николая Канава, его коронация в храме св. Софии
- 1204, 29 января — заговор знати против Алексея IV; его арест Алексеем Дукой
- 1204, начало февраля — подавление восстания в Константинополе Алексеем Дукой; арест и убийство Николая Канава; аристократия провозглашает императором Алексея V, поход Анри д'Эно в Филею, захват «чудотворной» иконы
- 1204, 5 февраля — смерть Алексея IV и Исаака II Ангелов
- 1204, март — договор между венецианцами и крестоносцами о разделе добычи и земель и об основании Латинской империи; крестоносцы приводят флот в состояние боевой готовности
- 1204, 8 апреля — рыцари располагаются на кораблях перед приступом
- 1204, 9 апреля — первая попытка штурма Константинополя с моря
- 1204, 12 апреля — второй приступ городских стен
- 1204, 13 апреля — захват Константинополя крестоносцами
- 1204, 25 апреля (?) — первый совет баронов
- 1204, 2 мая — назначение коллегии 12 выборщиков
- 1204, 9 мая — избрание императором Бодуэна Фландрского
- 1204, 12—15 мая — вступление Бонифация Монферратского в брак со вдовой Исаака II Ангела — императрицей Марией
- 1204, 16 мая — торжественная коронация Бодуэна I в храме св. Софии
- 1204, май—июнь — распря императора Бодуэна I и Бонифация Монферратского из-за Салоник
- 1204, 12 августа — продажа о-ва Крита Бонифацием Монферратским Венеции
- 1204, сентябрь — водворение Бонифация в Салониках
- 1204, октябрь — раздел территорий бывшей Византийской империи
- 1204, 1 ноября — отъезд Пьера де Брешеля в Малую Азию
- 1204, 11 ноября — отъезд Анри д'Эно в Адрамитий
- 1205, февраль — восстание греков во Фракии, союз греков с болгарам и влахами.
- 1205, март — император Бодуэн I обращается с призывом о поддержке к крестоносцам, находящимся в областях Малой Азии
- 1205, 25 марта — Бодуэн I выезжает из Константинополя для подавления восстания
- 1205, 29 марта — осада Адрианополя
- 1205, 13 апреля — прибытие к Адрианополю болгар во главе с царем Калояном; союз болгар с половцами
- 1205, 14 апреля — битва при Адрианополе; разгром крестоносцев болгарам и их союзниками; пленение императора Бодуэна I, гибель Луи Блуаского
- 1205, май — смерть Энрико Дандоло
- 1206, июнь — военные действия крестоносцев против болгар с целью отвоевания занятых ими областей

-
- 1206, 20 августа — коронация Анри д'Эно императором Латинской империи
- 1207, 4 февраля — бракосочетание императора Анри и Агнесы, дочери Бонифация Монферратского
- 1207, март — Калоян захватывает ряд областей во Фракии; осада Адрианополя
- 1207, апрель — защита Адрианополя
- 1207, 4 сентября — гибель Бонифация Монферратского в бою с болгарами близ Мосинополя
- 1207, сентябрь — Калоян захватывает Македонию; осада Салоник
- 1207, 8 октября — смерть Калояна
- 1208, 1 августа — битва императора Анри с болгарами у Филиппополя; победа латинян над царем Борилом
- 1209, 16 января — коронация Димитрия Монферратского королем Салоникского королевства
- 1215 — союз императора Анри с болгарским царем Борилом
- 1216, 11 июня — смерть императора Анри в Салониках
- 1216, 16 июля — смерть Иннокентия III

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абгар, легендарный правитель Эдессы 150
- Абу-ль-Фида (1273—1331 гг.), арабский историк и географ 144
- Агнеса (Анна) (ок. 1171 г.—ок. 1220 г.), дочь Людовика VIII, супруга Алексея II и Андроника I, а с 1205 г.—Феодора Враны 134, 137, 144, 157
- Альом де Клари (?—1256 г.), амьенский клирик-крестоносец, родной брат Робера де Клари 6, 55, 70, 84—85, 87
- Альом ле Санс, Санский, пикардийский рыцарь-крестоносец 6, 87
- Алар Макэро, фламандский рыцарь, участник четвертого крестового похода 6, 127—128
- Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.), полководец и государственный деятель 58, 73, 90, 155—156
- Алексей Врана (?—1186 г.), византийский военачальник 26, 41, 107, 127, 139
- Алексей I Комнин (ок. 1048 г.—1118 г.), византийский император (1081—1118 гг.) 135
- Алексей II Комнин (ок. 1169 г.—1183 г.), византийский император, сын Мануила I Комнина 134—135, 144
- Алексей III Ангел-Комнин (?—1210 г.), византийский император (1195—1203 гг.) 24, 34, 105, 134—135, 138, 141—142, 144—145, 148—149
- Алексей IV Ангел (1182 или 1183—1204 гг.), византийский император (1203—1204 гг.), сын Исаака II Ангела 23, 31, 39—44, 46, 98, 105—108, 133—134, 138, 144—146, 155
- Алексей V Дука см. *Морчофль, Муриуфл*
- Альберти Пьетро, венецианец, участник четвертого крестового похода 148
- Альбрик де Труафонтэн, французский хронист середины XIII в. 91
- Аль-Идриси (1099—1164 гг.), арабский географ и путешественник 153
- Амори де Лузиньян, французский сеньор, правитель Кипра (1194—1197 гг.), король Кипрского и Иерусалимского королевств (1197—1205 гг.) 140
- Амори I, король Иерусалимский (1163—1174 гг.) 127, 139
- Ангелы, знатный феодальный род, императорская династия в Византии (1185—1204 гг.) 19, 23, 106, 135—136
- Ангерран де Бов, пикардийский рыцарь, участник третьего и четвертого крестовых походов 5, 14, 87, 123—124
- Андром см. *Андроник I Комнин*
- Андроник Ангел, византийский аристократ, враждебный *Андронику I Комнину* 135
- Андроник I Комнин (1122—1185 гг.), византийский император (1183—1185 гг.) 18—23, 92, 96, 105, 134—137, 144, 149
- Андрэ де Дюрбуаз (?—1206 г.), французский рыцарь-крестоносец 6, 54, 96, 126, 148
- Анна см. *Агнеса*
- Аноним Гальберштадтский, саксонский монах, автор хроники (ок. 1208 г.) 128, 133
- Аноним Суассонский, французский каноник, автор хроники (ок. 1205 г.) 149
- Анри II см. *Анри д'Эно*

*Составитель к.и.н. В. К. Коломиец.

- Анри II Шампанский, граф (1181—1197 гг.), старший брат Тибо III 30, 123, 141
- Анри д'Эно (ок. 1176 г.—1216 г.), младший брат *Бодуэна IX*, граф, один из предводителей четвертого крестового похода, второй государь Латинской империи (1206—1216 гг.) 5—6, 35—38, 48—49, 74, 77—80, 84, 124—125, 143, 149, 156—158
- Анри де Валансьенн, фламандский хронист (начало XIII в.) 97
- Анри Лувэнский, фламандский герцог (конец XII—начало XIII в.) 143
- Анри Фландрский см. *Анри д'Эно*
- Ансберт, австрийский клирик-хронист (вторая половина XII в.) 135
- Ансо де Кайо (?—после 1207 г.), пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода 5, 87, 125, 143
- Антихристофорит см. *Стефан Айохристофорит*
- Антоний Новгородский см. *Добрыня Ядрейкович*
- Аркадий (377—408 гг.), император Восточной Римской империи (395—408 гг.) 153
- Арсуль де Маркуоль, Арсюэль де Маршюэль, французский рыцарь-крестоносец 154
- Асениды, династия царей Второго Болгарского царства (1187—1280 гг.) 146
- Асень I, болгарский царь (1187—1196 гг.), один из основателей Второго Болгарского царства 146
- Барбо Пантаоне, венецианец, участник четвертого крестового похода 154
- Бега ад-Дин (1145—1234 гг.), арабский историк 141
- Бела III, король Венгрии (1172—1196 гг.) 131, 144, 155
- Бенедикт XIV см. *Ламбертини Проперо*
- Бернар д'Эр, французский рыцарь, участник четвертого крестового похода 6
- Бернар де Субренжён, французский рыцарь, участник четвертого крестового похода 6
- Бернар Казначей, французский монах-хронист (первая половина XIII в.) 148
- Бертольд фон Катценельнбоген (ок. 1173 г.—ок. 1217 г.), немецкий граф-гвбеллин, участник четвертого крестового похода 148
- Бодуэн де Амелэнкур, французский рыцарь, участник четвертого крестового похода 6
- Бодуэн де Бовуар, де Боревуар, рыцарь из Эно (или Пикардии), участник четвертого крестового похода 5—6, 87, 124, 143
- Бодуэн де Клари (начало XIV в.), дальний потомок *Робера де Клари* 84
- Бодуэн Каварон, пикардиец, участник четвертого крестового похода 5
- Бодуэн I (ок. 1171 г.—1206/1207 г.), император Латинской империи (1204—1205 гг.), см. *Бодуэн IX*
- Бодуэн III (1130—1163 гг.), король Иерусалимский (1143—1163 гг.) 134
- Бодуэн IV Прокаженный (1160—1185 гг.), король Иерусалимский (1174—1185 гг.) 127, 139—140
- Бодуэн V (1178—1186 гг.), король Иерусалимский (1185—1186 гг.) 127, 139—140
- Бодуэн VI, граф д'Эно (1195—1205 гг.), см. *Бодуэн IX*
- Бодуэн IX, граф Фландрии (1194—1205 гг.) и Эно (1195—1205 гг.), один из предводителей четвертого крестового похода, первый государь Латинской империи 5, 68, 76, 79—80, 88—89, 100, 110, 115, 119, 123, 125—126, 128, 143, 147—149, 154—157
- Бонифаций I Монферратский (ок. 1150 г.—1207 г.), предводитель четвертого крестового похода, король Фессалонийский (1204—1207 г.) 7, 88, 92, 104—108, 110, 117, 127—128, 131—133, 139, 141, 143, 145, 149, 154, 156—158
- Борил, Бюрон, Бюрюс, болгарский царь (1207—1218 гг.) 79, 158
- Буффа Амадео (?—1210 г.), пьемонтец, коннетабль Фессалонийского королевства 158
- Бьяндрате Оберто де (?—ок. 1237 г.), граф, с 1207 г.—регент при *Димитрии Монферратском* 158
- Валон де Сартон, пикардийский рыцарь-крестоносец 87
- Валес Фриузский, де Фриуз, де Фриэз, французский рыцарь, участник

- четвертого крестового похода 5—6, 87
- Варнье де Труа, Гарнье де Тренель, епископ (1193—1205 гг.), участник четвертого крестового похода 5, 123—124, 147
- Василай I (812 г.—ок. 886 г.), византийский император (867 г.—ок. 886 г.) 150
- Василай II Каматир, константинопольский патриарх (1183—1186 гг.) 136
- Василай Тырновский, болгарский архиепископ (1186—1204 гг.), примаас болгарской церкви (1204 г.—ок. 1207 г.) 146
- Вернас см. *Алексей Врана*
- Гайат аль-Дин Хосров I, султан Иконийский (1192—1196 гг.) 144
- Гарнье де Тренель см. *Варнье де Труа*
- Генрих VI Гогенштауфен (1165—1197 гг.), германский король (1190—1197 гг.), император Священной Римской империи (1191—1197 гг.) 127
- Георгий Акрополит (1217—1282 гг.), византийский писатель и историк 135, 145, 158
- Гийом VIII де Монпелье, знатный южнофранцузский сеньор (XII в.) 134
- Гийом д'Амбревиль, пикардийский рыцарь-крестоносец 6, 87
- Гийом де Бетюн (?—1213 г.), рыцарь-крестоносец из Пикардии, брат *Конана Бетюнского* 87, 124
- Гийом де Фонтэн, пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода 6, 87
- Гийом де Шанлитт (?—1208 г.), бургундский крестоносец, князь Ахейский (1205—1208 гг.), брат *Эда де Шанлитта* 6, 125, 143
- Гийом Тирский (1130—1186 гг.), архиепископ (1175—1186 гг.), хронист Иерусалимского королевства 91, 121, 134, 136, 140
- Гилельм Монферратский, Длинный Меч, граф Яффы и Аскалона (1176—1177 гг.), супруг *Сибиллы*, сестры *Бодуэна IV*. 127, 139
- Гилельм III Монферратский, Старик (1135—1188 гг.), отец *Бонифация I* 127, 140
- Гилельм IV Монферратский, сын *Бонифация I* (1207—1225 гг.), 158
- Гогенштауфены, династия германских королей и императоров Священной Римской империи (1138—1254 гг.) 127
- Годфруа де Торон, феодальный владетель в Иерусалимском королевстве (вторая половина XII в.) 27
- Готье Аррасский, рыцарь-траввер (вторая половина XII в.) 91
- Готье де Годонвилль, французский рыцарь-крестоносец 128
- Готье д'Онуа, французский рыцарь-крестоносец, сын *Рауля д'Онуа* 6
- Григорий Назианзин (ок. 328 г.—ок. 389 г.), византийский религиозный и политический деятель, один из «отцов церкви» 152
- Гунтер Парисский, эльзасский монах-хронист (середина XII в.—ок. 1210 г.) 131—133, 144, 148—149, 153, 156
- Гюг де Бов, пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода 5, 124
- Гюг де Бовэ, пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода, 5, 87, 125
- Гюг де Брасье (де Брашэ), рыцарь-крестоносец из Бовэзи, брат *Пьера де Брасье* 6
- Гюг IV де Сен-Поль, пикардийский граф, кузен *Пьера Амьенского*, один из предводителей четвертого крестового похода, сеньор Дидимотики (1204—1205 гг.) 5, 87, 89, 102, 124, 143, 154, 157
- Гюи де Конфлан, французский рыцарь, участник четвертого крестового похода 143
- Гюи де Куси (?—1203 г.), французский сеньор, участник третьего и четвертого крестовых походов 125—126
- Гюи де Лузиньян, король Иерусалимский (1186—1192 гг.), правитель Кипрского королевства (1192—1194 гг.) 27—28, 30, 139—141
- Гюи де Мананкур (де Маншикур), рыцарь из Эно, участник четвертого крестового похода, родственник *Жирара де Мананкура* 6
- Гюи де Монфор, французский граф, сын *Симона IV де Монфора* 5
- Гюи де Пем, бургундский рыцарь, участник четвертого крестового похода, брат *Эмона де Пема* 143

- Гюи де Шапп, рыцарь-крестоносец из Шампани 143
- Гюи из Во де Сернэй, цистерцианский аббат, участник четвертого крестового похода, дядя *Пьера из Во де Сернэй* 132
- Дандоло Андреа (1307—1354 гг.), венецианский дож (1343—1354 гг.), хронист 131
- Дандоло Витале, венецианский крестоносец, выборщик первого латинского императора в 1204 г. 154
- Дандоло Райнерий, сын *Дандоло Энрико* 133
- Дандоло Энрико (1107—1205 гг.), дож Венеции (1192—1205 гг.) 98, 105, 110, 128—129, 133, 138, 144, 154—155
- Димитрий Монферратский (?—1227 г.), король Фессалоникийский (1207—1224/1227 гг.), сын *Бонифация I* 158
- Добрыня Ядрейкович (?—1232 г.), новгородец, совершивший паломничество в Константинополь (ок. 1200 г.), архиепископ *Антоний Новгородский* (1211—1219, 1225—1228, 1228—1229 гг.) 102, 149—152, 154
- Дрэ де Фликскур-Виньянкур, пикардийский сеньор, участник третьего крестового похода, отец *Пьера Амьенского* 87
- Дуки, византийский феодальный род IX—XV вв. 144
- Евдокия, племянница *Мануила I Комнина* 134
- Евстафий Солунский (?—ок. 1193 г.), византийский историк и церковный писатель 135
- Евфросинья, византийская императрица, супруга *Алексея III* 148
- Елена (?—327 г.), мать *Константина I Великого* 63, 152
- Жак д'Авень (?—ок. 1210 г.), пикардийский сеньор-крестоносец 6, 87, 125
- Жак де Витри (1160 или 1170—1240 гг.), французский хронист, епископ Акры (1216—1228 гг.), участник пятого крестового похода 123, 144
- Жан де Клари, Ланселот (середина XIV в.), пикардийский феодал, дальний потомок *Робера де Клари* 84
- Жан де Шуази, французский рыцарь-крестоносец, участник четвертого крестового похода 148
- Жан Нуайонский, Парижский, де Фасет (?—1204 г.), французский церковнослужитель-крестоносец, епископ Акры (1202—1204 гг.) 5, 133, 147
- Жан де Фасет см. *Жан Нуайонский*
- Жан Фриэзский (?—1205 г.), французский сеньор, участник третьего и четвертого крестовых походов 128, 133
- Жан де Фуанон, рыцарь-крестоносец из Шампани 143
- Жерар де Ридфор, великий магистр ордена тамплиеров (1185—1189 гг.) 140
- Жервэ де Кастель, французский сеньор-крестоносец из области Шартра, отец *Эрвэ де Кастеля* 6
- Жиль де Клари, пикардийский рыцарь, отец *Робера де Клари* 84
- Жильбер де Вим, французский рыцарь-крестоносец 6
- Жиль д'Онуа (?—1204 г.), французский рыцарь-крестоносец, сын *Рауля д'Онуа* 6
- Жирар (Жерар) де Мананкур (де Маншикур) (?—1204 г.), рыцарь из Эно, участник четвертого крестового похода, родственник *Гюи де Мананкура* 5, 87
- Жоффрау де Виллардуэн (ок. 1150 г.—1213 г.), маршал Шампани, один из предводителей четвертого крестового похода, хронист 81—83, 88—90, 93—97, 99, 101—102, 104—105, 107—108, 115, 117, 121—136, 138, 141—149, 153—154, 156—157
- Ибн аль-Асир (1160—1233 г.), арабский историк 141
- Изабелла (1170 г.—ок. 1206 г.), королева Иерусалимская (1190 г.—ок. 1206 г.), дочь *Амори I* и *Мариш Комнины*, супруга *Онфруа IV де Торона* (1183—1190 гг.), *Конрада Монферратского* (1190—1192 гг.), *Анри II Шампанского* (1192—1197 гг.), *Амори де Лузиньяна* (1197—1205 гг.) 127, 139—141
- Иннокентий III (1160—1216 гг.), папа римский (1198—1216 гг.) 5, 83,

- 102—103, 110, 115, 122—123, 128, 131—135, 138, 146—148, 154
- Иоани ли Блаки см. *Калоян*
- Иоанн II Комнин (ок. 1088 г.—ок. 1143 г.), византийский император (1113—1143 гг.) 154
- Иоанн Златоуст (345 или 347—407 гг.), богослов и проповедник, патриарх Константинопольский (398—404 гг.) 152
- Иоанн Киннам, византийский хронист XII в. 155
- Иоаннитца см. *Калоян*
- Иракий (ок. 575 г.—ок. 641 г.), византийский император (610 г.—ок. 641 г.) 63, 119, 141, 152
- Ирина, дочь *Исаака II*, супруга *Филиппа Швабского* (с 1197 г.) 133, 143
- Исаак II Ангел, Кирсак (1155—1204 гг.), византийский император (1185—1195 и 1203—1204 гг.) 15—16, 19—24, 31—32, 39—41, 43, 45, 71—73, 92, 95—96, 105—106, 108, 112, 120, 127, 133—139, 144—146, 149, 155
- Калоян, Иоаннитца, Иоанн Валахский, Иоанн ли Блаки (?—1207 г.), болгарский царь (1197—1207 гг.) 46—48, 74, 77—79, 89, 96, 110, 114, 123, 125, 146, 157—158
- Капетинги, королевская династия во Франции (987—1328 гг.) 127, 134
- Карл Великий (742—814 гг.), франкский король (с 768 г.) и император (с 800 г.) 58, 91
- Каффаро (ок. 1080 или 1081 г.—1166 г.), генуэзский патриций-хронист 103
- Кверини Оттоне, венецианский крестоносец, выборщик первого латинского императора в 1204 г. 154
- Кедрин, византийский хронист XI—XII вв. 153
- Кербога (?—1102 г.), сельджукский атабек Мосула 150
- Кирсак см. *Исаак II Ангел*
- Кларембо V де Шапп (?—1246 г.), сеньор из Шампани, участник четвертого крестового похода 6, 125, 143
- Клари де, род пикардийских рыцарей 84—86
- Комнины, династия византийских императоров (1057—1059 и 1081—1185 гг.) 119, 137, 149
- Конон Бетюнский (де Бетюн) (1150—1219/1220 гг.), французский рыцарь-трувер, участник третьего и четвертого крестовых походов, викарий Шартра и шателэн де Куси 5, 8, 87, 124—125, 128, 142, 145, 156
- Конрад Монферратский (?—1192 г.), титулярный король Иерусалимский (1190—1192 гг.), старший брат *Бонифация I* 26, 92, 106—107, 114, 120, 127, 138—141
- Конрад фон Крозиг (?—1225 г.), епископ Гальберштадтский (1201—1209 гг.), предводитель отряда немецких крестоносцев 5, 52, 124, 147
- Константин Ангел (XI в.), византийский сановник, родоначальник династии *Ангелов* 135
- Константин Ангел (вторая половина XII в.), сын *Андроника Ангела* 135
- Константин I Великий (280—337 гг.), римский император (306—337 гг.) 21, 63, 70, 73, 152
- Константин Ласкарь, византийский военачальник, зять *Алексея III*, брат *Феодора I Ласкаря* 156
- Константин Трипсих, убийца *Алексея III* 135
- Контарини Бетруччо, венецианский крестоносец, выборщик первого латинского императора в 1204 г. 154
- Ксения см. *Мария де Пуатье*
- Кылыч-Арслан II, султан Иконийский (1155—1192 гг.) 155
- Ламбертини Просперо (1675—1758 гг.), кардинал из Болоньи, папа римский *Бенедикт XIV* (1740—1758 гг.) 150
- Ланселот см. *Жан де Клари*
- Ласкер см. *Феодор I Ласкаря*
- Лев, кардинал 146
- Луи (1171—1205 гг.), граф Блуаский и Шартрский, один из предводителей четвертого крестового похода, герцог Никейский (1204—1205 гг.) 5, 35, 41, 46, 67, 69, 71, 73, 76—77, 123, 126, 128, 143—144, 156—157
- Людовик VII (1119—1180 гг.), французский король (1137—1180 гг.), один из предводителей второго крестового похода (1147—1149 гг.) 134, 144
- Майе (Матье) де Валинкур (?—1205 г.), рыцарь из Эно, участник

- четвертого крестового похода 5—6, 87, 124, 143
- Майе (Матве) де Монморанси (?—1203 г.), сеньор из Шампани, один из предводителей крестоносцев 6, 118, 123, 125—126, 143—144
- Максим (Магнус), римский император-узурпатор (383—388 гг.) 153
- Макэр де Сен-Менэу (ок. 1150 г.—1205 г.), рыцарь-крестоносец из Шампани 6, 124—125, 143
- Мальвичини Джакомо, Наваррец, крестоносец-венецианец, выборщик первого латинского императора в 1204 г. 154
- Манессье Лилльский (Манессье де л'Иль), рыцарь из Шампани, участник третьего и четвертого крестовых походов 6, 126, 143, 156
- Мануил Ангел, сын *Исаака II и Маргариты Венгерской*
- Мануил I Комнин (ок. 1123 г.—1180 г.), византийский император (ок. 1143 г.—1180 г.) 16—18, 22, 67, 70, 120, 127, 134, 144, 151, 154—155
- Мараптика, константинопольская гетера, фаворитка *Андроника I Комнина* 137
- Маргарита Венгерская, дочь *Белы III*, супруга *Исаака II*—*Мария* (1186—1204 гг.), *Бонифация I Фессалонийского* (1204—1207 гг.) 144, 149, 155, 158
- Мария, болгарская царица, дочь *Калояна* 158
- Мария Ангел см. *Маргарита Венгерская*
- Мария Комнина, супруга *Амори I* 127
- Мария Монферратская, дочь *Конрада Монферратского* 141
- Мария де Пуатье, принцесса Антиохийская, супруга *Мануила I Комнина* 134
- Мария Шампанская (?—1204 г.), графиня Фландрии и Эно, супруга *Бодуэна IX* 123
- Милон де Бребан (?—1224 г.), сеньор из Шампани, участник третьего и четвертого крестовых походов 6, 125, 128, 143, 145
- Михаил Сириец (1126—1199 гг.), яковитский патриарх Антиохии (1166—1199 гг.), хронист 136
- Монастыр, болгарский военачальник (начало XIII в.) 158
- Морозини Томмазо, латинский патриарх Константинополя (1205—1211 гг.) 157
- Морчюфль (Мурцүфл), византийский император *Алексей V Дука* (1204 г.) 40, 43, 45—46, 48—51, 53—54, 56—57, 76, 106, 108, 142, 144—147, 153, 156—157
- Наваджеро Никколо, венецианец, выборщик первого латинского императора в 1204 г. 154
- Наваррец см. *Мальвичини Джакомо*
- Нивелон I де Кьерзи, епископ Суассонский (1176—1207 гг.), участник четвертого крестового похода 5, 117, 123, 127, 133, 147
- Никита Хониат (середина XII в.—1213 г.), византийский историк 95, 103, 131, 133, 135—137, 139, 143—148, 152—154
- Николя де Майи, пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода 5, 87
- Одо III Бургундский, герцог Бургундии (1192—1218 гг.) 126
- Одо Дейльский (?—1162 г.), французский монах, участник и хронист второго крестового похода 121
- Одо де ла Рош, французский рыцарь-крестоносец 143
- Ожье де Сен-Шерон (?—ок. 1213 г.), рыцарь-крестоносец из Шампани 6, 125, 143
- Оливье де Рошфор, французский рыцарь-крестоносец из Блуа 6
- Онфруа IV Торонский (де Торон), феодальный владетель в Иерусалимском королевстве 30, 139—140
- Оттон Сен-Блезский (?—1223 г.), немецкий аббат-хронист, продолжатель хроники *Оттона Фрейзингенского* (до 1209 г.) 103
- Оттон Фрейзингенский (после 1111 г.—1158 г.), немецкий хронист, дядя *Фридриха Барбароссы* 103
- Пане Оджеро, генуэзский хронист, один из продолжателей «*Анналов Каффаро*» (1197—1219 гг.) 103
- Пантевген, приближенный севастократора *Алексея III Ангела* 138
- Петр Асенид, болгарский царь (1187—1197 гг.), брат *Асеня I* 146
- Пиччоло Никколо де, венецианец,

- предполагаемый выборщик первого латинского императора 154
- Понтий Пилат, римский наместник Иудеи (26—36 гг.) 150, 152, 154
- Пьер Амьенский (?—1204 г.), пикардийский сеньор, один из предводителей четвертого крестового похода 5—6, 35—37, 54—56, 73, 84—85, 87—89, 102, 117, 126, 143, 148, 156
- Пьер д'Ало, рыцарь-крестоносец из Северной Франции 6, 126
- Пьер де Брасье (де Брашэ, де Брашель, де Брешэль) (1170—1209 гг.), рыцарь-крестоносец из Бовези, брат Гюга де Брасье 6, 42, 54—56, 74, 77, 118, 126, 157
- Пьер де Росси, французский клирик 126
- Пьер из Во де Сернэй (?—ок. 1219 г.), французский монах-хронист 132
- Пьетро де Лочедно, пьемонтский аббат, латинский патриарх Антиохии (1209—1217 гг.) 128, 131—132, 154
- Пьетро Капуанский (из Амальфи), кардинал (1192—1214 гг.), легат *Иннокентия III* во Франции 123, 131
- Пэйан из Орлеана, французский рыцарь-крестоносец, вассал Луи Блуасского 6, 157
- Радульф де Коггесхэйл (?—после 1227 г.), английский хронист 149, 153
- Раймбаут де Вакейрас (ок. 1155 г.—1205 г.), провансальский трубадур, участник четвертого крестового похода 127
- Раймунд III, граф Триполитский (1152—1187 гг.), регент при *Бодуэне V* 139—140
- Райнерий Монферратский (?—1183 г.), младший брат *Бонифация I*, кесарь в Византии (1180—1182 гг.) 127
- Рауль д'Онуа, французский сеньор, участник четвертого крестового похода 6
- Рашид аль-Дин Синан, «горный старец», глава ордена ассасинов (исмаилитов) в 1169—1193 гг. 141
- Рено II де Дампьер (?—1234 г.), граф из Шампани, участник четвертого крестового похода 143
- Ренье де Трит, рыцарь из Эно, участник четвертого крестового похода, герцог Филиппопольский (1204—1205 гг.) 5, 87, 125, 157
- Ригор (ок. 1145/1150 г.—ок. 1209/1210 г.), придворный историкограф *Филиппа II Август* 156
- Ричард I Львиное Сердце (1157—1199 гг.), английский король (1189—1199 гг.), участник третьего крестового похода 123, 141
- Робер де Бов (?—1191 г.), участник третьего крестового похода 124
- Робер де Бов (?—1224 г.), пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода, старший брат *Ангеррана де Бова* 5, 15, 87, 124, 133
- Робер де Клари (?—после 1216 г.), пикардийский рыцарь-крестоносец 55, 80—126, 128—158
- Робер де Ронсуа (?—1205 г.), французский сеньор-крестоносец 6, 143
- Робер V Бетюнский (?—1191 г.), пикардийский сеньор, участник третьего крестового похода, отец *Гийома* и *Конона Бетюнских* 124
- Рокн ад-Дин Сулейман II, султан Иконийский (1196—1204 гг.) 144
- Роман I Лакапин (?—944 г.), византийский император (919—927 гг.) 150
- Росси Никола, итальянец, живший в начале XIII в. в Константинополе 141
- Саладин (Салах-ад-Дин) (1138—1193 гг.), египетский султан (1171—1193 гг.) 28—30, 92, 107, 127, 138—141
- Салтук, сельджукский эмир 134
- Сибилла, дочь *Амори I*, сестра *Бодуэна IV*, супруга *Гюи де Лузиньяна* (1180—1190 гг.), королева Иерусалимская (1186—1190 гг.) 127, 139—141
- Симон Лоосский (?—1203 г.), аббат цистерцианского монастыря во Фландрии 124, 147
- Симон IV де Монфор (?—1218 г.), французский сеньор, участник четвертого крестового похода 5, 14, 123, 132
- Стефан Айохристофорит (?—1185 г.), византийский сановник, приближенный *Андроника I Комнина* 135—136

- Сюрсак см. *Кирсак*
- Тибо де Бар-ле-Дюк, французский граф 126
- Тибо III (1179—1201 гг.), граф Шампани и Бри (1197—1201 гг.) 5, 7, 88, 104, 123, 125—129
- Траян, Марк Ульпий (53—117 гг.), римский император (98—117 гг.) 136, 153
- Тьерри Лоосский, фламандский рыцарь-крестоносец, сенешаль Латинской империи 75—76, 156
- Умбер де Конде, пикардийский рыцарь-крестоносец 87
- Феолор Ангел, византийский аристократ, политический противник *Андроника I Комнина* 135
- Феодор Врана, византийский феодал, после 1204 г. союзник латинян 144
- Феодор Дадибрен, убийца *Алексея III Ангела-Комнина* 135
- Феодор Кантакузин, византийский аристократ, возглавлявший мятеж против *Андроника I Комнина* 135
- Феодор I Ласкарь (?—1222 г.), никейский император (1204—1222 гг.) 57, 148, 156
- Феодора Иерусалимская, греческая царевна, племянница *Мануила I Комнина*, супруга *Бодуэна III*, сожительница *Андроника I* (с 1167 г.) 18, 127, 134, 139
- Феодосий I Великий (347—395 гг.), римский император (379—395 гг.) 152—153
- Филипп II (ок. 382 г.—336 г. до н. э.), царь Македонии (359—336 гг. до н. э.) 155
- Филипп II Август (1165—1223 гг.), король Франции (1180—1223 гг.), один из предводителей третьего крестового похода 5, 17, 122—124, 134, 141, 156
- Филипп IV Красивый (1268—1314 гг.), король Франции (1285—1314 гг.) 85
- Филипп Швабский (1178—1208 гг.), германский король (1198—1208 гг.), брат *Генриха VI* 5, 122, 128, 133, 138
- Фома Амьенский, клирик-крестоносец, брат *Пьера Амьенского* 6, 87
- Фома Славянин (?—823 г.), возмездия в Византии (ок. 820 г.) 142
- Фома Сплитский (ок. 1200 г.—1268 г.), далматинский церковно-политический деятель и хронист 132
- Фридрих I Барбаросса (ок. 1125 г.—1190 г.), император Священной Римской империи (1155—1190 гг.), отец *Генриха VI* и *Филиппа Швабского* 141
- Фульк из Нейи (?—1202 г.), проповедник крестового похода 5, 7, 10, 87, 94, 104, 122—123, 126
- Ханетест см. *Конрад фон Крози*
- Эд де Дампьер, бургундский рыцарь-крестоносец 143
- Эд де Шанлитт (?—1204 г.), бургундский сеньор, участник четвертого крестового похода, брат *Гийома де Шанлитта* 6, 125—126, 143
- Эмон де Пем, бургундский рыцарь-крестоносец, брат *Гюи де Пема* 143
- Эрвэ де Кастель, французский рыцарь-крестоносец, сын *Тьервэ де Кастеля* 6
- Эрнуль, франко-сирийский хронист (XII—XIII вв.), продолжатель «Истории» *Гийома Тирского* 141, 148
- Юсташ де Кайо, пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода 87
- Юсташ де Кантелэ, пикардийский рыцарь, участник четвертого крестового похода 5, 37, 87, 124, 143
- Юсташ де Юмон (?—1205 г.), французский рыцарь-крестоносец 6
- Юстиниан I (ок. 482/483 г.—565 г.), византийский император (527—565 гг.) 152
- Ярослав Осмомысл (30-е годы XII в.—1187 г.), князь Галицкий (1153—1187 гг.) 134

- Азар Р. 152
 Бегли К. П. (Bagley C. P.) 93, 95, 112—113, 120
 Галлэ П. (Gallais P.) 90, 112
 Дембовски П. (Dembowski P.) 91, 95, 97, 99, 113, 121—122, 126, 152
 Дженетт Бир М. А. (Jeanette Berger M. A.) 81, 90, 94, 96, 105
 Дуйчев Ив. 158
 Дюфурнэ Ж. (Dufournet J.) 81, 83, 86, 91, 93, 95, 98—99, 102, 113, 120—121
 Жанруа А. (Jeanroy A.) 122
 Заборов М. А. 93, 102—103
 Карле А. 130—131
 Квеллер Д. Э. (Queller D. E.) 83, 104, 130, 132
 Киттель Э. 126
 Ле Гофф Ж. (Le Goff J.) 118
 Литаврин Г. Г. 136
 Лоньон Ж. 130
 Лопарев Х. 152
 Лоэр Ф. (Lauer F.) 120, 122
 Мак Нил Э. Г. (Mc Neal E. H.) 90, 103, 122, 130
 Маклегэн М. 149
 Мели Ф. 152
 Мещерский Н. А. 103
 Михайлов А. Д. 90
 Нада Патроне А. М. (Nada Patrone A. M.) 84, 87, 94, 100, 103—104, 120, 122, 126, 141, 152
 Пофилэ А. (Pauphilet A.) 81, 83—84, 92, 95, 115, 117, 121, 126, 151
 Риан П. 147, 151
 Уолф Р. А. 130
 Уссельо Л. 132
 Хендрикс Б. 130
 Цанкова—Петкова Г. 157
 Фоссье Р. (Fossier R.) 85, 87
 Шарло П. (Charlot P.) 86, 120
 Belgrano L. T. 103
 Berger S. 94
 Boudon G. 84—85
 Clive H. P. 96
 Decoo W. 94
 Delbouille M. 97
 Duby G. 84—86
 Dugas C. M. 87
 Frappier J. 90, 97
 Freidank D. 103
 Godard J. 86
 Gougenheim G. 98—99
 Gsteiger M. 90
 Hagender O. 83
 Haidacher A. 83
 Hoepffner E. 98
 Imperiale C. 103
 Jonin P. 90
 Köhler E. 96
 Larmat J. 93
 Lejeune R. 90
 Lestoquoy J. 86
 Martin de Riquer M. 112
 Niermeyer S. Fr. 85
 Roques M. 91, 97
 Rylands J. 97
 Schon P. 97
 Slessarew V. 91
 Tyssens M. 97
 Woledge B. 91, 96

СОДЕРЖАНИЕ

ЗАВОЕВАНИЕ КОНСТАНТИНОПОЛЯ	5
ПРИЛОЖЕНИЯ	81
Робер де Клари и его хроника как памятник исторической мысли средневековья	81
Биографические сведения об авторе в их социально-историческом контексте. Культурный мир и духовный облик хрониста	83
Историк: концепция, ее идейная доминанта и социально-политическая направленность	101
Происхождение и характер хроники. Степень правдивости автора	112
Структура произведения	120
ПРИМЕЧАНИЯ	122
ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА	159
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	162
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	166

Робер де Клари
**ЗАВОЕВАНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ**

Утверждено к печати
Отделением истории Академии наук СССР

Редактор издательства О. Б. Константинова
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректоры Р. С. Алимова, Т. М. Ефимова

ИБ № 29754

Сдано в набор 13.09.85
Подписано к печати 10.01.86.
Формат 60×90¹/₁₆
Бумага кн.-журнальная
Гарнитура академическая
Печать высокая
Усл. печ. л. 11,1. Усл. кр. отт. 12,35. Уч.-изд. л. 13,2.
Тираж 100 000 экз. 1 завод (1—50 000 экз.) Тип. зак. 1835
Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485 Профсоюзная ул., 90.
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

РОБЕР ДЕ КЛАРИ

ЗАВОЕВАНИЕ
КОНСТАНТИНОПОЛЯ

1 р. 60 к.

«НАУКА»